

РОДНАЯ СТАРИНА

В. Д. СИПОВСКИЙ

Василий Сиповский

Родная старина

«ЭКСМО»

Сиповский В. Д.

Родная старина / В. Д. Сиповский — «Эксмо»,

ISBN 978-5-699-53442-5

Эта книга выдающегося педагога и историка XIX в. Василия Дмитриевича Сиповского увлекательно повествует о происхождении древних славян, об этапах складывания русской государственности, о событиях отечественной истории вплоть до 1682 г. Перед читателем зримо и ярко предстанут исторические портреты Василия I, Ивана III, Ивана Грозного, Лжедмитрия I и других исторических деятелей. Книга дополнена развернутыми «Комментариями», цветными и черно-белыми иллюстрациями.

ISBN 978-5-699-53442-5

© Сиповский В. Д.

© Эксмо

Содержание

Василий Дмитриевич Сиповский и «Родная старина»	5
Из предисловия к первому изданию	8
Вступление	10
Откуда узнаем мы наше прошлое	10
Восточная Европа до начала Русского государства	18
Природа страны	18
Древнейшие обитатели Восточной Европы	21
Славяне	29
Соседи восточных славян	38
Предания о первых русских князьях	41
О Рюрике, Аскольде и Дире	41
Предания об Олеге	45
Предания об Игоре	48
Предания об Ольге	53
Предания о Святославе	57
Быт русских в девятом–десятом столетиях	62
Принятие христианства и распространение его на Руси	66
Владимир–язычник	66
Сказание об испытании вер	70
Крещение Владимира, киевлян и новгородцев	73
Первоучители славян – святые Кирилл и Мефодий	76
Владимир–христианин	81
Усобицы по смерти Владимира	83
Княжение Ярослава	86
Русская Правда	88
Сношения с иноземцами	91
Время удельных смут и усобиц	94
Усобицы при сыновьях Ярослава	94
Усобицы при внуках Ярослава	97
Ослепление Василька	101
Новые усобицы	103
Борьба с половцами	105
Владимир Мономах	107
Усобицы при сыновьях и внуках Владимира Мономаха	112
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Василий Дмитриевич Сиповский

Родная старина

Василий Дмитриевич Сиповский и «Родная старина»

В конце XIX – начале XX в. мало кому из образованных русских людей были неизвестны труды и имя Василия Дмитриевича Сиповского (1844–1895), выдающегося педагога и популяризатора исторических знаний. Их читали дети и родители, учителя и гимназисты, члены императорской фамилии и люди без чинов и званий – словом, все интересовавшиеся историей. Не одно поколение россиян начинало систематически знакомиться с прошлым родной страны по популярным книгам В. Д. Сиповского и лишь потом бралось за более академичных С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, В. О. Ключевского. К сожалению, эти книги, выдержавшие множество прижизненных и посмертных изданий, были в советское время преданы незаслуженному забвению. Та же участь постигла и память об их авторе. Лишь в 1990-е гг. в России вновь вспомнили о В. Д. Сиповском, и был переиздан его основной труд – «Родная старина».

Владимир Дмитриевич родился в Умани (ныне Черкасская обл. Украины). Окончив гимназию с золотой медалью, он поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где успешно завершил образование в 1868 г. Подающий большие надежды как ученый, Владимир Дмитриевич тем не менее вернулся на родину и работал простым учителем истории и русской словесности. В 1874 г. он перебрался из Киева в Петербург, приглашенный преподавать в столичную женскую гимназию. В столице он активно включился в педагогическую и общественную деятельность. С 1876 г. Сиповский издавал журнал «Женское образование» (с 1892 г. переименованный в «Образование»), а с 1878 г. преподавал историю и словесность на Высших женских курсах профессора К. Н. Бестужева-Рюмина. Помимо множества статей в собственном журнале, Сиповский часто публиковался и в других педагогических изданиях («Семья и Школа», «Русская Школа» и др.). А вскоре возникла идея книги, в которой бы популярно была изложена отечественная история, с широким использованием памятников древнерусской литературы. Во время подготовки книги не обошлось без непредвиденных неприятностей: в апреле 1879 г. квартира Сиповского была подвергнута обыску, а он сам – аресту по подозрению в хранении запрещенных изданий. Однако в бумагах Сиповского полиция не нашла ничего предосудительного, и Василий Дмитриевич смог вернуться к работе. В результате была написана трехтомная «Родная старина. Отечественная история в рассказах и картинах». Первый том (выпуск) был посвящен событиям российской истории с IX по XIV в. (до смерти Дмитрия Донского), второй – с XIV по XVI в. (до смерти Ивана Грозного), третий – с царствования Федора Ивановича до царствования Федора Алексеевича (т. е. до 1682 г., начала Петровской эпохи).

С момента выхода в свет первого тома (1879) «Родная старина» выдержала еще девять переизданий – настолько была велика популярность этой книги. Причем в прижизненные переиздания «Родной старины» автор вносил изменения и дополнения, в том числе очень существенные. Так, по сравнению с первоначальным вариантом, книга пополнилась вступительным рассказом об источниках знаний о прошлом, были существенно расширены рассказы о древнейших обитателях Восточной Европы, о древних литовцах и образовании Литовского княжества, о Западной Руси и Украине под властью Польши. Автор старался наполнить выпуски «Родной старины» иллюстративным материалом, чтобы сделать прошлое России для читателей более наглядным и доступным для понимания. В этом и состояла особенность метода преподавания истории Сиповским – благодаря доходчивому языку и увлекательному повествованию сделать прошлое понятным и интересным, чтобы перед читателем открывались не нудные перечни сухо изложенных фактов, дат и названий, а живые картины предыдущих эпох, слагающиеся из ярких запоминающихся образов. Кроме того, Василий Дмитриевич стремился не загромождать свои книги экономическими и социологическими концепциями, столь модными в его время, а сосредоточить внимание на том, что близко и доступно пониманию массового молодого читателя – на повседневной жизни людей, на взаимоотношениях между ними, на том, что их беспокоило или радовало. Читатели «Родной старины» постигали историю народа через знакомство с культурой, бытом и нравами, а историю государства – через мысли и поступки

правителей и окружавших их деятелей. Для Сиповского было важно донести до современников живое слово людей ушедших поколений. Всюду, где только возможно, он пересказывает или цитирует отрывки изустных и письменных литературных памятников – летописей, народных сказаний, былин, преданий и песен, эпических поэм и повестей, житий святых, посланий (в некоторых новейших переизданиях «Родной старины» многие из этих отрывков были, к сожалению, опущены). Особая ценность «Родной старины» заключается именно в насыщенности ее текста фрагментами исторических источников, большинство из которых осталось бы неизвестно неискушенному читателю. Это особенность не только этого произведения, но и других трудов Сиповского («История Древней Греции в рассказах и картинах» и «Сократ и его время»).

Работу над популярными книгами для народного чтения Сиповский совмещал с преподаванием и изданием журнала, а в 1885 г. Василий Дмитриевич был назначен директором училища для глухонемых. На этом посту он проработал до самой смерти. Педагогический талант В. Д. Сиповского был оценен императором Александром III, пригласившим автора «Родной старины» преподавать историю своим детям – великой княгине Ксении и великому князю Михаилу.

На титульных листах «Родной старины» Василий Дмитриевич скромно фигурировал в качестве составителя, тем самым подчеркивая, что он лишь добросовестно и популярно излагает либо результаты открытий других историков (их труды, использованные при подготовке книги, Сиповский перечислял в предисловиях к каждому из «выпусков»), либо содержание древних художественных памятников. И может показаться, что в «Родной старине» не отражены собственные взгляды Сиповского-исследователя. Но это не так. Автор «Родной старины» имел личные представления об историческом прогрессе, считал его главной силой просвещения. И недостаток просвещения он полагал одной из главных причин тех бед, которые постигли в прошлом Русь. Обычно избегая категоричных суждений, Сиповский все же делал однозначные выводы при оценке нравов той или иной эпохи, основываясь на мере просвещенности людей, их способности самостоятельно мыслить и свободно творить.

Даже в начале XXI в. книга В. Д. Сиповского сохраняет интерес для всех интересующихся историей. Конечно, нынешнему читателю «Родной старины» нужно всегда помнить, что автор адресовал свой текст юному поколению конца XIX в., а потому, проводя параллели с «современностью», он имел в виду реалии позапрошлого столетия. Нужно помнить, что «Родная старина» при всех ее достоинствах – не историческое исследование в современном смысле слова. Для автора важнее не реконструировать исторические события и процессы в том виде, в каком они происходили в реальности, а в том, в каком они остались в исторической памяти народа, превратившись в легенды и предания, отразившись в песнях и поговорках, оставив отпечаток в письменных литературных памятниках. Конечно, автор не слепо доверял этим источникам; нередко на страницах «Родной старины» он иронизировал над народной фантазией и прямо называл отдельные сообщения летописей и исторических преданий «баснословными». В то же время современная историческая наука подвергла справедливому сомнению многие из тех фактов, которые для

В. Д. Сиповского и современных ему историков были бесспорными. Впрочем, выводы современной науки тоже не истина в последней инстанции. Поэтому поправлять и комментировать «Родную старину» – дело неблагодарное и не всегда нужное. Ведь к труду Сиповского сегодня следует относиться не как к справочнику по отечественной истории, а как к талантливому литературно-историческому произведению, посвященному прошлому нашей родины. Тем не менее ряд мест в книге, трудных для понимания современного читателя или содержащих заведомые ошибки (в которых повинен не столько автор, сколько используемые им источники), пришлось снабдить примечаниями – либо в конце книги, либо в самом тексте [в квадратных скобках].

Из предисловия к первому изданию

Преподавание отечественной истории в наших мужских и женских учебных заведениях начинается обыкновенно в средних классах. Учащимся лет 13–15 дается в руки учебник, который и представляет основу преподавания. Учитель должен позаботиться, чтобы учащиеся вполне поняли и усвоили учебник. Учебники истории, даже и наилучшие, представляют по самой сущности своей сжатое и сухое изложение фактов, усвоить которые надо памятью. Объяснения учителя касаются смысла событий, значения их, причинной связи между ними и пр. и действуют преимущественно на рассудочную способность. Воображению и чувству учащихся уроки истории, особенно отечественной, дают обыкновенно слишком мало пищи. Даже и в тех случаях, когда учитель хороший рассказчик и мог бы своими рассказами вызвать у учащихся живые представления исторических событий и лиц, он очень редко бывает в состоянии это сделать: времени на уроки отечественной истории отводится обыкновенно немного, да притом половина его уходит на необходимое спрашивание уроков. Сухое же изложение фактов, не затрагивая воображения и чувства, плохо держится в памяти; частые и притом скучные повторения одного и того же мало помогают беде. Особенно же печально то, что при этом нередко гибнет у учащихся интерес к родной истории.

Если примем во внимание, что только крайне незначительному меньшинству удастся слышать профессорские лекции по русской истории, что научные сочинения малодоступны для обыкновенного читателя, то поймем, почему знание родной истории не процветает у нашего юношества.

А между тем отечественная история и словесность считаются краеугольными камнями национального воспитания. И действительно, только тот из образованных людей может понимать свой народ – не говорим уже – жить одним сердцем с ним, – кто хорошо знает пережитое и передуманное им.

Школа, если она хотя сколько-нибудь претендует на национальное воспитание, должна в своих питомцах возбуждать интерес к отечественной истории и давать им навык к чтению научных и исторических сочинений.

Более заботливые преподаватели обыкновенно и не ограничиваются только уроками, а мало-помалу вводят своих учеников в чтение исторических сочинений, советуя им иногда прочесть известные главы или страницы из сочинений Карамзина, Соловьева, Костомарова и др. (Подспорьем в этом отношении может служить «Хрестоматия по русской истории» Гуревича и Павловича, представляющая хороший подбор статей из научной литературы по русской истории.) Но чтение исторических сочинений и научных статей возможно лишь для старшего возраста. Притом чтение это может принести действительную пользу только при двух условиях: во-первых, необходим большой такт со стороны преподавателя при выборе статей для чтения и, во-вторых, необходимо, чтобы у учащихся был сильный интерес к отечественной истории. А для того, чтобы этот интерес был пробужден у них, надо, чтобы с первых же шагов изучения родная история не ложилась только тяжелым бременем на память, но производила бы впечатление на чувства учащихся, давала бы пищу и воображению их. Для этого необходимо, кроме учебника, кроме объяснений учителя – подспорье в самостоятельном чтении учащихся.

Вполне подходящего для этого и законченного труда нет в нашей учебной литературе; мы делаем попытку восполнить этот пробел. Мы задались целью пересказать все важнейшие события русской истории, строго придерживаясь источников и научной разработки их, – пересказать так, чтобы у читающих получилось сколько-нибудь живое представление о минувших событиях, лицах и древнем строе жизни. Для верного понимания исторических лиц и дел их важно знать, как смотрели на них современники или ближайшие потомки. В этом отношении взгляд летописца, слова древнего проповедника, старинное суеверное предание, простодушное

сказание современника и т. п. получают высокую цену. Всюду, где можно было, мы и старались показать, как события и дела исторических деятелей отражались в сознании современников. Хотя мы и пользовались научными трудами, но всегда старались держаться как можно ближе к источникам; некоторые памятники («Поучение» Владимира Мономаха, Слово о полку Игореве, места из Жития св. Феодосия и пр.) переданы нами почти дословно. Личная жизнь, как известно, мало проявлялась в древние времена нашей истории. Мало потому и биографического материала дают наши исторические источники, но все-таки по ним, хотя и в общих чертах, можно представить несколько типов, порожденных складом древней жизни и историческими обстоятельствами. С типом князя – сурового и беспощадного воителя – читатели нашей книги познакомятся из преданий о первых князьях: Олеге, Игоре и Святославе; с типом воителя, смягченным и просветленным христианским учением, – из рассказа о Владимире Мономахе; с непоседливым князем-удальцом удельно-вечегового периода – из рассказа о Мстиславе Удалом. Типы монахов-подвижников представлены в рассказах о св. Феодосии и св. Сергии. В XIV в. начинает выясняться тип князя-политика, скопидома, изворотливого и дальновидного – в рассказах о Юрии и Иване Даниловичах.

Особенное внимание обращено нами на изложение. Мы старались довести язык до возможной чистоты и простоты, старались в то же время избежать сухости.

Вступление

Откуда узнаем мы наше прошлое

Более тысячи лет минуло с той поры, как положено начало Русскому государству. Много за это время свершилось на Руси крупных дел, и хороших и дурных; немало бед и горя пережил русский народ; были у него и светлые дни радости; были и люди, память о которых дорога всякому русскому сердцу. Есть о чем порассказать, есть что и послушать.

Откуда же узнать нам о том, что было за несколько веков до нас? Откуда проведать о стародавних временах?

Жизнь народов обыкновенно не проходит бесследно. Устные рассказы о давно минувших событиях, древние письменные памятники, здания, утварь, оружие и другие вещи, уцелевшие от прежних времен, – все это следы минувшей жизни народа. Чем образованнее становятся люди, тем больше они дорожат этими остатками старины: понимают, что нельзя разумно жить среди народа, не зная его нравов, обычаев, учреждения; а узнать и вполне понять их только и можно, уяснив себе, как складывались они в многовековой жизни народа. Разъяснить это и изобразить былую жизнь народа есть задача истории, а всевозможные остатки старины служат источником, откуда историк черпает сведения о былом.

Как отдельному человеку, так и целому народу врожденно помнить свое прошлое и дорожить им. Кому не приходилось замечать, как любят рассказывать о минувших днях люди старые да бывалые, как говорится, выдавшие виды на своем веку? Рассказывают они порой так хорошо, подробно да складно, что и заслушаться их можно. Память у стариков бывает нередко и богата, и торовата – были бы только желающие слушать их, а за охотой рассказывать дело у них не станет.

Такая охота у старых людей была во все времена. Рассказывают старики про былое своим детям и внукам, и глубоко им в память да в сердце западают эти рассказы. Пройдет десятка два-три лет – деды уже в могилу сошли, внуки их и дети сами стали отцами и дедами; рассказывают и они своим детям о старой дедовской были и о том, что сами на своем веку видали. Так из рода в род и передаются рассказы о былом, потому и называют их преданиями. Века проходят, а сказания о старине, словно наследство заповедное, наряду с дедовскими обычаями, переходят от поколения к поколению.

Хоть и крепка бывает память у стариков на прошлое, а все-таки ей не удержать всего, что они сами видывали и от других слыхивали: ускользают имена, путаются события, забываются порой место и время, где и когда что случилось. Притом ведь не все, что знаешь, и рассказывать хочется; что глубже врезалось в память да к сердцу ближе, только то и на язык просится. Лихие беды, подвиги молодецкие, лютое горе и светлые радости – вот что больше всего сказывается в народных преданиях. На беду, когда сердце слишком уж сильно заговорит, то ум порой молчит... Иной рассказчик говорит о силе дивной могучего богатыря, о чудесных подвигах его, да невольно от полноты души и прикинет от себя словцо-другое, – где преувеличит, где приукрасит; смотришь, с былью уже и сплелась небылица. Прошел такой рассказ через уста нескольких поколений, предание уж и в сказку обратилось, и трудно в ней отличить быль от небылицы. А то найдутся в народе и такие досужие да умелые люди, что иные сказания в песни переложат: в песне они выходят складнее, и слушать их приятнее.

Жизнь не стоит: года идут за годами; совершаются новые дела; у каждого поколения свои печали, свои радости, свои заботы; зарождаются новые сказания, новые песни складываются. Они мало-помалу смешиваются между собой в народной памяти, новое сплетается со старым или вытесняет его. Много древних преданий и старых песен затерялось, забыто наро-

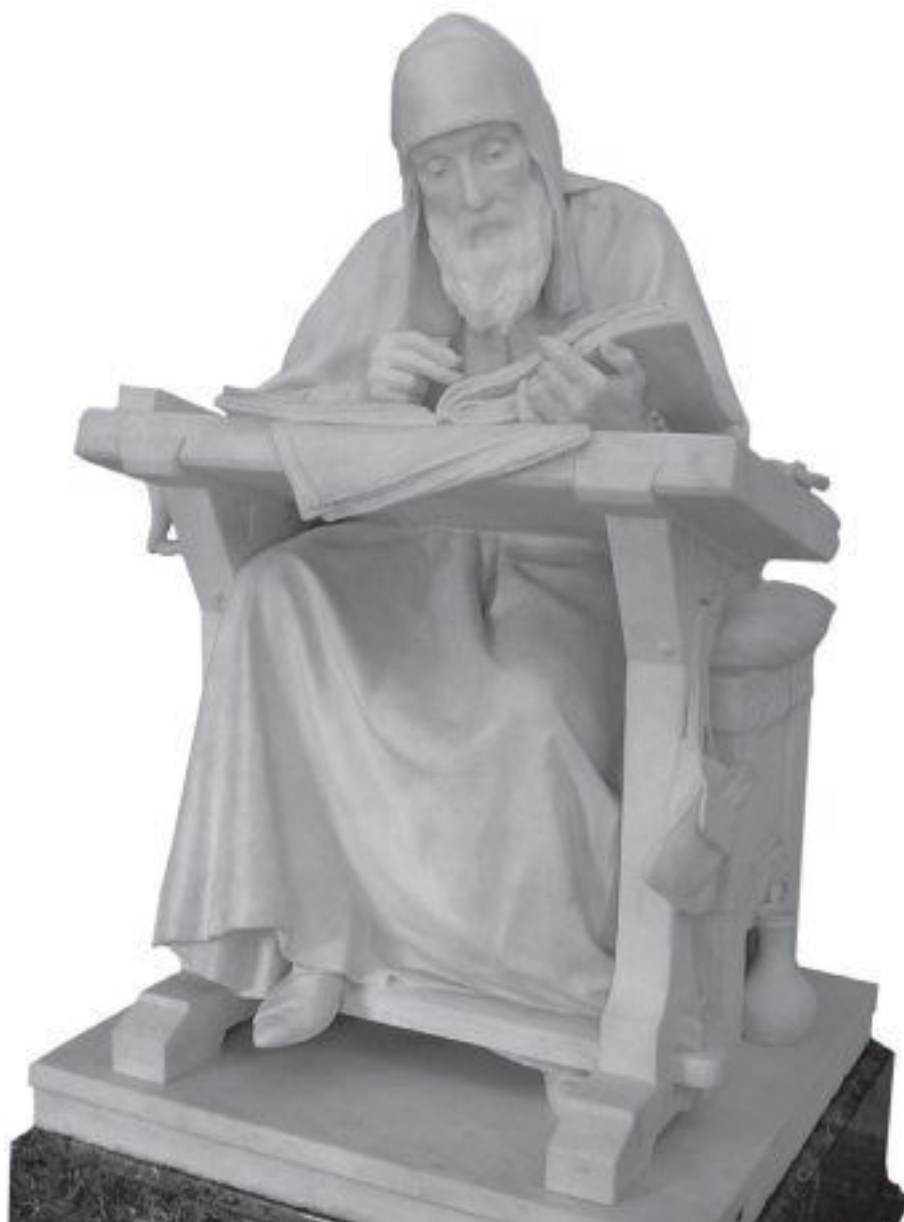
дом прежде, чем ученые стали у нас собирать, записывать и изучать их; но все же немало их хранится и до сих пор в народной памяти. Давным-давно уж нет на свете тех, про кого говорится в иной песне, даже и от могил их давно уж и следа нет, а живая песня все еще говорит про их дела; сотни лет проходят, а горе и радости их все живут в этих песнях...

Народные песни, сказки, предания служат историку драгоценным устным источником. Не станет он черпать из них сведений о событиях и лицах, но узнает отсюда, во что верил народ, на что надеялся, что любил он и что из пережитого и передуманного им особенно глубоко врезалось в его память. Вот чем дороги для истории устные народные произведения.

В древности, когда у наших предков и в помине еще не было письменности, в наши края заходили грамотные иноземцы или узнавали о нашей земле от бывалых людей и разносили известия о ней, порой вели записи, описывали нравы, обычаи, быт наших предков. Из этого источника можно почерпнуть много любопытных подробностей о старинном житье-бытье русских; притом отсюда узнаем мы, как смотрели на них иноземцы в ту или другую пору.

Когда письменность стала распространяться на Руси, у нас нашлись грамотные монахи, которые стали вести записи о событиях в родной земле. Делалось это сначала очень просто: выставляли года и под ними коротко отмечали, что случилось в это время; а ничего особенного не было, то ничего и не писали – год пустым оставался. Эти отрывочные записи и называются летописями.

Таких начальных записей до нашего времени не сохранилось. Самый древний летописный труд, дошедший до нас, Повесть временных лет (полное ее заглавие: «Се повести временных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первые княжити и откуду Русская земля стала есть»). Этот труд относится к XII в. Составитель летописи – был ли он инок Киево-Печерской лавры Нестор, как думали прежде, или Сильвестр, игумен Выдубицкого монастыря, как полагают теперь, – потрудились немало над своей книгой.

«Нестор-летописец». Скульптура работы М. М. Антокольского. 1890 г.

Жил он в конце XI и начале XII в., а задумал начать книгу по примеру греческих летописцев со времен Всемирного потопа. Пришлось ему собирать сведения из греческих летописей, из разных сказаний и преданий, особенно же из древнейших русских летописных заметок; пришлось все это сводить в одно целое, потому и называют труд его летописным сводом. Темное предание о первых князьях, благочестивое сказание о первых христианских подвижниках на Руси, отрывочные заметки о походе князя или нападении хищных врагов, сказочный рассказ бывалого человека о каких-либо диковинах Русской земли – все дорого для него, все старательно заносит в свою книгу простодушный составитель: только позднейшие события мог он описывать, как очевидец. Отрекся он от света, хочет думать только о Боге, о спасении душевном, да не вырвать ему из сердца своего привязанности к родной земле, сильно хочется ему знать, что на ней творится и творилось, хочется и другим поведать о том, что сам знает. И вот, помолясь Богу, берется он усердно за свой труд: скорбно повествует о неурядицах на Руси, о

злодеяниях, о княжеских усобицах, с умилением сердечным заносит сказания о подвигах христианского благочестия, приводит из Святого Писания подходящие места. На труд свой смотрит он, как на дело богоугодное: будут читать летопись князя, бояре, монахи – узнают, сколько зла творилось на земле, как Бог карал за это нечестивых, узнают и хорошие дела, подвиги лучших русских людей – и легче будет добрым людям избирать правые пути в жизни и от зла сторониться. Нелегко было написать целую книгу, когда приходилось букву за буквой вырисовывать. Но летописец усердно трудится – он надеется «от Бога милости прияти», надеется, что и люди прочтут его книгу и добрым словом помянут его.

Великое дело свершил трудолюбивый составитель Повести временных лет: из нее более всего мы и узнаем о древнейших событиях на Руси до 1110 г., которым заканчивается эта летопись.

Вслед за нею стали вести летописные сказания и в других городах, по монастырям (Новгородские летописи, Псковская, Суздальская и др.). Позднейшие летописцы обыкновенно списывали сначала Повесть временных лет, а затем уже сами продолжали – отмечали больше события тех областей и городов, где сами жили. Летописи велись у нас до XVII в. Множество рукописных летописей дошло до нашего времени; но, к сожалению, самые древние из дошедших до нас писаны не раньше конца XIV – начала XV в. (Лаврентьевский и Ипатьевский списки); стало быть, Повесть временных лет сохранилась лишь в позднейших списках.

Н. М. Карамзин. Портрет работы Е. И. Гейтмана. 1820-е гг.

Кроме летописей, от древней письменности уцелело много отдельных сказаний о достопамятных событиях, житий святых, записок современников, посланий; сохранились также древние договоры, княжеские грамоты, указы, постановления правительства, уставы, законы. Все это драгоценные для истории письменные источники.

С течением времени все больше и больше копилось разных рукописей. Целые груды их сотни лет таились в полной неизвестности в монастырских и других древних книгохранилищах. С XVI в. началось в Москве книгопечатание, но долго никто и не думал печатать драгоценные для истории рукописи. Чтобы разобраться в горах их, отделить важные от неважных,

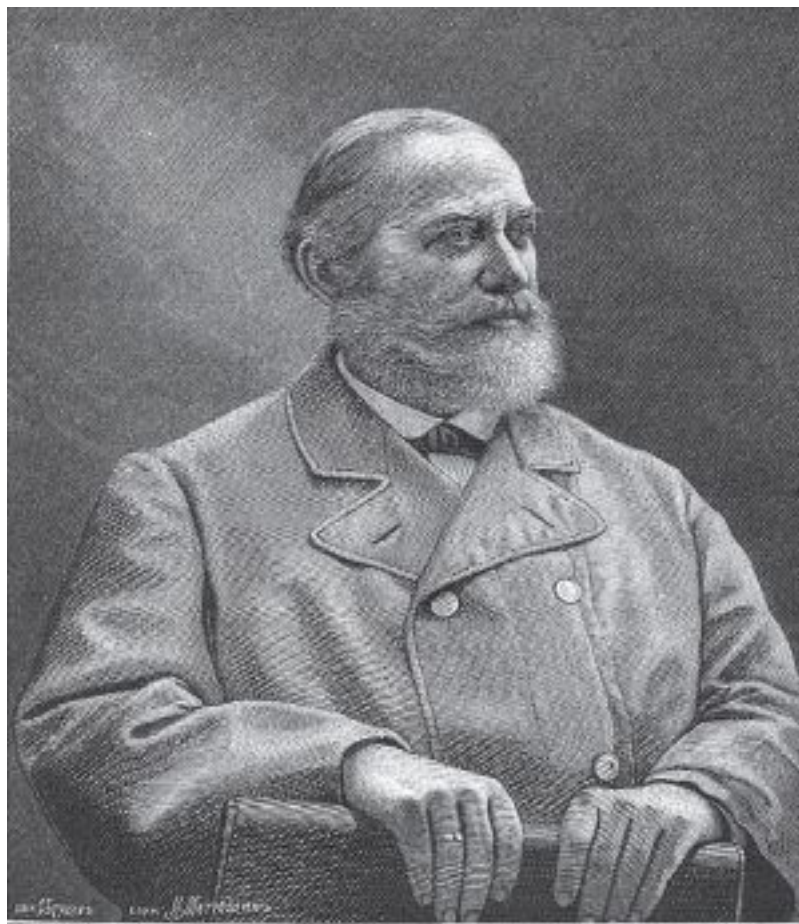
нужны были не только труд и усердие, но и знание и умение, а их-то и недоставало у наших предков. Не умели они беречь дорогих рукописей: много затерялось, немало погибло не только от пожаров, но и от небрежности и невежества владельцев.

Только с XVIII в. в нашем отечестве зародилась настоящая наука. По мысли Петра Великого возникло в Петербурге ученое учреждение, Академия наук, куда призваны были ученые, за неимением русских, из Германии. Между ними нашлись люди, знавшие цену древним рукописям, – стали их старательно собирать, изучать, печатать. Начиная с М. В. Ломоносова, первого русского ученого, и русские люди принимаются за науку. Многие стали усердно трудиться и над разными вопросами русской истории; иные пытались изложить ее последовательно и связно с древнейших времен. В начале нашего века [автор имеет в виду XIX в.] является знаменитый труд Карамзина: «История государства Российского» (доведена до 1613 г.). С этого времени любовь к старине все растет и растет: является все больше и больше исследователей, учреждаются целые общества любителей древностей, общими силами работают над источниками русской истории. Дорога родная старина всякому, но дороже всего она тому, кто всю жизнь кладет на изучение ее. Усердно роются ученые в горах старинных рукописей, изучают древние сказания, темные предания, сказки, песни, обычаи, поверья, язык народа, раскапывают древние могилы (курганы), отыскивают древнее оружие, утварь и пр.; всюду ищут остатки старины, как золотоискатели золота.

И не напрасен их труд: все больше и больше набирается сведений о старине, все яснее и яснее возникает прошлое пред нами, словно оживает. Учреждаются новые ученые общества, работающие над русской стариной. Возникает у нас целая наука древностей (археология) со многими отделами, охватывающими все стороны древнего быта (старинные здания, иконы, древние письмена, утварь, оружие, одежды, монеты и пр.). Кроме больших государственных собраний и хранилищ древностей, как, например, Оружейная палата в Москве и Эрмитаж в Петербурге, изучению старины способствуют и частные собрания древних вещей у некоторых богатых любителей древностей. Издаются благодаря помощи правительства и частных лиц летописи, государственные грамоты, изображения древних зданий, вещей, одежд. Являются богатые собрания устных, народных произведений (песен, сказок, пословиц и пр.), издаются научные исследования народных обычаев, поверий. Правительство открывает свои собрания древних документов и бумаг (архивы) для любознательных ученых. Частные лица, владеющие важными для истории записками или письмами, обнародуют их. Возникает несколько исторических журналов («Русская старина», «Русский архив», «Исторический вестник» и др.), которые издаются в течение многих лет и не могут исчерпать всего нашего «исторического богатства», накопленного в минувшие годы.

Много даровитых и высокоталантливых ученых, много и скромных тружеников работало над русской стариной. Не одну страницу пришлось бы исписать их именами, если бы мы вздумали всех их назвать. Всем им скажет сердечное спасибо всякий русский, кому дорога родная старина; скажет большое спасибо и историк, которому и подумать нельзя было бы об изложении истории, не будь подготовлено для нее источников. А собрать их и подготовить, как говорится, материалы для истории – дело очень нелегкое. Доверчивый летописец спокойно заносил в свой труд всякие известия, предания, рассказы, не задумываясь долго над тем, верны ли они или нет; а настоящий ученый может пользоваться ими лишь после строгой, разумной проверки (критики) источников. Откроет ли ученый какое-либо неизвестное раньше древнее сказание, он, прежде всего, если не помечен год, когда оно написано, постарается разведать по начертанию письмен, по языку, какому времени принадлежит рукопись. Если в ней рассказано о каком-либо событии, то исследователь задумывается, мог ли писавший и хотел ли сказать правду; найдет ли ученый исследователь старины древнюю монету, он еще проверит, так ли стара она, как кажется, не поддельна ли она и т. д. Только после осторожных критических

изысканий, порою очень долгих и кропотливых, указана будет настоящая цена памятника для истории.

С. М. Соловьев. Гравюра Л. А. Серякова. 1881 г.

После такой разработки, после изданий источников можно вернее и полнее излагать русскую историю, чем прежде. С пятидесятих годов [XIX в.] Соловьев начал свой огромный труд (теперь 29 томов); затем появились многочисленные труды Костомарова – они усилили в русском обществе любовь к историческому чтению. Наконец, в наше время [имеются в виду 1880-е гг.] начато несколько новых больших работ по русской истории (Бестужева-Рюмина, Забелина и Иловайского), которые стараются решить некоторые темные вопросы нашей истории и осветить полнее древнерусскую жизнь.

Над разъяснением ее много еще придется поработать и теперешним нашим историкам, и будущим. Нелегко разобраться в горах письменных, вещевых и устных источников, еще труднее добыть из них то, что составляет главную задачу всякой науки – правду, ту правду, которую и народ наш высоко ценит, говорит о которой в своих пословицах: «Правда светлее солнца, дороже золота», «Без правды не живут люди, а только маются».

Образованные люди могут узнавать эту правду о родной старине из трудов ученых; грамотному простолюдину кое-что скажут о ней доступные ему книжки; неграмотный же человек узнает о ней от грамотных, а в глухих уголках нашей земли – тем же способом, как предки наши тысячу лет назад, – из рассказов стариков, из преданий да песен. Все реже и реже слышатся в наших деревнях старинные песни: они мало-помалу вытесняются новыми, книжными. Былины о старых богатырях сказываются только кое-где у нас на севере уже немногими умелыми стариками; на юге России былин этих народ уже не знает – их заменили песни (думы) о

казацких временах. Здесь встречаются еще, хотя и редко, народные певцы (кобзари), большею частью нищие-слепцы. Еще и до сих пор можно видеть, какое великое значение имели они для народа. Ходят они за своими поводьями (вожаками) из села в село. Везде кобзарь – желанный гость. Куда ни придет, вокруг него скоро собирается толпа и старого, и юного люда: всякому хочется послушать песни о старине. Играет кобзарь на своей кобзе (род гитары) и под звуки ее струн поет свою песню: поет он о том, как попадали казаки в татарскую или турецкую неволю, о муках нестерпимых, какие выносили они в руках басурман. Уныло звучит старческий голос певца, жалобно стонут струны. Стоят кругом слушатели, стоят недвижно с опущенными головами, словно слышат они стоны предков своих, – слышат, а помочь не могут... Кончил свою песню кобзарь. Смутно у всех на душе. Но вот он снова запел, и запел иную песню: поет он про степь широкую, вольную, поет о том, как по ней развивалась удаль казацкая, поет про лихие подвиги прадедов, про силу их могучую. Звонче гудят живые струны; крепнет голос старого певца, будто молодость вернулась к нему. Поднимаются опущенные головы слушателей, расправляют свои согнутые спины старые казаки, а у молодых и глаза блещут – почуяли они, что и в их жилах течет казацкая прадедовская кровь...

Восточная Европа до начала Русского государства

Природа страны

Восточная часть Европы вовсе не походит на западную. Нигде на всем земном шаре нет такого извилистого, изрезанного заливами морского берега, как на Европейском Западе, нигде не бросаются так в глаза, как тут, следы упорной многовековой борьбы моря с материком. Оно охватывает сушу с трех сторон, волнами изрезывает берега, промывает низменности, отрывает клочки суши от материка, образуя прибрежные острова, врывается в него множеством больших и малых заливов. А материк, в свою очередь, словно напрягая силы свои, вздымается горными кряжами, вторгается отрогами их в море, врезывается в него скалистыми мысами, об утесы которых целые тысячелетия разбиваются морские волны...

Нигде горы, долины и морские берега не сочетались так выгодно для человека, как в Западной Европе. Море расчленяет ее на несколько больших полуостровов, на севере своими теплыми течениями греет ее, на юге спасает от жгучего африканского зноя. Горные хребты, идущие по ней вдоль и поперек, делят ее на несколько областей, на множество долин и уютных уголков. Равнины и долины, во многих местах огражденные горами от северных холодных ветров, обильно орошенные горными потоками и реками, цветут богатой растительностью. Горы всегда облегчали жителям Западной Европы защиту от врагов; роскошная природа ее, особенно на юге, издавна влекла население, щедро осыпая человека своими дарами, лаская взоры его своими красотами, а море, никогда не замерзающее, с его многочисленными заливами и островами, облегчало сношения народа и манило смелых на поиски счастья в чуждальние края...

Мудрено ли, что на Европейском Западе богатые, цветущие страны рано наполнились густым населением, что рано сложилось здесь несколько государств, возникли многолюдные богатые города, развились промышленность, торговля, мореплавание и расцвели искусство и образованность?

Не то представляет Европейский Восток. Громадной равниной раскинулся тут материк от Северного моря до Черного, от Уральских гор до Карпат и Балтийского моря. Трудно было поселенцам найти здесь уютное место и сесть плотными поселками где-либо на безграничной равнине, трудно было не разбросаться в разные стороны по ее широкому простору. Много сил и труда должно было пойти здесь у жителей на оборону от лютого холода, от хищного врага, да и почва здесь большей частью скупа – скудно платит человеку за его труд.

Западноевропейская природа, справедливо отмечает один из наших историков, всегда была для человека нежной матерью, а восточная – суровой мачехой. Понятно, что на востоке Европы гораздо труднее было, чем на западе, сложиться государству, возникнуть большим городам, разрастись промышленности и торговле.

На громадной Восточно-Европейской равнине, только по дальним своим окраинам имеющей естественные границы, рано или поздно должно было сложиться одно большое государство. Равнина эта предназначена была для нашего огромного государства, для многочисленного и могучего нашего народа, медленно крепшего, закаленного в бедах и невзгодах, много веков поливавшего землю своим потом и кровью, – народа, терпение и удаль которого так же безграничны, как широкий простор его полей...

На Крайнем Севере Восточной Европы большую часть года стоит лютая зима, белой пеленой снег покрывает промерзлую почву, страшной стужей веет с Ледовитого моря, ночной сумрак полгода висит над землей. Не будь на дальнем Севере хорошей рыбной ловли, охоты за пушным зверем и птицей да быстрого и выносливого северного оленя, не жить бы там и чело-

веку. Край этот совсем бесплодный: ни посадить ничего, ни посеять нельзя. Коротким летом поверхность промерзлой болотистой почвы (тундры) оттаивает лишь на несколько вершков: расти на ней может только мох – пища северного оленя. К югу от этого дикого и бесплодного края появляются деревья, сначала в виде мелкого кустарника, а далее идут дремучие сосновые и еловые леса.

Средняя полоса Восточной Европы богата и теперь лесами, а тысячу лет назад их было гораздо больше: на целые сотни верст тянулись непроглядные непроходимые лесные дебри, которые перемежались озерами да болотами. В лесной глуши привольно было всякому лесному зверю: белки, зайцы, волки, медведи, лисицы, куницы наполняли их; стадами бродили дикие кабаны, серны, зубры; раздолье было здесь и лесной птице! На севере, в лесах, больше встречаются хвойные деревья – ель да сосна, а южнее идут лиственные – клен, дуб, липа и другие. Здесь в изобилии роятся пчелы и кладут свой мед в дуплах старых деревьев. Тут гораздо легче, чем на Крайнем Севере, живется и человеку: кроме разных лесных промыслов может он возделывать здесь рожь, овес, гречиху, лен и другие полезные полевые и огородные растения.

К югу от средней полосы все реже и реже встречаются леса: они ютятся по берегам рек да по влажным низменностям и все больше и больше места уступают полям да лугам, а дальше расстилается широкая, неоглядная степь. Теплее греет землю тут солнце, и тучная почва во многих местах дает обильные урожаи пшеницы, растит нежные плодовые деревья, а в самых южных частях даже и виноградную лозу. Долго эта степная полоса не имела постоянного населения – бродили тут порою лишь кочевники. Ранней весной покрывалась степь густыми, высокими травами: словно волны ходили по этому зеленому травяному морю, когда степной ветер гулял здесь на просторе. Раздолье было в степи диким коням и другим травоядным животным, привольно жилось и степной птице: стрепеты, дрофы, дикие голуби, горлинки целыми стаями носились над степью; рои мелких голосистых птиц наполняли воздух свистом и пением. Ранним летом степь пестрела яркими цветами, запахом их наполнялся степной сухой воздух. Мудрено ли, что роскошная степь эта постоянно привлекала с востока, из Азии, кочевников? Но случалось, что жгучим летним зноем высушивало и даже выжигало степные травы, и тогда до весны степь обращалась в мертвую пустыню...

Степь спускается к берегам Черного, Азовского и Каспийского морей.

Чем дальше уходит она на восток, тем низменнее и бесплоднее становится почва: попадаются здесь местами и голые пески, пропитанные солью (солончаки). Дальше на востоке европейские степи сливаются с азиатскими.

Среди всего громадного простора Восточной Европы, хоть изъездить ее вдоль и поперек, не найти настоящих гор, попадутся кое-где разве небольшие возвышенности да холмы. Внутри эта громадная равнина незаметно поднимается и образует плоскую возвышенность (Алаунскую), покрытую в иных местах холмами: здесь много лесов, болот и озер – отсюда и берут начало наши большие реки.

С западной части возвышенности (Валдайские горы) течет на восток Волга, сначала маленькой речонкой, справа и слева бегут к ней ее притоки, ручьи и речки. Но чем дальше, тем полноводнее, глубже и шире делается она, а когда, приняв в себя Оку, сливается с рекой Камой, то становится такой широкой, что с одного берега еле видишь другой. Здесь Волга поворачивает на юг, медленно и величаво несет свои воды через дремучие леса, через степи широкие в Каспийское море. С той же возвышенности берет начало Днепр. И он начинается маленькой речкой, а потом все растет и растет, принимая в себя воды притоков, и тихо, не спеша, пробирается через густые леса к вольной степи. В одном месте тут заслонили было ему путь камни да утесы (пороги) и забурлили его воды: тесно им после приволья да простора степного пробираться по узким проходам между камнями! Пробившись сквозь пороги, свободно и вольно разливается Днепр вширь и впадает в Черное море таким широким устьем, что и не разберешь, где кончается река и где начинается море. Между Волгой и Днестром Дон с прито-

ками орошает степь и несет свои воды в Азовское море. С Валдайской возвышенности течет Западная Двина в Балтийское море. Тут же неподалеку начинаются и реки, текущие в озеро Ильмень: из него Волхов идет в Ладожское озеро, и оно рекою Невею вливается в Балтийское море. С Алаунской гряды текут на север притоки реки Северной Двины, а на юг – притоки Волги. Кроме этих рек, много других меньших пересекают страну по всем направлениям. Из середины ее они со множеством притоков расходятся на север и юг, на запад и восток и, словно водной сетью, покрывают всю громадную равнину. Многие из этих рек, полноводные, рыбные, текут на целые сотни верст, текут спокойно, не спеша, через леса, поля и степи.

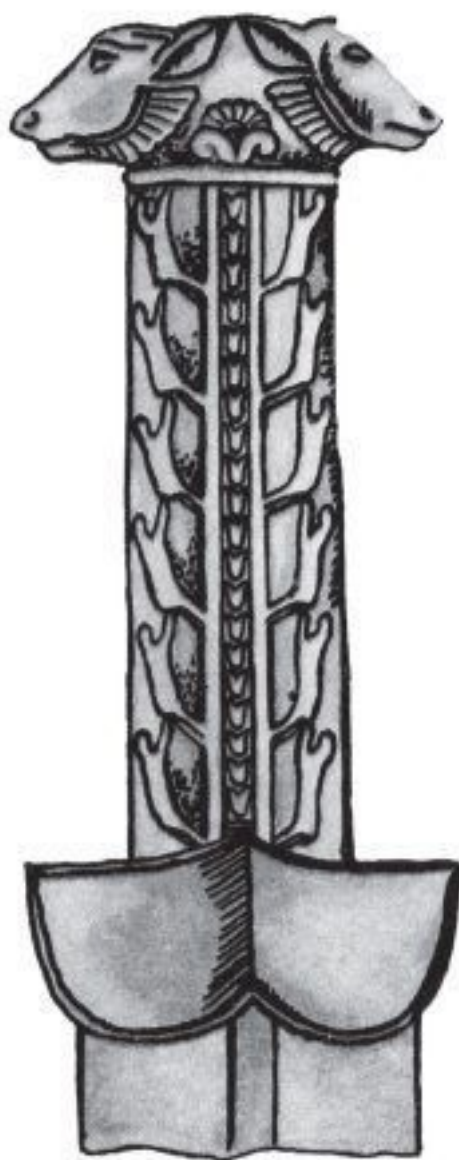
Не будь этих рек, трудно было бы расходиться по стране первым поселенцам ее – легко было затеряться в беспредельных степях, заблудиться в лесных чащобах, да и пробираться сквозь непролазные дебри по топким болотам было очень тяжело и опасно: на каждом шагу можно было встретиться с хищным зверем. То ли дело река... Путь ровный! Сделать челн из старого дуплистого дерева не трудно. По течению реки плыть совсем легко – сама вода несет, да и вверх подниматься не тяжело по тем рекам, которые текут тихо и ровно. Поднимешься к верховью одной реки, плыть дальше нельзя, смотришь – недалеко начинается другая река. Три-четыре человека могут без особого труда перетащить челн до нее: где место гладкое, можно тащить по земле волоком, а где нельзя, там легкую ладью и на руках можно перенести. Стоит только добраться до другой реки, спустить лодку в воду – и плыви себе иной раз хоть целые сотни верст без помехи. Плавая по рекам, не заблудишься: они и обратный путь покажут, если надо вернуться, да и опасности меньше. Приходится плыть сквозь темные леса: полны они рева и воя звериного, да не опасно – не достанет зверь людей среди большой реки. Случается им иной раз и на берег выйти поохотиться, раздобыться дичью: приходится тут и с большим лютым зверем встретиться. Опасно и это, но все же не то, что пробираться по лесам целые дни, недели, не зная покоя ни днем ни ночью, быть постоянно в страхе среди лесного сумрака...

Понятно, почему население более всего ютилось к рекам, а они, текущие во все стороны Восточно-Европейской равнины, разносили его мало-помалу во все концы ее.

Древнейшие обитатели Восточной Европы

В глубокой древности, тысячи за три лет или более до Рождества Христова (Р. Х.), в разных местах Европы уже обитали люди. Тяжела и непроглядна была жизнь этих первобытных диких поселенцев Европы. Они еще не знали железа: кости животных и камни заменяли им железные орудия. Из кремней и других твердых камней, терпеливо отбивая кусок за куском, тогда выделяли себе люди необходимые орудия: топоры, молоты, ножи, домашнюю утварь, наконечники копий и стрелы и пр. Трудно было сделать их, нелегко было пользоваться ими: сколько надо было труда, чтобы каменным топором срубить толстое дерево.

Сколько надо было поработать, чтобы каменным ножом сделать из дерева какую-нибудь вещь. Но с течением времени и эти первобытные каменные орудия человек ухитрился довести до значительного совершенства, научился трением при помощи песка придавать им гладкость (шлифовать), оттачивать их, нашел способ сверлить в них отверстия, удобнее прилаживать рукояти, стал даже придавать своим изделиям изящный вид и выделять из камней украшения, бусы и пр. Те времена, когда люди ютились в пещерах или для безопасности от лютого зверя и хищника-врага устраивали себе шалаши по озерам на сваях, пробавлялись охотой да рыболовством, довольствуясь каменными орудиями, ученые назвали каменным веком.

Скифские изделия из золота: слева – рукоять меча, справа – гребень

Конечно, не одно столетие первобытные обитатели Европы в своем житейском обиходе довольствовались каменными орудиями подобно тому, как еще двести лет назад обходились ими, например, наши камчадалы.

Великим событием в бытовой истории человека было открытие способа делать вещи из бронзы (сплава меди и олова). С этой поры люди мало-помалу научились отливать не только хорошие мечи, ножи, серпы, наконечники копий и стрел, но и сосуды, и довольно красивые украшения: ожерелья, кольца, серьги и пр. Время господства бронзы называется бронзовым веком.

Когда же, наконец, человек совладал с твердым железом, научился ковать его, делать из него орудия более прочные и удобные, чем бронзовые, наступает железный век.

Как на западе Европы, так и на востоке сохранилось много остатков от каменного и бронзового веков.

Уже издавна в разных местностях России случалось, что крестьяне выпаживали из земли маленькие заостренные камешки, называли их «громовыми стрелками», так как суеверного народа сложилось поверье, будто они находятся там, куда ударила молния. Изучение древностей каменного века показало, что эти камешки – наконечники стрел, уцелевшие от глубокой древности.

Раскопки и случайные находки почти всюду в России доставили огромное количество каменных вещей, разных орудий, от самых первобытных, грубо отесанных, до красиво отделанных, просверленных; нашли также и куски глиняных сосудов (горшков), от самых грубых, плохо вылепленных, полубоженных до искусно сделанных и украшенных затейливыми узорами. Точно так же немало найдено на западе России, в северных и восточных частях ее разных бронзовых вещей и железных, которые относятся к глубокой старине.

Все эти любопытные вещевые остатки ясно показывают, что восточная половина Европы была обитаема подобно западной уже за несколько тысячелетий до Рождества Христова, что древнейшим жителям ее много веков приходилось биться изо всех сил, чтобы с каменным орудием в руках поддерживать и охранять свою жалкую жизнь.

Показывают эти остатки, как первобытные люди путем вековых усилий ума, приноравливаясь и приспосабливаясь всячески к окружающей их природе, старались мало-помалу улучшить, облегчить и скрасить свою жизнь и как, наконец, дознались до искусства плавить некоторые металлы и ковать железо.

Кроме того, в России во многих местах находят немало древностей времен, хотя и позднейших, но все же дохристианских. В наших южных степях много сменилось кочевых племен задолго еще до Рождества Христова. От них остались тоже вещевые следы.

В разных местах степи встречаются и малые, и большие курганы (могильники), попадаются и небольшие могилы, обложенные или обставленные камнями. На некоторых насыпях найдено множество каменных, по большей части грубо изваянных, изображений женщин и мужчин. Значение этих загадочных истуканов, или «каменных баб», как их называют, до сих пор еще не объяснено. Все это – памятники давно минувшей жизни народов, но памятники немые: по ним можно судить только о состоянии искусства у этих народов в разные времена, путем домыслов и догадок можно добыть и некоторые сведения о внешнем быте, но не скажут ничего определенного нам эти немые памятники о внутренней жизни, о верованиях, о понятиях народов, не расскажут и о том, что пережили они. Поведать нам об этом может только человеческое слово: без него нет и быть не может настоящей истории. Те времена, от которых не сохранилось словесных известий, называются доисторическими.

Первое веское слово о народах Восточной Европы сказал греческий писатель Геродот, которого называли «отцом истории». Уже в шестом столетии до Рождества Христова по северному берегу Черного моря процветали греческие колонии: Ольвия при устье Буга, Херсонес и Пантикапея на Таврическом полуострове и др. Жители этих городов, особенно Ольвии, были в сношениях с соседними народами, жившими в нашей южной степи, и, конечно, должны были многое знать о них. Геродот, посетивший в V в. до Рождества Христова Ольвию, не довольствуясь одними слухами и рассказами о занимавших его странах, сам побывал в устьях Днепра, Буга и Днестра и рассказал подробно и живо все, что видел и слышал.

Прежде всего любознательного историка поразила громадность страны, раскинувшейся пред ним, и величина рек, орошающих ее. Ближайшими соседями греческих колоний, жителями нашей южной степи, были скифы-кочевники, а к северу от них вверх по Днепру жили, по словам Геродота, подвластные им скифы-пахари. Далее он приводит несколько баснословных рассказов о людоедах (антропофагах), будто бы живущих к северу от этих скифов, о чудовищах с львиным туловищем, с орлиным клювом и крыльями (грифах), стерегущих на севере золото и прочее. В такие басни облекались слухи о страшных опасностях, ждущих смелых путеше-

ственников на дальнем севере, и о богатствах, скрытых в Уральских, или Сибирских, горах. Но то, что рассказывает Геродот о скифах-кочевниках, дышит простотой и правдивостью.

Скифы-кочевники, по его словам, очень мудро устроили свою жизнь: на них трудно напасть врагу, трудно и уйти от них – ни городов, ни крепостей у них нет; живут они не от плуга, а от скота, все они конные стрелки, жилища свои имеют при себе – перевозят их за собой на телегах.

Как трудно покорить кочевников, на широком степном приволье, хорошо видно из рассказа того же Геродота о походе персидского царя Дария на скифов. С бесчисленным войском двинулся он в степь, надеясь скоро обуздать их, но ошибся в расчете: скифы не вступали в бой, а беспрестанно переходили с места на место, уходя ввиду персидского войска все дальше и дальше в глубь своих степей.

Дарий потерял наконец терпение и послал к скифскому царю гонца с такими словами:

«Если ты силен, остановись и сразись со мною, если же чувствуешь свою слабость, то все-таки не бегай, а дай мне, как владыке своему, земли свои и воды и вступи в переговоры».

«Никогда ни перед кем не бегал я от страха, – отвечал персидскому владыке скифский царь, – ни прежде, ни теперь. Ничего небывалого не делаю я и ныне. Я по своему обычаю кочую. Остановиться мне негде: у нас нет ни городов, ни возделанной земли, и защищать нам нечего, а потому и сражаться с вами у нас нет ни случая, ни причины. Если же непременно хочешь битвы, то у нас есть отцовские могилы, – найдите их и попробуйте тронуть, тогда вы узнаете, будем ли мы готовы на битву или нет... Ты называешь себя моим владыкой. Да будет тебе ведомо, что над собой я знаю только одного владыку – Бога... За дерзкие слова твои заплатишь ты слезами».

С этого времени скифы стали всячески вредить персам: не давали им покою по ночам, нападали во время обеденных привалов. Скифская конница постоянно одолевала персидскую; когда же пехота готовилась вступить в бой, то скифы уносились от нее на своих степных конях.

Сначала скифы, отступая перед персами, засыпали колодцы и родники, уничтожали траву, чтобы всячески затруднить путь врагам, а теперь, наоборот, облегчали им поход, даже подгоняли к ним нарочно стада...

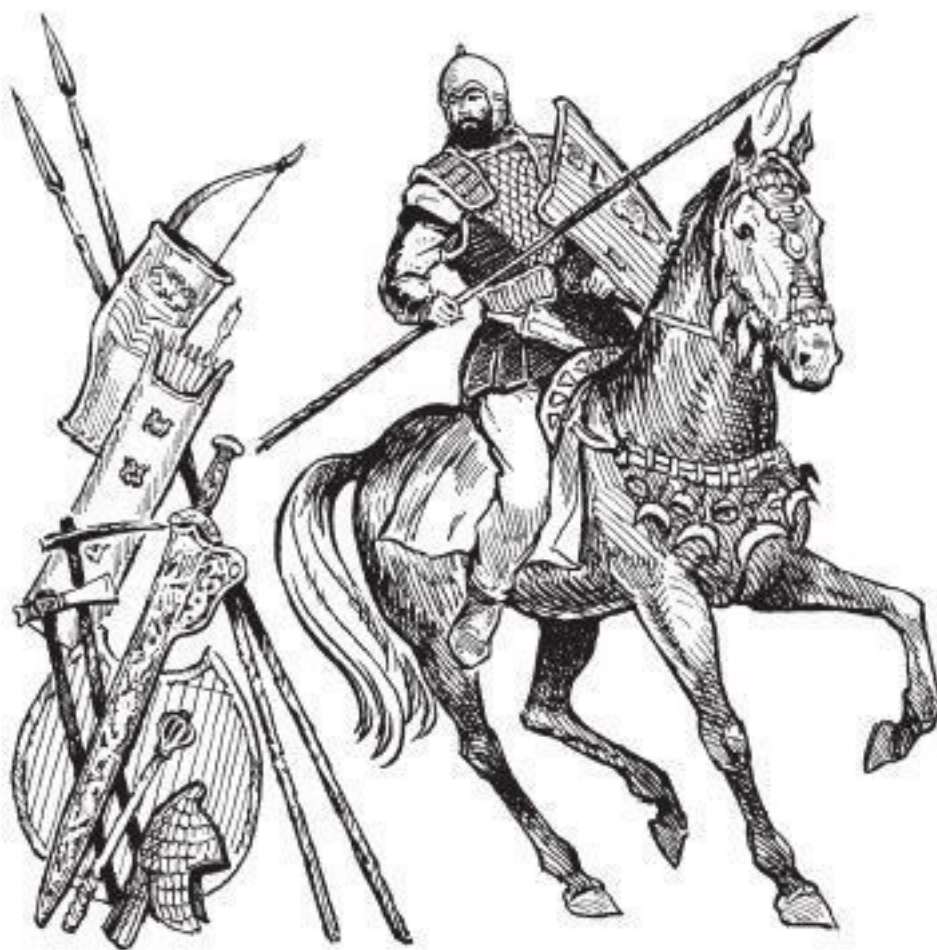
Догадался Дарий, что скифы хотят заманить персов подальше в свои степи, чтобы вконец измучить их внезапными нападениями и затем истребить, убедился он, что при всех его громадных силах ему не покорить степных кочевников, и поспешил выбраться из дикой их страны.

Поклонялись скифы, по словам Геродота, многим богам (небу, солнцу, луне и др.). Храмов, жертвенников и кумиров не ставили, только одному богу войны устраивали жертвенник. Волхвов, гадателей и предсказателей у скифов было великое множество. Горе было тем из них, предсказания которых не оправдались: их ставили на повозку, запряженную волами, в кучу хвороста, зажигали его и пускали волов по степи... В жертву богам приносили скифы волов, коров, лошадей и других домашних животных. Богу войны приносились жертвы иначе. Устраивали из хвороста огромный курган; на верхней площадке его водружали старинный железный меч, который и служил кумиром бога войны. Этому мечу приносили в жертву скот и лошадей в гораздо большем количестве, чем другим богам. Когда же брали в плен неприятелей, то от каждой сотни одного приносили в жертву: возлив вино на головы обреченных в жертву людей, резали их над сосудом, потом несли кровь на курган и лили ее на меч.

Скифы были вообще кровожадны. На войне скиф пил кровь первого убитого им врага. Головы убитых неприятелей скифы относили царю, чтобы иметь право участвовать в добыче, а кто не приносил, тот ничего и не получал. Кожа с вражьих черепов искусно снималась и привешивалась на узде к коню. Тот воин считался храбрейшим, у которого было больше таких победных знаков. Из черепов знатнейших и злейших врагов своих скифы делали себе чаши: богатые отделявали их золотом, а бедные обтягивали воловьей кожей. На пирах и торжествах, которые устраивались раз в год, более отважным воителям оказывался особенный почет, им

подносили вино, тогда как не отличившиеся ничем сидели поодаль от храбрых, без всякой почести и без вина... Вина пили скифы очень много, и притом чистого, не разведенного водою, что у древних греков считалось признаком грубости и варварства.

Своих царей скифы погребали с большими почестями и особенным образом. Тело умершего, вынув из него внутренности, наполняли благовонными травами (бальзамировали), обмазывали воском, клали в колесницу и объезжали по всем подвластным народам. Печаль их выражалась тем, что они наносили себе раны, урезывали уши, царапали лицо, стригли волосы. Чем дальше везли погребальную колесницу, тем больше и больше народу присоединялось к печальному шествию, и наконец накапливалось великое множество людей. Когда привозили тело царя на царское кладбище (некоторые полагают – поблизости от Днепровских порогов), здесь выкапывали большую четырехугольную яму, а в ней отдельные пещеры. В одной погребали царя, а затем, удушив одну из царских жен и самых близких к царю слуг, хоронили их в остальных пещерах. С ними клали царскую утварь, оружие и различные украшения, большей частью золотые, так как скифы серебра и меди употребляли мало. Наконец все собравшиеся на погребение наперерыв друг перед другом засыпали могилу землей, стараясь сделать насыпь как можно выше, таким образом сооружали иногда громаднейший курган, сажень десять вышиною, шагов 500 в окружности. Через год справлялись поминки: снова убивали лучших из уцелевших слуг умершего царя, убивали и лучших его коней и мертвых всадников на мертвых конях ставили на кольях вокруг кургана.

Скифский воин

Когда умирали простые скифы, то родственники умерших возили их на повозках по их друзьям; те угощали провожатых пирами. Такие похоронные объезды длились 40 дней, затем совершалось погребение.

Строго соблюдая свои обычаи, скифы, по словам Геродота, питали отвращение к обычаям иноземцев и ничего не заимствовали от них...

Из приведенного рассказа ясно рисуются суровые нравы скифов-кочевников. Нравы и обычаи скифов-пахарей, к сожалению, не описаны, но они, конечно, отличались большей мягкостью и миролюбием, как оседлые мирные промышленники. Они возделывали хлеб не только для себя, но и для продажи.

К рассказам Геродота о богатстве скифских могил ученые относились долго недоверчиво, но когда стали раскапывать курганы, то рассказы «отца истории» блистательно подтвердились.

Несмотря на то что сокровища многих скифских могил оказались расхищенными еще в глубокой древности, несмотря на то что при раскопке одного царского кургана (Куль-Оба) близ города Керчи грабителями было сделано нападение и захвачено множество древних золотых вещей, все-таки найти и сберечь удалось огромное количество скифских древностей. При раскопке, например, одной могилы в 1863 г. (Чертомлыцкой) близ Днепровских порогов, неподалеку от местечка Никополя, было найдено множество принадлежностей и украшений конской сбруи, колесниц, шатров; найдены золотые и серебряные обручи, серьги, около 700 золотых блях, золотые перстни... Раскопка этого кургана производилась почти два года; но труды увенчались блестящим успехом: добыто было около 2500 предметов, драгоценных для науки. Хотя большая часть вещей была греческой работы, но делались они сообразно нравам и вкусам скифов.

Особенно важны две вазы: одна – золотая, найденная в кургане близ Керчи, другая – серебряная, добытая из Чертомлыцкой могилы, недалеко от местечка Никополя. Оба эти изящных сосуда греческого изделия украшены изображениями скифов и дают понятие об их вооружении и одежде.

Скифская одежда была одеждою лихого наездника. Короткий кафтан не мешал верховой езде: запахивался он пола на полу и туго опоясывался ремненным поясом, украшенным бронзовыми пластинками. Кафтаны были холодные и теплые: последние подбивались и опушались по краям мехом. Обувь скифа состояла из коротких сапог, которые перевязывались ремнем. У царей и богатых вельмож и кафтаны, и шаровары украшались золотыми бляшками, из которых составлялись узоры; кроме того, одежда украшалась множеством блестящих пуговиц.

Скифы носили бороды и длинные волосы, зачесывая их назад; башлыки, которыми они прикрывали голову, точно так же как и одежда, украшались нашитыми бляхами и пуговицами. Вожжи носили на голове золотые ленточные перевязи вроде венчиков. На шею надевали гривны, то есть ожерелья: цари и вельможи – золотые в полфунта и больше весом, простые люди – бронзовые. Женщины у скифов очень любили украшения, в их могилах было найдено множество золотых и бронзовых ожерелий, обручей (браслетов), перстней, колец, серег.

Главным оружием скифов были лук и стрелы, на поясе у каждого висел лук в налучии, при котором был небольшой колчан со стрелами; кроме того, употреблялись короткие мечи и копья. Самым ценным богатством степного наездника был, конечно, конь. Простые скифы, как видно по изображениям, довольствовались ременной уздечкой и незатейливым седлом, но цари и вельможи у них щеголяли великолепными конскими уборами, которые были обильно украшены золотыми разнообразными бляхами, на шеи коням иногда навешивались гремящие цепочки с бубенчиками и колокольцами.

Скифские вазы

Из утвари скифов найдены большие котлы на высоких подставах; они, очевидно, ставились прямо на землю, и под ними разводился огонь. Кроме того, найдены чаши и роги, служившие скифам на их пирах, а также вазы, блюда, ложки, ножи и проч.

Хотя и после Геродота греки говорят о скифах, жителях Восточной Европы, а затем римские писатели сообщают некоторые известия о ее обитателях, называя их сарматами и другими именами, но известия эти по большей части темны и сбивчивы. Под скифами и сарматами древние писатели разумели вообще жителей южной части малоизвестной Восточной Европы, между тем на ее равнинах обитало разом по несколько различных племен, притом кочевые народы здесь часто сменялись один другим. Некоторые наши ученые думают, что под общими названиями скифов и сарматов скрываются и наши предки – славяне.

После Рождества Христова греческие и римские писатели начинают уже различать на Европейском Востоке несколько племен и называют их разными именами, но в путанице этих имен очень трудно разобраться. В IV в. в юго-западной части нашего отечества готы, народ германского племени, образовали было большое государство, но страшное нашествие азиатских кочевников, гуннов, уничтожило его и произвело в Средней Европе общее передвижение племен, так называемое Великое переселение народов.

С пятого столетия после Рождества Христова появляются уже довольно ясные известия о славянах.

Славяне

Сравнение языков, древних верований и обычаев европейских и некоторых азиатских народов показало, что славяне принадлежат к большой семье племен, которые ведут начало от одного праотца-народа – арийцев, в незапамятные времена живших в Азии, на Иранской возвышенности. Арийское племя, размножаясь, постепенно выделяло из себя части, которые, мало-помалу подвигаясь от своей родины на юг и на запад, расселялись по разным странам и складывались в отдельные племена (в Европе греко-италийцы, кельты, германцы, литовцы, славяне, в Азии – иранцы и индийцы). Тем же способом дознано, что славяне, пришедшие в Европу еще в доисторические времена, не походили на древнейших диких обитателей ее, чтити уже родственные связи и обязанности, могли приручать животных, занимались скотоводством, имели сведения о земледелии, умели плести, ткать, шить, знакомы были с золотом, серебром, медью, стало быть, давно уже вышли из первобытного состояния дикарей.

Где в Европе поселились славяне по выходе из Азии – неизвестно. Вероятно, не раз им приходилось менять место во время народных движений. По древним преданиям славян, можно заключить, что древнейшим местом их в Европе были страны по нижнему и среднему течению Дуная и земли к северу от него до Карпатских гор. На Дунае жить было привольно: воздух здесь теплый, земли плодородные, растительность богатая. Не ушли бы славяне отсюда по своей воле, да стали их теснить с юга, как говорит предание, другие народы (волохи), пришлось славянскому племени раздробиться и двинуться в другие земли. Одна только часть их осталась на Дунае; от этих славян ведут начало сербы и болгары. Другая часть их пошла дальше на север; от них произошли чехи, моравы, словаки и поляки, а те славяне, которые поселились по реке

Эльбе да по берегу Балтийского моря, мало-помалу затерялись среди сильных немецких племен, слились с ними в один народ – онемечились. Третья часть славян пошла на северо-восток по Днепру и его притокам. Эти восточные славяне наши предки: от них-то и ведет начало русский народ.

Места по Днепру было вдоволь, тесниться было нечего – свободно расходись хоть во все стороны! Пробираются по реке поселенцы: приглянется им какое-нибудь место на берегу – остановятся, поживут несколько времени. Хорошо живется, можно добыть пищу и не очень опасно – устроят незатейливые жилища и живут себе, а худо – пойдут дальше искать новых мест. Широко раскинулись по долине Днепра, по его притокам и дальше к северу и востоку поселения восточных славян, и разбились они на несколько частей или небольших племен. Те славяне, что расселились на полях по среднему течению Днепра, назвались полянами. К западу от них водворились древляне, в лесах (деревах) по реке Припяти. К северо-востоку от полян, по реке Десне, – северяне. От реки Припяти до Западной Двины болотистую местность заняли дреговичи (от слова «дрягва», что означает «болото»). По верховьям Днепра и Западной Двины поселилось большое племя кривичей; самая северная часть славян, жившая по озеру Ильмень и по рекам, впадающим в него, не имела особого названия, а называлась общим именем – словенами. К востоку от Днепра, по реке Сожи, жили радимичи, а еще далее, к верховьям Оки, жили вятичи, самое восточное из славянских племен. По Западному Бугу жили дулебы, или бужане, а далее по Карпатским горам – хорваты. По Днестру, к Дунаю и Черному морю, поселились уличи и тиверцы.

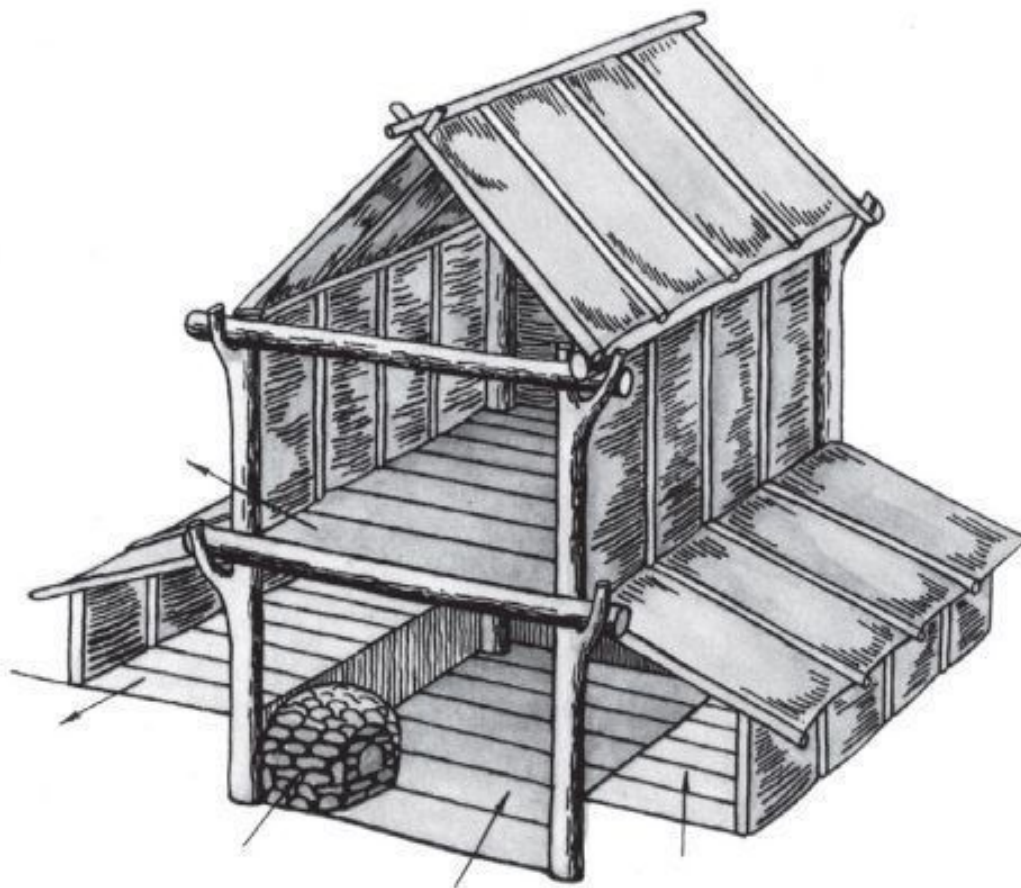
Из отрывочных известий Византийских, германских, арабских писателей (с седьмого по десятое столетие до Р.Х.) и нашей летописи можно добыть кое-какие сведения о житье-бытье наших предков до начала государства.

Разбросавшись по огромному пространству, не только все эти племена восточных славян не сливались в один народ, но и каждое племя в свою очередь дробилось на отдельные общины,

и каждый поселок жил особняком. До девятого столетия по Р. Х. не было такой силы, той одной власти, которая сплотила бы их в один народ. В каждой отдельной семье повелителем был отец; несколько семейств, происшедших от одной семьи, составляли род. Если жив был дед, от которого вели начало эти семьи, то он был и главою всего рода; все родичи должны были слушаться своего родоначальника, как дети отца. Умирал дед, тогда брат его или старший сын становился главою рода. Когда же с течением времени род разрастался, многие забывали уже о том, что они ведут начало от одной семьи, не помнили о кровном родстве между собою, тогда род распадался на несколько отдельных родов. Они порой даже враждовали между собой, но один язык и одинаковые нравы отличали их от иноземных народов и напоминали им, что они одноплеменники.

Расселившись по полям, по лесам, по степям, восточные славяне не могли, конечно, вести повсюду один и тот же образ жизни. По среднему течению Днепра земля плодородная – тучная почва давала здесь богатые урожаи, могла прокормить много народа, и потому поляне могли тут селиться большими поселками и промысливать земледелием. А древляне, занявшие лесную область, принуждены были пробавляться больше всего звероловством, охотою и жили небольшими поселками вразброску. Так и другие племена промыслили кто чем мог, смотря по месту: где охотою и звероловством, где рыболовством, а где были хорошие луга, там – скотоводством, но издавна больше всего славяне любили заниматься хлебопашеством. Не только на юге, где тучная почва давала богатую жатву, но и на севере, среди дремучих лесов, на бедной земле, где только можно было, славянин выбирал полянку для своей пашни, бороздил лесную глинистую почву своим оралом, и хотя скудный плод давала северная почва, но и тут издавна наш народ чтит землю, свою «мать-кормилицу», как величает он ее.

Селиться славяне любили по берегам рек и озер, на высоких местах, чтобы жилье не затопило во время весенних разливов. Тысячу лет тому назад славяне еще не умели строить хороших жилищ – сплетали себе жалкие лачуги из хвороста, покрывали соломой, лишь бы укрыться от дождя да непогоды; жили и в землянках. Ненастье и стужа заставили, однако, уже в древности предков наших задуматься о том, как бы получше устраивать себе жилища: стали они свои плетенные из ветвей шалаши обмазывать глиною (до сих пор так делаются в иных местах на юге мазанки, или хаты), там, где было вдоволь лесу, научились делать стены из плотно сложенных бревен и строить себе избы. Печей и дымовых труб совсем не умели делать в древности, а устраивали среди жилища очаги, где и разводили огонь, а дым уходил в отверстие в крыше или в стене (до сих пор еще в северных деревнях у нас встречаются курные избы без дымовых труб и без хорошо устроенных печей). Скамьи, столы и домашняя утварь делались в древности, как и теперь, из дерева.

Славянское жилище VIII–X вв.: 1 —«горница» (чердак), 2,5 —полати; 3 —печь; 4 —«голбец»

Ненастье да мороз заставили наших предков, сошедших с юга, подумать и о теплой одежде. Где нужда, тут и помога: леса были полны пушным зверем; надо было только изловчиться, а добыть шубы можно было. Быстрая стрела догонит и зайца, и птицу в небе. Силен лесной богатырь-медведь, а и с ним может управиться человек, когда в руках у него рогатина или копье да тяжелый топор или секира про запас. Умели издавна наши предки ловить зверей и живьем капканами, и западнями.

Из шкур пушных зверей делали себе славяне шубы и шапки; обувались сначала в лапти, а потом научились делать и кожаные сапоги. Летом мужчины носили только рубахи и шаровары, а в бою, в жаркую пору, сбрасывали и рубашки, бились полунагие; вместо рубах иногда накидывали на плечи куски грубой ткани вроде плаща. Женщины носили длинные сорочки и такие же плащи, как и мужчины, и очень любили рядиться, издавна были в большом ходу у славянок разные украшения: обручи (браслеты), ожерелья, кольца, серьги, бусы.

Предки наши, стройные, русые, румяные, по словам иноземцев, отличались могучим телосложением, высоким ростом, большой силой и необыкновенной выносливостью: могли долго терпеть зной, холод и голод, пищей довольствовались самой простой, а иногда, в случае нужды, питались даже сырым мясом животных и рыбой. Из хлебных растений особенно охотно возделывали просо и гречиху.

Не будь у наших предков большой выносливости, которой удивлялись иноземцы, не под силу было бы им обжиться в суровых северных странах, не будь они сильны и стойки в бою, не

отстоять бы им своих земель от тех степных хищников, которые то и дело налетали на своих быстрых конях на поселения славян, грабили их, захватывали людей в рабство.

Особенно много терпеть от степняков приходилось славянам, жившим близ степей, а северным славянам не давали покоя морские удалыцы, варяги, рыскавшие на легких ладьях по морям и рекам. Живи славяне большими плотными поселениями, они смогли бы, конечно, дать врагу сильный отпор и наказать дерзкого хищника, но, на беду, раскидались они на огромном пространстве небольшими, редкими поселками, притом не ладили между собою – и сотня-другая степных или морских грабителей, нагрянув внезапно, могла натворить им много зла, не дав им даже и времени собраться с силами. Вот почему много бед пришлось вынести от врагов восточным славянам, хотя они уже издавна славились силой и храбростью в бою.

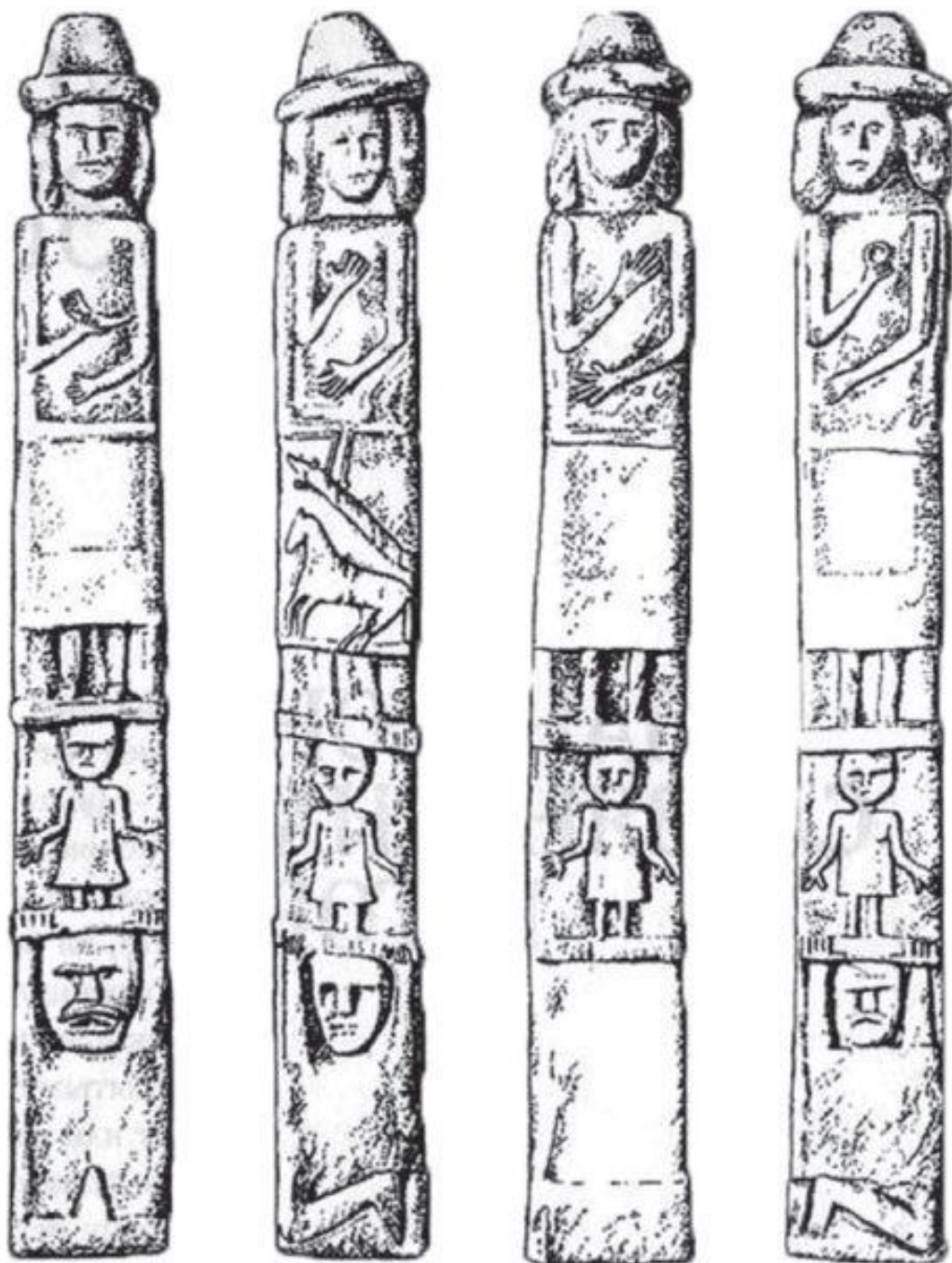
«Славяне, – говорит один славянский писатель, – народ столь могущественный и страшный, что, не будь они разделены на множество поколений и родов, ни один народ в мире не померялся бы с ним силою».

Жилища себе славяне устраивали иногда со многими выходами, чтобы легче было уйти при внезапном нападении; пожитки свои и запасы они обыкновенно зарывали в землю, а сами уходили и скрывались в лесах. Научились они хорошо прятаться в высокой степной траве, умели устраивать засады в лесу; часто сами нападали неожиданно-негаданно на неприятеля и одерживали верх даже над сильным врагом; умели ловко притворным бегством заманить неприятеля в лесную глушь и там, скрываясь сами за деревьями, поражали врагов стрелами, концы которых иной раз намазывали ядом. Особенно ловко умели славяне плавать по рекам и нырять, могли даже по несколько часов скрываться на дне реки; они брали в рот один конец выдолбленного тростника (камыш), а другой выставляли из воды и таким образом могли дышать, лежа на дне реки; у берегов их росли тростники, и потому врагам трудно было заметить хитрость славян. Кроме копий и стрел, они употребляли на войне еще большие деревянные щиты; панцирей и лат сначала не имели.

Постоянно славянам грозила беда от нечаянного нападения; стали они на высоких берегах рек или озер, на холмах устраивать укрепленные места, городить город; огорожат небольшое пространство тыном из толстых бревен, насыплют земляной вал – и крепость (город) готова. Заслышат врага – и спешат жители окрестных поселков снести свои пожитки в город. Если враг не особенно силен, попытаются в открытом бою сразиться с ним; в противном случае старались укрыться в город и обороняться из-за ограды. До сих пор в Приднепровье встречается много остатков древних земляных валов, так называемых городищ. Они-то, по мнению некоторых ученых, и служили в древности укреплениями, куда в случае нападения сбегались окрестные жители-славяне для обороны.

Враги сильно беспокоили славян, больше и больше городили они городов, все ближе и ближе к их оградям ютились поселенцы. Прежде каждый род, даже каждая семья старались жить особняком, а тут, напротив, опасность заставляла их сблизиться – сообща можно скорей и крепкий город срубить, и легче с врагом справиться.

Сначала в каждом роде был свой старшина (называли его восточные славяне иной раз князем), а тут, когда вместе жило несколько родов, приходилось, чтобы сообща какое-либо дело сделать, старшинам родов собираться на совещание, на мирскую сходку, как говорят теперь у нас в деревне. В древности такие мирские сходы называли вечем. Сначала на вече, вероятно, ходили только старшины родов, а потом и другие взрослые люди. Здесь уже не отдельные родовые старшины заправляли всем, как было это прежде, когда каждый род жил особняком, а решали всякое дело сообща. Община управлялась не одним лицом, а миром, как говорит наш народ.

Славянские идолы

Нравы славян тринадцать веков назад были еще очень грубы. Встречалось у них даже многоженство: кто был побогаче, тот мог иметь две, три жены и больше. У грубых древлян, у которых дольше держалась вражда между родами, мужчины силою уводили из других родов себе жен, похищали их, «умыкали», по словам летописца. У полян, где уже по нескольку родов жило вместе, в союзе, мужчины брали себе жен с согласия их родителей, платили за девиц вено (плата за невесту), то есть покупали себе жен. До сих пор у народа нашего сохранились свадебные обряды, которые указывают на древние обычаи похищать или покупать себе жен. В иных деревнях наших, когда невесте приходится ехать к венцу, жених должен ее перенести

через порог, как бы силою оторвать от родного дома. А в других местах жених обязан дать какую-нибудь монету брату невесты, который иначе не пускает его сесть рядом с ней.

Сурова была доля женщины: она становилась безответной рабой своего мужа; на ее руках лежали самые трудные домашние работы. Но как ни тяжка была участь женщин, они все-таки были привязаны к своим мужьям; есть известие, будто некоторые по смерти мужа даже добровольно сжигались на кострах с их трупами.

Во время войны, по рассказам византийцев, славяне иногда становились так свирепы, что не давали пощады ни женщинам, ни детям и страшно истязали попавших к ним в руки врагов; порою приносили в жертву богам пленных и даже своих детей. У тех племен, которые вели охотничью жизнь, нравы были гораздо суровее, чем у земледельческих племен. К жестоким обычаям относятся и родовая месть. Если кому-нибудь наносилась обида, то сам обиженный или его родичи должны были непременно отомстить обидчику или его родне. В случае убийства не только убийца, но и весь его род мог ждать гибели от детей убитого или родичей его: позорным считалось не отомстить жестоко за обиду. Суда такого, которому повиновались бы разные роды, не было, и потому приходилось самому обиженному чинить и суд, и расправу над обидчиком, если он принадлежал к другому роду. Немудрено, что у предков наших в древности беспрестанно совершалась кровавая расправа и долго отдельные роды враждовали между собою. Постоянная взаимная вражда была главным несчастьем славян.

«Между ними, – говорит греческий писатель, – постоянный раздор; ни в чем они не могут согласиться между собой; все питают один к другому вражду, никто не хочет повиноваться другому». И вот население все больше и больше скучивается около городов, отдельные виды входят в союзы, и нравы понемногу начинают смягчаться. Между родами, которые сблизились, породнились между собою, вражды стало гораздо меньше. «В мире жить – с миром жить», – говорит пословица. Начинают больше заниматься мирными промыслами, вступают с соседними племенами в мирные сношения, вводят меновую торговлю: выменивают звериные шкуры, меха, которые добывались в изобилии в северных лесах, на оружие, разные металлические вещи и ткани, которые привозят иноземцы. Меха предкам нашим тысячу лет назад, между прочим, заменяли деньги. Иноземцы, заходившие к славянам, очень хвалят их добродушие, почтительность к родителям и особенно радушие и гостеприимство: всякого гостя они принимали ласково, старались угостить, чем только могли; даже не считали пороком, если бедный хозяин крал что-либо у богатого соседа для угощения гостя. Хотя и суровы были обычаи у славян, но жестокость, которая проявлялась в пылу боя или тотчас после него, не была постоянным их свойством; с пленными обходились они дружелюбно, назначали срок их рабству, отпускали их за выкуп на родину, а если освобожденные не хотели возвращаться, то могли жить и среди славян на свободе. Любили предки наши и повеселиться: умели петь песни, играть и плясать; были у них уже издавна и гусли, и гудок, и дудка. Пляски были, верно, такие же лихие, как и теперь в ходу у нашего народа (вроде трепака или казачка).

К дурным свойствам восточных славян надо отнести склонность к пьянству и неряшество: пили они не в меру, и ходить в грязной одежде было им нипочем. Конечно, чем более смягчалась грубость нравов, тем реже становились эти недостатки.

До конца X в. предки наши были язычниками: боготворили разные силы и явления природы. Люди в глубокой древности, как дети, совсем не понимали еще, что творится вокруг них в природе; всюду чудились им могучие существа, благие и злые. Благодетельным существом считали они солнце, оно своим светом прогоняло ночную тьму, своим теплом согревало землю. Предки наши думали, что солнце ведет, как живое существо, постоянную борьбу с холодом и тьмою. Зимой, по древним верованиям, брал верх над солнцем холод, мороз: в зимнюю пору хоть и показывается на небе солнце, да реже, чем летом; сизый холодный туман часто скрывает его, а если оно и проглянет, то недолго остается на небе, хоть и светит, да не греет. Мороз гуляет по земле, и она костенеет от его дыхания. Вся природа словно замирает: ни травы в поле,

ни листьев на дереве— холодной снежной пеленой покрыта помертвевшая земля. Тяжело было на душе у первобытного человека в такую пору: не знал он еще наверно, вернется ли снова красное солнышко на небо, отопреет ли своим теплом застывшую землю... Но вот наступает весна. Солнце понемногу входит в силу: дольше остается оно на небе, светит ярче, начинает пригревать землю, мороз слабеет, лед и снег начинают таять; стекают с полей в реки ручьи воды из растаявшего снега. Входят реки в силу, взламывают подтаявший лед, что сковывал их всю зиму, и несут его в море. Входит в силу и «мать сыра земля»: показывается трава, разбиваются в листьях древесные почки; защелбтали весело в свежей листве и лесные пташки. Повеселело и у людей на сердце, радостно встречают они песнями ясное солнце, радуются его победе — победе жизни над смертью, молят его, чтобы оно побольше дало тепла и света...

Черные тучи представлялись первобытным людям страшными чудовищами, драконами, громадными птицами — врагами солнца. Страшно становилось людям, когда темная грозовая туча надвигалась на небо, будто неведомое темное существо ползло по небу, все ближе и ближе подбиралось к солнцу и вдруг хватало его. Вместо ясного солнечного света тяжелая мгла охватывала землю; смутно становилось и на душе у людей. Вдруг удар грома, грохот раскатывается по всему небу, огненные стрелы пронизывают тучу: то идет страшная небесная борьба, то бог-громовник разит чудовище-тучу своими молниями-стрелами. Из тучи льется дождь: это живая вода, которую тайло чудовище, но заставил его бог-громовник пролить ее на землю. Жадно пьет земля живую воду и входит еще в большую силу. Разбита стрелами бога-громовника черная туча: сильный ветер разносит клочки ее и гонит своим могучим дыханием с неба. Снова голубое небо приветно обнимает землю; снова над нею весело сияет красное солнышко; радуются ему люди, приносят благодарность и небесному воителю, богу-громовнику, и могучему ветру.

Но не всегда эти боги благодетельны для человека: иногда солнце так жжет землю, что почва трескается от зноя, травы выгорают на полях, хлеба на нивах; ветер порою задует с такою яростью, что выворачивает из земли вековые деревья, разметывает жалкие хижинки людей... Но страшней всех бог-громовник, когда раздаются над землей его страшные удары, когда он разит и землю своими могучими огненными стрелами. Вековой дуб разлетается мелкой щепой от их ударов. Не щадят порою эти стрелы и человека. Велика милость богов к нему, но ужасны ему эти боги в гневе своем! В страхе падает на землю несчастный человек, умоляет грозных богов о пощаде, готов он все отдать им в жертву, показать им полную свою покорность.

Таким путем воображение первобытных людей наполняло природу множеством мнимых существ и создавало себе богов. До сих пор еще в наших народных сказках, сложившихся в глубокой древности, видно, как олицетворялись различные силы и явления природы, как народ представлял их в виде животных или людей. Солнце, например, представлялось в виде жар-птицы, златогривого коня и др., мороз — в виде Кощея Бессмертного, вьюга — Бабы-яги и т. д.

Мало дошло до нас сведений о языческой вере славян, притом она не успела еще окончательно сложиться, как предки наши приняли христианство. Из отрывочных известий мы знаем, что восточные славяне чтили бога-громовника под именем Перуна, бога ветра — под именем Стрибога. Божество солнца называли Дажь-Богом, Хорсом, чтили Велеса, или Волоса, который считался покровителем стад и потому назывался «скотным богом», и некоторых других. Все эти боги считались детьми одного божества — бога неба Сварога, и потому их всех называли иногда Сварожичами. Кроме этих главных богов, верили во многих других: в лесу, по древнему верованию наших предков, жил лесной бог, леший; в воде — водяной бог, в руслах рек — русалки; особенно же чтили домашнего бога — домового.

Славяне, как и другие родственные народы, думали, что души умерших предков не покидают родного очага, что они заботятся о своем потомстве, хранят его от всяких бед, если оно чтит память их, если же нет, тогда эти домашние боги становятся беспокойными, производят часто тревогу в доме, наводят беду. Души предков чтились под именем домовых, называли

их также чурами, или шурами. В случае какой-нибудь беды говаривали в старину: «Чур, меня защити». (До сих пор в играх деревенских детей слышатся слова «чур, меня», произносятся они, конечно, без понимания древнего их смысла.)

Давно уже народ наш принял христианскую веру, а много еще осталось у него обрядов, песен и праздников от языческой старины: осталось у него немало и неполных верований, то есть суеверий. Когда случится перебираться из старой избы в новую, то в иных деревнях у нас совершается такой обряд: старуха выгребает из печки несколько тлеющих угольков в горшок, бережно несет их в новую избу, высыпает в печку и говорит при этом: «Пожалуй, батюшка домовый!» Суеверный народ думает, что при этом домовый переходит из старой избы в новую. Если домовый недоволен чем, тогда и в избе неспокойно. Когда что-то стучит под кровлею, лошадь бьется в стойле или скотина в хлеву, то нередко народ говорит, что это дело домового, что он невзлюбил лошади и прочее.

Много древних языческих праздников в честь бога-солнца до сих пор удержалось у нашего народа. В конце декабря, когда дни начинают прибывать, когда солнце, как говорит народ, поворачивает на лето, в старину язычники радовались, что солнце одерживает верх, приносили ему жертвы, молились. А теперь в некоторых деревнях накануне Рождества молодые люди и дети собираются под окнами богатых крестьян, поют песни, величают Коляду (вероятно, одно из названий солнца).

Вот одна из этих песен:

За рекою, за быстрою,
Ой Колядка, ой Колядка!
Леса стоят дремучие,
В тех лесах огни горят,
Огни горят великие.
Вокруг огней скамьи стоят,
Скамьи стоят дубовые;
На тех скамьях добры молодцы,
Добры молодцы, красны девицы
Поют песни колядушке.
Ой Колядка, ой Колядка!
В середине их старик сидит;
Он точит свой булатный нож.
Котел кипит горячий.
Возле котла козел стоит,
Хотят козла зарезати...

В этой песне говорится о старом языческом празднике в честь солнца, причем приносили в жертву козла. Обычаи на Святках гадать, переряживаться – тоже древние, языческие. Весну (во время теперешней Масленицы), когда солнце уже заметно входило в силу, предки наши встречали опять радостными песнями и празднествами. И теперь у нашего народа сохранился обычай закликать весну песнею:

Весна, весна красная!
Приди, весна, с радостью,
С радостью, радостью,
С великою милостью,
Сольном высоким,
С корнем глубоким,

С хлебами обильными.

В некоторых деревнях в конце Масленицы сжигают соломенное чучело, которое называют Зимой (в других местах – Мораной) и радуются уничтожению зимы. В первый день Пасхи, по народному верованию, солнышко во всем своем блеске играет на небе. Если набегит тучка, в деревнях поют дети:

Солнышко, солнышко,
Выгляни в окошко,
Твои детки плачут,
Солнышко, покажись,
Красное, снарядись!

При наступлении лета до сих пор празднуется праздник Красная горка: поют песни, водят хороводы, пляшут. Эти песни и хороводы ведут начало от древних языческих обрядов и богослужений.

В разгар лета, в конце июня (23 числа), совершается праздник Купалы (одно из названий солнца). Солнце в эту пору еще в полной силе, но с этого времени наступает поворот к осени. В иных деревнях совершается в ночь с 23-го на 24 июня такой обряд: берут колесо, обертывают его соломой, зажигают и скатывают с горы. Катящееся с горы огненное колесо знаменует солнце, сходящее с прежней своей высоты. Кроме того, зажигают костры, прыгают через огонь, купаются в реке.

В старину почитали огонь и воду, верили, что в иных случаях они имели очистительную и целебную силу. До сих пор у народа нашего считается грехом плевать в огонь и на воду. Старухи-лекарки стараются в Купальский день набрать побольше целебных трав. По их верованию, травы, собранные в это время, имеют особенно врачующую силу. Много еще и других верований и обрядов языческой старины до сих пор сохранилось у нашего народа. Многие из них уже совсем непонятны и для самого народа, и он держится их только по привычке. В народных сказках особенно много уцелело следов языческих верований.

Особых языческих храмов у предков наших не было, а молились они своим богам в лесной глуши, у озер, у рек, на возвышенных местах, потом в городах. Делали идолов, то есть изображения своих богов в виде людей, обыкновенно из дерева (вероятно, вроде тех «каменных баб», о которых говорилось выше). В жертву приносил и им разных животных, молились, гадали о будущем по разным приметам. Особенных жрецов у восточных славян не было, а совершали жертвы старцы, старшины родов. Было у славян верование и в будущую загробную жизнь. Покойников своих они зарывали в землю, а иногда сжигали; с покойником зарывали в могилу или клали с ним на костер пожитки его, утварь, а также оружие и боевого коня, если покойник был воин. Предки наши, видно, верили, что загробная жизнь походит на земную и умершим понадобятся их пожитки.

После погребения на могилах совершали пиры (тризны).

Верили славяне и в предзнаменования – отсюда ведет начало обычай гадать. Те люди, которые умели объяснять знамения и гадать, назывались волхвами, кудесниками, ведунами, знахарями и пр. По верованиям славян, они даже могли своими заклинаниями и волхованиями отвести беду или накликать ее. До сих пор суеверный народ не только затмение солнца, появление новой луны, но и вой собаки, карканье вороны, кукование кукушки и т. п. принимает за предзнаменования. В некоторых деревнях наших до сих пор встречаются знахари и знахарки, которые заговаривают от разных болезней, и многие суеверные простолюдины вполне верят им. Все эти заговоры, заклинания, приметы, поверья – остатки темной языческой старины.

Соседи восточных славян

По соседству с восточными славянами в IX в. жило несколько инородных племен. На востоке, по Волге, у Каспийского моря жил и хазары, народ турецко-татарского происхождения. Хотя у хазар были уже города (например, Итиль, при устье Волги), но все-таки вернее их считать кочевниками, чем оседлыми: немногие богатые хазары имели глиняные мазанки, и только у кагана (так называли хазары главного вождя своего) были высокие кирпичные хоромы. Летом город пустел: жители забирали свои пожитки и откочевывали в степь. Хазары вели торговлю с азиатскими народами и с восточными славянами, а некоторых из них принудили платить себе дань.

К северу от хазар, по Волге и Каме, жили болгары. Они были того же происхождения, как и хазары, но с ними смешались в один народ финны, жившие в тех же краях. Болгары занимались хлебопашеством, но главным их промыслом была торговля: по рекам они сносились и торговали с хазарами, финнами и славянами.

Весь северный край нынешней России был населен в древности финскими племенами. Предки наши звали их чудью.

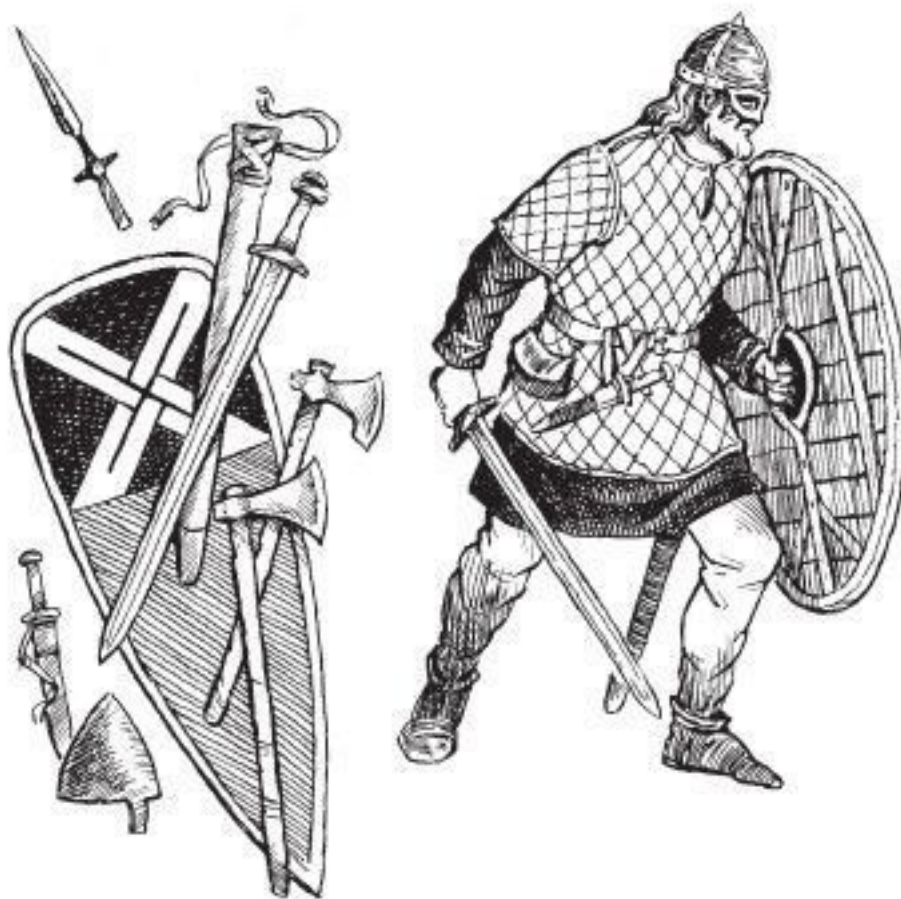
Финны дробились, подобно славянам, на несколько племен (весь, меря, мурома, мордва и др.) и жили среди лесов и болот, по берегам рек и озер, занимались рыболовством и звероловством. Жили они разбросанно, небольшими поселками и не были опасны своим соседям. Северные славяне вели с ними мирные сношения и могли расселяться в северном краю без особенной помехи.

Западными соседями славян были литовцы. Они тоже делились на несколько племен (литва, пруссы, жмудь и др.) и жили по большей части в лесной и болотистой местности, по нижнему течению рек Западной Двины, Немана, Вислы. По языку, древним верованиям и обычаям видно, что литовцы того же происхождения, как и славяне.

Кроме этих соседних племен, за тысячу лет до нынешнего времени предкам нашим приходилось сталкиваться еще с некоторыми народами. По Днепру восточные славяне вели сношения с греками, получали от них разные ткани, оружие и другие изделия, а взамен продавали им меха, медь и воск. Сношениям этим много мешали степные хищные племена, похожие на нынешних калмыков и киргизов. Заходили эти степняки из Азии, кочевали в степях между Доном и Днепром, рыскали по степям на своих быстрых лошадях и выжидали только удобного случая, чтобы нагрянуть врасплох на поселян или на караван купцов.

На севере славянам пришлось рано познакомиться и с морскими удалцами – норманнами – народом германского происхождения, уже издавна поселившимся в Скандинавии. Страна эта суровая: покрыта она большею частью скалами, озерами, дремучими хвойными лесами... Трудно было тут заниматься земледелием, а тем, кому пришлось жить по берегам, где были голые утесы или пески, и совсем невозможно: им приходилось искать пропитание в море. Рыболовство стало главным промыслом этих береговых жителей. Приходилось тут им выносить жесткую стужу, бороться с бурями, нередко терпеть и голод. Слабые не выносили такой жизни и гибли, но зато люди здоровые, сильные свыкались с тяжелыми лишениями, постоянная борьба с невзгодами и препятствиями закаляла их, становились они крепкими и телом, и духом, равнодушными к холоду и голоду, а когда буря завывала, гудел прибрежный сосновый лес, море бешено билось своими волнами в береговые скалы, им даже любо становилось. Смолоду роднились они с морем, привыкали отлично управлять своими легкими лодками. Буря им была нипочем; тут можно было показать лучше и свое молодечество, и сноровку в морском деле. Таким удалцам не по вкусу было заниматься рыбной ловлей; нашли они себе другое дело: стали рыскать по морям, грабить встречные корабли с товарами да прибрежных жителей разных стран. Все лучшее на земле принадлежит храбрейшему и сильнейшему – вот

правило, которым они руководились. На то боги дали и силу, и удаль, верили они, чтобы пользоваться ими. Мирного труда они не уважали, законов никаких не знали, смерти не боялись. По их верованиям, только тот и в рай-то мог попасть, кто погибал в бою или в морской пучине; находились между ними и такие бойцы, что в пылу битвы с открытой грудью неистово кидались на врага, чтобы погибнуть, но не попасть в плен, в рабство. Всюду, куда можно было зайти смельчакам на ходких ладьях, заходили они и добывали все, что может добыть храбрый и могучий воин тяжелой секирой и длинным мечом. Шайки этих морских удальцов с VI в. под начальством своих бесстрашных вождей (морских королей) наводили ужас на всех береговых жителей Европы. Норманны не только грабили приморских жителей, но по рекам входили на своих легких плоскодонных ладьях в глубину страны, грабили жителей, брали богатые выкупы с горожан или обращали города в груды пепла и развалин. Нагнали норманны такого страха на прибрежных жителей Европы, что те в церквах в особых молитвах молили Бога об избавлении страны от норманского погрома. До сих пор во Франции, в Бельгии по берегам рек Сены, Рейна и др. виднеются развалины замков (небольших крепостей или укрепленных жилищ), где в былые времена помещики со своими семьями и людьми искали спасения от норманского меча.

Вооружение норманнов

Шайки морских воителей не всегда состояли из одних норманнов. Нередко к ним присоединялись удальцы и из других племен, живших у берега моря, близ Скандинавии, из литовских и славянских племен, обитавших по южному берегу Балтийского моря. Отвага, жажда добычи, один вождь да общая опасность связывали такую сбродную шайку в крепкую дружину. Пришлось и нашим предкам столкнуться с этими воителями. Норманны издавна все пробира-

лись по рекам Восточной Европы в Черное море. Из Финского залива по Неве плыли они в Ладожское озеро, затем поднимались по Волхову в озеро Ильмень, отсюда плыли по Ловати. Здесь доходили они до верховья и, где нельзя было плыть по какой-нибудь реке, тащили волоком по земле свои ладьи или несли их, добирались до верховья Днепра, спускались по течению до порогов его; тут опять тащили лодки несколько времени волоком и затем без помехи доходили до Черного моря и плыли в Константинополь, столицу Греции. Ездили сюда они для наживы, вели торговлю, нанимались в императорскую гвардию; рослых и сильных воинов охотно брали на службу и платили им хорошие деньги. Норманны называли себя варингерами (вооруженные люди), потому славяне и прозвали их варягами.

Предания о первых русских князьях

О Рюрике, Аскольде и Дире

Славянское племя, раскидавшись небольшими поселками на огромном пространстве в Приднепровской равнине и по Ильменю, не могло сохранить независимость.

В 859 г., по словам летописца, «варяги из-за моря» брали дань со славян, ехавших по Ильменю, и со всех кривичей, а также с двух соседних финских племен, чуди и мери, а хазары – с полян, северян и вятичей.

В 862 г. ильменские славяне и кривичи, собравшись с силами, свергли власть варягов, прогнали их за море и начали сами собой управляться; не стало между ними правды, восстал род на род, и начались усобицы. Терпеть их, видно, невмочь было, и порешили тогда ильменские славяне, кривичи и чудь: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву».

Послы отправлены были к варяжскому племени Русь и сказали русским князьям: «Земля наша велика и обильна, а наряда (порядка) в ней нет; велите княжить и владеть нами». Братья согласились и в 862 г. пришли в землю северных славян и соседних финнов. Старший из этих братьев – Рюрик – водворился сначала при устье Волхова, у Ладожского озера, срубил себе здесь город Ладогу, а потом перешел к истоку Волхова и поселился в Новгороде; второй брат – Синеус – водворился на Белом озере, а третий – Трувор – в Изборске.

От них и страна, где они утвердились, стала называться Русью.

Так рассказывает о начале нашего государства предание, занесенное в древнюю летопись.

Там, где именно жили эти варяго-русы и к какому племени принадлежали, про это нет сколько-нибудь точного указания. Много трудились наши ученые над изъяснением этого темного вопроса: одни предполагали, что под «варяго-руссами» надо разуместь норманнов; другие думали, что призванные князья-варяги были вождями сборной дружины, в которой было очень много славян, и потому эта пришедшая дружина скоро вполне слилась с призвавшими. Наконец, в наше время некоторые думают, что руссы – славяне; один ученый полагает, что они – балтийские славяне, другой – что они из Приднепровья и ведут начало от роксолан. Словом, вопрос о том, откуда, как пришли и кто были первые наши князья, несмотря на все усилия и домыслы ученых, вопрос темный, нерешенный и таким, вероятно, останется навсегда, если не будет открыто каких-либо новых источников.

Два года спустя, говорит предание, умерли оба младшие брата Рюрика, и он стал властвовать на севере один. Приказывал он своим дружинникам в разных местах области рубить (строить) новые города, то есть строить деревянные ограды, крепости, где легко было держаться против внутренних и внешних врагов и где можно было хранить добычу и держать пленников. Врагов у Рюрика довольно было и между славянами: не все из них хотели подчиняться чужеземцу и платить ему дань – приходилось многих силою принуждать к повиновению.

В Новгороде, по преданию, произошло даже восстание: попробовали свергнуть Рюрика, но он одержал верх и казнил Вадима, главного мятежника, и многих сообщников его.

Рюрик

Много городов роздал Рюрик своим старшим дружинникам; они имели при себе вооруженные отряды и заставляли окрестных жителей повиноваться князю и платить дань.

Двое из дружины Рюрика, не получившие в управление городов, отпросились у него идти со своими родичами в Константинополь искать счастья. Отправились они обычным путем варягов – поплыли по Днепру мимо Смоленска, города кривичей, мимо Любеча, города северян, дошли до неведомого им городка в очень красивой местности, на крутом берегу Днепра. Узнали они, что город этот называется Киевом, по имени Кия, который некогда основал здесь первые поселки с братьями Щеком и Хоривом и сестрою Лыбедью. Узнали также, что киевляне платят дань хазарам.

Сильно полюбилось Аскольду и Диру это место: они помогли киевлянам освободиться от власти хазар и сами стали властвовать здесь; набрали они себе сильную дружину из своих земляков и утвердились в стране полян.

Так явилось новое Русское государство на среднем течении Днепра.

Недолго усидели на одном месте эти воинственные дружинники: привыкли они к боевым тревогам, и скучна была для них мирная жизнь, а тут еще то и дело приходилось им слышать от бывалых людей баснословные рассказы о дивных богатствах Константинополя, о необычайной его роскоши. Слышали они часто о том, что греки – народ слабый, изнеженный, что они боятся войны, что готовы скорее золотом откупаться от врагов, чем встречаться с ними в поле или море с оружием в руках.

Соблазн был очень велик. Добраться до Константинополя было не особенно трудно. Начались приготовления к походу. И вот собрались непоседливые, предприимчивые удалыцы с разных сторон к Аскольду и Диру, охотники до воинских утех и богатой добычи, и пустились на двухстах лодках в путь. Легко было плыть по течению Днепра до самых порогов его, здесь приходилось с немалым трудом проводить лодки между камнями, а в иных местах надо было волочить их по земле, а кое-где нести и на плечах. Затем опять течение широкого Днепра несло ладьи в Черное море. В затишье приходилось плыть по морю на веслах, а при попутном ветре подымались паруса, и легкие ладьи быстро скользили по поверхности моря – неслись, словно чайки морские, по широкому его простору.

Напали руссы на Константинополь врасплох. Император был в это время с войском в Азии, у восточных пределов империи. Ужас охватил все население роскошной столицы, когда из соседних прибрежных селений беглецы принесли страшную весть, что множество русских лодок плывет к столице. Заперли городские ворота, расставили в разных местах по стене городской и по башням стражу и послали к императору весть о беде.

Страшны были для изнеженных византийцев суровые воины севера. Это были рослые, рьяные и крепкие люди со светло-русыми волосами, бритыми подбородками; тяжелые шлемы покрывали их головы; грудь защищена была кольчугой; сверх нее накидывали они плащи, углы которых соединялись на правом плече запонкой. Тугие луки, острые оперенные стрелы, дротики, копья, тяжелые секиры (топоры) и обоюдоострые мечи составляли наступательное оружие этих воинов. Большие, полукруглые сверху и заостренные снизу щиты хорошо охраняли их от вражьих ударов.

«Смерть Аскольда и Дира». Гравюра Ф. А. Бруни. 1839 г.

Подшли руссы с моря к Константинополю, высадились на берег, отрядами рассеялись по окрестным селам и беззащитным предместьям столицы и, по свидетельству византийцев, принялись страшно свирепствовать, разорять их, истреблять все мечом и огнем. Ни старому, ни малому пощады не было; ни вопли детей, ни мольбы матерей – ничто не трогало свирепых воителей! Отчаяние овладело жителями столицы. Духовенство непрерывно совершало молебствия в церквах; они полны были молящимися. Патриарх Фотий говорил проповеди. Он называл нашествие руссов карою, посланной Богом за пороки и тяжкие грехи, в которых погрязло население столицы.

«Народ жестокий и дерзкий, – говорил он, – разоряет и губит все: нивы, жилища, стада, женщин, детей, старцев, всех сражает мечом, никого не милуя, никого не щадя. Он, как саранча на ниве, как жгучий зной, как наводнение, явился в стране нашей и стубил жителей ее...»

Указывал патриарх и на малодушие жителей, обезумевших от страха.

«Не вопите, не шумите, перестаньте плакать, молитесь спокойно, будьте мужественны!» – увещевал он их.

Но все напрасно: страх был сильнее его красноречия! Руссы у стен города насыпали огромный вал, добрались до верха стены, и жители трепетали от ужаса, что враги вот-вот ворвутся в город... Но этого не случилось – руссы совсем неожиданно для осажденных поспешно ушли из-под стен Константинополя. Буря ли, поднявшаяся на море, или весть о приближении императора с большим войском побудила их к этому, неизвестно. Долго после того сохранялось у греков предание об этом первом нападении на их столицу руссов. Есть известие, что около этого времени некоторые из них приняли христианство от греков.

В 879 г. умер Рюрик. Сын его Игорь был еще очень мал, и за малолетством его стал княжить его родич Олег.

Предания об Олеге

Олег, по преданию, был князь очень предприимчивый и воинственный. Только власть попала в его руки, как он задумал большое дело – овладеть всем течением Днепра, забрать в свои руки весь водный путь в богатую Грецию, а для этого приходилось покорить всех славян, живших по Днепру. Тут одной княжеской дружины было мало. Олег набрал из ильменских славян, из кривичей, подчиненных ему, финских племен большое войско и двинулся с ними и дружиной на юг.

Овладел Олег прежде всего Смоленском, городом тех кривичей, которые не были еще подвластны никому, затем взял Любеч, город северян, оставил в этих городах отряды своей дружины под начальством надежных, опытных воевод, а сам пошел дальше. Наконец показался и Киев. Знал Олег, что силою нелегко будет взять этот город: княжили там Аскольд и Дир, опытные вожди, да и дружина у них храбрая, бывалая. Пришлось пуститься на хитрость: войско было оставлено позади, а Олег с несколькими лодками подплыл к Киеву, остановился неподалеку от города и послал сказать Аскольду и Диру, что их земляки, купцы варяжские, едут в Грецию, хотят повидаться с ними и просят их прийти к лодкам.

Киевские князья, не подозревая вовсе злого умысла, вышли одни на берег. Тогда воины, спрятанные в лодках, выскочили и окружили их.

«Вы не князья и не княжеского рода, – сказал им Олег и прибавил, указывая на Игоря, – а вот сын Рюрика».

По знаку Олега воины его бросились на Аскольда и Дира и убили их. Погребли их у берега Днепра на горе (доныне одна прибрежная гора у Киева называется Аскольдовой могилой). Киевляне, оставшиеся без князей и застигнутые врасплох, подчинились Олегу.

Полюбился ему Киев, назвал он его «матерью русских городов», и стал Киев с этого времени главным русским городом. Чтобы утвердить свою власть на покоренной области, Олег начал строить новые города, как Рюрик устраивал их на севере. Города эти раздавал он под начало своим дружинникам и установил дань с покоренных племен.

Не сиделось Олегу спокойно в Киеве. Каждый год, лишь только вскрывались реки, с дружиною своей пускался он в путь, на быстрых ладьях входил в притоки Днепра с правой и с левой стороны, подчинил себе жившие по берегам славянские племена; по Припяти покорил древлян и принудил их платить себе дань по черной кунице с жилья; в следующем году поднялся по Десне, победил северян, данников хазар, и заставил их платить себе небольшую дань; затем принудил он и радимичей, по реке Сож, платить себе дань, которую прежде они платили хазарам.

Покорил Олег также и еще некоторые славянские племена, жившие на западе от Днепра, по Бугу и Днестру, всюду строил города или крепости, ставил наместниками своих дружинников и ежегодно ходил с дружиною собирать дань с подчиненных племен.

Но, видно, дани этой было мало князю и дружине или слишком уж расходилась их удаль: задумал Олег большой поход на Византию. Силы у него было гораздо больше, чем у Аскольда и Дира. Закипела работа – приходилось одних ладей заготовить, по преданию, до двух тысяч. Каждая ладья могла поднять до 40 человек, войско, стало быть, для того времени было огромное, составилось оно из варягов, славян и финнов.

В 906 г. явились во второй раз руссы под стенами Византии. Запылали опять села в окрестностях столицы: загородные дворцы, дачи и церкви гибли в пламени...

Горе было тем, кто пробовал противиться свирепым воинам с севера и попадал в их руки: пленных рубили они мечами, расстреливали стрелами, топили в море.

«Кончина Олега». Гравюра Ф. А. Бруни. 1839 г.

Византийцы успели загородить вход в свою гавань громадной цепью и заперлись в городе. Олег стал готовиться к приступу. Византийский двор предложил уплатить большую дань русским, лишь бы они не разоряли города. Олег потребовал по двенадцати гривен (фунтов) серебра на человека. Выплатить сразу такую громадную дань было не под силу и богатым византийцам: приходилось выдавать несколько тысяч пудов серебра. Серебро и золото в то время ценились гораздо дороже, чем теперь. Начались переговоры. Олег несколько сбавил свои требования, но все-таки взял с греков большую дань: она была рассчитана не только на дружинников и воинов, бывших с ним в походе, но и на те отряды, что стояли по разным русским городам.

Кроме того, князь потребовал разных льгот русским купцам, или «гостям», как их звали в старину. Согласились греки на все требования, и Олег с дружиною и воинами вернулись домой, обремененные добычей.

Дивились все необычайной удаче походов удалого князя, уму и хитрости его. Стали ходить из уст в уста всякие рассказы о нем: говорили, будто он велел под Константинополем вытащить ладьи на берег, приспособить к ним колеса и при попутном ветре на парусах подкатил на лодках к самым стенам греческой столицы и навел на жителей ужас. Рассказывали, как он не поддавался на разные уловки греков, которые славились своей хитростью, как прибил на воротах города свой щит в знак победы, как приказал на всех лодках простых воинов сделать паруса из полотна, а на лодках дружины – из шелковой материи, взятой в добычу у греков, и т. д. Рассказы эти перешли потом в предания. Стали даже многие думать, что Олег одарен был какими-то особенными, нечеловеческими свойствами, прозвали его вещим (чародеем). Через пять лет после похода он скрепил свой мир с греками письменным договором. Для этого он послал несколько знатнейших мужей из дружины своей в Константинополь.

Олег умер в 912 г. Кончина его, по преданию, была необычайна. Спросил он у волхва, или кудесника, о причине своей смерти.

«Князь, – сказал кудесник, – умрешь ты от своего любимого коня».

С тех пор Олег не садился больше на этого коня, велел его и кормить, и холить, но не подводить к себе. Прошло много лет. Как-то раз вспомнил князь о своем коне, а узнав, что он уже давно околел, посмеялся над лживым предсказанием кудесника и вздумал посмотреть кости коня. Приехав на то место, где лежали они, Олег наступил на череп коня и с усмешкой сказал: «Не от этой ли кости умереть мне?»

Вдруг из черепа взвилась змея и укусила князя в ногу. От этого он заболел и умер...

Предания об Игоре

После Олега стал княжить Игорь. Древляне возмутились было, думали освободиться от дани. Игорь усмирил их и заставил платить более прежнего. Он тоже совершал походы в чужие края, но удачи ему такой, как Олегу, не было. При нем совершен был набег на прикаспийских жителей. В 913 г. русские на пятистах ладьях явились в Черном море, проплыли в Азовское, поднялись по Дону до того места, где он близко подходит к Волге, и послали к хазарскому кагану просить пропуска через его владения по Волге в Каспийское море: обещали отдать хазарам половину всей добычи, какую захватят. Каган согласился. Переволокли русские воины свои ладьи в море, рассеялись по южным и западным берегам его, стали беспощадно избивать жителей, забирать в плен женщин и детей. Попробовали жители сопротивляться, но русские разбили их рать. Огромную добычу захватили победители и поплыли обратно в Волгу. Здесь отдали они, как условились раньше, половину награбленной добычи кагану, но захотели хазары и другую половину отнять у руссов. После трехдневной страшной битвы большая часть русской рати была истреблена, а остатки ее, спасавшиеся вверх по Волге, почти все погибли в борьбе с болгарами.

В конце IX в. по соседству с русскими появились новые орды кочевников-печенегов. Они стали кочевать в степях от Дуная до Дона. Византийское правительство, чтобы спасти свои владения от их набегов, старалось жить с ними в мире, посылало богатые подарки их вождям, а иногда коварные греки подкупали печенегов, чтобы те нападали на руссов. В мирное время печенеги продавали русским коней, быков, овец, нанимались иной раз перевозить товары и таким образом помогали торговым сношениям с греками. Но по большей части эти кочевники враждовали с русскими, неожиданно врвались небольшими отрядами в русскую область, грабили ее, сжигали поселения, уничтожали нивы, часто нападали на русские купеческие караваны, поджидая их у Днепровских порогов.

Игорь Рюрикович

Печенеги были рослые, сильные люди дикого, свирепого вида. Они были превосходные наездники и отличные стрелки. Стрелы и копья были главным их оружием, а кольчуги и шлемы защищали их от вражьих ударов. На своих легких степных конях с дикими криками кидались они на врагов, осыпая их стрелами. Затем, если не могли сразу сломить противника, обращались в притворное бегство, стараясь завлечь врага в погоню за собой и при помощи засады окружить его и уничтожить.

Игорю, первому из русских князей, пришлось оборонять свою область от этих степных хищников. Задумал он, по примеру Олега, сделать большой набег на Грецию и промыслить себе и дружине большую добычу. Собрав огромную рать, направился он обычным путем на ладьях к берегам Греции. Как только показались бесчисленные суда русские в Черном море, дунайские болгары дали знать об этом императору. На этот раз руссы напали на азиатские берега империи и стали здесь, если верить греческим известиям, страшно свирепствовать: они предавали разным истязаниям пленных, выжигали селения, грабили церкви и монастыри. Наконец греки собрались с силами, снарядили корабли и выступили против врагов. Игорь был вполне уверен, что руссы одержат победу, но ошибся. Когда сошлись греческие суда с русскими, вдруг греки стали метать огонь на русские ладьи. Попадет он на лодку – спасения нет!

Пламя охватывает ее – вода его неймет, упадет огонь на воду – и на воде горит!.. Ужас овладел всеми; самые смелые, боевые дружинники, и те дрогнули, все пустились в бегство. Иные кидались с загоревшихся лодок прямо в воду и тонули; множество руссов погибло тут, много их попало в руки грекам. Спаслись немногие и рассказывали потом с ужасом, что у греков во время этого боя была в руках небесная молния, что они бросали ее на русские ладьи и те гибли в пламени. Дело в том, что греки употребляли на войне особый состав из нескольких горючих веществ (нефти, серы, смолы и др.). Когда состав этот зажигали, огонь нельзя было погасить водою, она даже усиливала пламя. По воде состав этот плавал и горел. На греческих судах на носовой части устраивались особые медные трубы, при помощи их греки, подойдя близко к неприятельским судам, бросали горящий состав и зажигали их. Этот «греческий огонь», как его называли, не одних руссов приводил в ужас, но и других иноплеменников, нападавших на греков.

Игорь хотел во что бы то ни стало загладить стыд своего поражения и отомстить грекам. Он послал за море звать охочих людей из норманнов в поход на Грецию. Толпы хищных воителей, падких на добычу, направились в Киев. Три года собирался Игорь, наконец изготовился, нанял и печенегов, а чтобы они не изменили, взял у них заложников и отправился в путь.

Пришла в Константинополь грозная весть из Корсуня (греческого города на Таврическом полуострове): «Идет Русь без числа: корабли их покрыли все море!..» За этой вестью последовала другая от болгар: «Идет Русь и печенеги с ними!»

Император рассудил, что лучше ублажить как-нибудь врагов, не вступая с ними в новую борьбу, и послал нескольких знатных бояр сказать Игорю: «Не ходи на нас, возьми дань, какую брал Олег, мы еще и прибавим к ней».

Отправили греки и печенегам богатые дары – много золота и дорогих паволок (шелковых тканей). Руссы в это время дошли уже до Дуная. Созвал Игорь свою дружину, сказал ей о предложении императора и стал советоваться, как быть. Порешили принять предложение.

«Когда император, – сказала дружина, – и так предлагает уплатить дань и мы можем взять золото, серебро и паволоки без боя, то чего же нам еще? Разве известно, кто одолеет – мы или они! Да и с морем не уговоришься. Не по земле ведь ходим, а по глубине морской – общая всем нам может быть смерть».

Принял этот совет князь, взял у греков золото и паволоки себе и на всех воинов своих и вернулся в Киев.

На следующий же год он и император обменялись посольствами и заключили новый договор, похожий на договор Олега с греками. Игорь пришел со старшими своими дружинниками (боярами) на холм, где стоял идол Перуна. Все положили свое оружие, копья, мечи, щиты и клялись греческим послам, что будут соблюдать договор. Были между дружинниками и христианами, они присягали в церкви св. Ильи.

Одарил князь греческих послов мехами, воском и челядью (то есть рабами) и отпустил их.

Древнерусские воины X в.

Договоры с греками Игоря и раньше – Олега – показывают, что русские совершали не просто дикие набеги, но имели в виду и торговые выгоды. В договорах этих уже выговариваются русским торговцам разные льготы; обязываются та и другая стороны оказывать помощь купцам, потерпевшим крушение, справедливо разбирать и судить разные ссоры, могущие возникнуть при торговых сношениях и пр. Опасливые греки, видимо побаиваясь воинственных руссов, требуют, чтобы в столицу не входило их разом более 50 человек, притом безоружных... Под старость Игорь не ходил сам на полюдье. Полюдьем назывался сбор дани: князь с дружиной обыкновенно ходил по селам и городам «по людям» и собирал дань, которую делил с дружинниками. Стал князь поручать сбор дани своему боярину Свенельду. Это невыгодно было для Игоревой дружины, и стала она роптать:

«Отроки (дружинники) Свенельда разбогатели оружием и платьем, а мы наги, пойди, князь, с нами за данью, и ты добудешь, и мы!»

Послушался их Игорь, пошел в землю древлян собирать дань, причем он и дружина его прибегали к насилиям. Князь уже возвращался в Киев с данью, но захотелось ему пособирать еще, большую часть дружины отпустил он, а с небольшим отрядом вернулся опять в землю древлян производить поборы. Древляне возмутились, собрались на вече и порешили с Малом, своим старшиною, или князем, как величали они его: «Когда повадится ходить волк в стадо

овец, то все стадо расхитит, если не убьют его; так и этот (Игорь), если не убьем его, всех нас погубит».

Когда Игорь снова начал силою собирать дань, древляне из города Коростеня перебили маленький отряд Игоря и самого его убили (945 г.). Есть известие, будто они, пригнув стволы двух деревьев один к другому, привязали к ним несчастного князя, потом отпустили их, и он был разорван на две части.

Предания об Ольге

Положение Руси было опасно по смерти Игоря. Святослав, сын его, был еще ребенком, а тут древляне подняли мятеж; за ними могли восстать и другие недовольные племена; степные соседи – печенеги тоже только и ждали случая пограбить Русскую землю. Но Ольга, мать Святослава, оказалась женщиною очень умною, притом твердого и решительного нрава, к счастью, были и между боярами опытные военачальники, вполне преданные ей.

Прежде всего она жестоко отомстила мятежникам за смерть мужа. Вот что говорят предания об этой мести. Древляне, убивши Игоря, порешили уладить дело с Ольгою: выбрали из среды своей двадцать лучших мужей и послали к ней с предложением выйти замуж за князя их Мала. Когда они прибыли в Киев и княгиня узнала, в чем дело, то сказала им:

– Люба мне ваша речь, мужа своего мне не воскресить. Хочу вам завтра оказать почет перед людьми моими. Идите теперь в ладьи ваши; завтра я пришлю за вами людей, а вы скажите им: не хотим ни верхом ехать, ни пешком идти, несите нас в лодках, вас и понесут.

«Святая Ольга». Эскиз к мозаике Н. К. Рериха. 1915 г.

Когда на другой день утром к древлянам пришли от Ольги люди звать их, они отвечали так, как она научила.

– Нам неволя, князь наш убит, а княгиня наша хочет выходить за вашего князя! – сказали киевляне и понесли древлян в лодке.

Послы же сидели спесиво, гордясь высокою честью. Принесли их на двор и бросили с лодкою в яму, которую раньше вырыли по приказу Ольги. Наклонилась она к яме и спросила:

– Хороша ли вам честь?

– Честь эта нам хуже Игоревой смерти! – отвечали несчастные.

Ольга приказала засыпать их живых землею. Затем отправила послов к древлянам сказать: «Если вправду вы просите меня, то пришлите за мною самых лучших мужей ваших, чтобы с великою честью я пришла к вам, иначе не пустят меня киевляне».

Прибыли новые послы от древлян. Ольга, по тогдашнему обычаю, приказала приготовить для них баню. Когда они вошли туда, их по приказу княгини заперли и сожгли вместе с баней. Тогда послала она опять сказать древлянам: «Я уже иду к вам, приготовьте побольше меду – хочу сотворить на могиле моего мужа тризну (поминки)».

Древляне исполнили ее требование. Ольга с небольшою дружиною пришла к могиле Игоря, плакала по муже своем и приказала своим людям насыпать высокий могильный холм. Затем стали править тризну. Древляне сели пить, отроки (младшие дружинники) Ольгины обслуживали им.

– Где же наши послы? – спрашивали древляне у княгини.

– Идут с дружиною мужа моего, – отвечала она.

Когда древляне опьянели, княгиня велела своей дружине рубить их мечами. Много их было изрублено. Ольга поспешила в Киев, стала собирать войско и на следующий год пошла на Древлянскую землю; при ней был и сын. Древляне думали было сразиться в поле. Когда обе рати сошлись, маленький Святослав первый бросил копье, но слаба была еще его детская рука: копье едва пролетело между ушей коня и упало к ногам его.

– Князь уже начал! – крикнули воеводы. – Дружина, вперед, за князем!

Древляне были разбиты, бежали и укрылись в городах. Ольга хотела приступом взять главный из них – Коростень, но тут все усилия были напрасны. Отчаянно оборонялись жители: знали они, что ждет их, если сдадутся. Целое лето простояла киевская рать под городом, а взять его не могла. Где сила не берет, там иной раз умом да сноровкою можно взять. Послала княгиня сказать коростенцам:

– Чего вы не сдаетесь? Все города уже сдались мне, платят дань и спокойно возделывают нивы свои, а вы, видно, хотите досидеться до голодной смерти?!

Коростенцы отвечали, что они опасаются мести, а дань они готовы дать и медом, и мехами. Ольга послала сказать им, что она уже достаточно отомстила и требует от них лишь малой дани: по три голубя и по три воробья с каждого двора. Обрадовались осажденные, что так дешево могут отделаться от беды, и исполнили ее желание. Ольга приказала воинам своим привязать к ногам птиц куски трута (то есть тряпок, пропитанных серою) и, когда смеркнется, зажечь трут и пустить птиц. Воробьи полетели под крыши в свои гнезда, голуби в свои голубятни. Жилища в то время были все деревянные, крыши соломенные. Скоро Коростень запылал со всех концов, все дома охватил пожар! В ужасе кинулся народ вон из города и попадал прямо в руки врагов своих. Старшин княгиня взяла в плен, а простых людей – одних велела избить, других отдала в рабство дружинникам своим, а на остальных наложила тяжелую дань.

Многих пленных древлян Ольга принесла в жертву богам и велела похоронить вокруг могилы Игоря; затем справила тризну по мужу, причем в честь покойного князя происходили воинственные игры, как требовали обычаи.

Если Ольга и не была так хитра, а древляне так просты и доверчивы, как говорит предание, то все-таки в народе и в дружине верили, что дело было именно так: хвалили княгиню за то, что она хитро и жестоко отомстила древлянам за смерть мужа. Суровы были в старину нравы наших предков: кровавой мести требовал обычай, и чем ужаснее мститель мстил убийцам за смерть своего родича, тем большей похвалы заслуживал.

Усмирив древлян, Ольга с сыном и дружиною пошла по их селам и городам и установила, какую дань должны они платить ей. На следующий год обошла она с дружиною и другие свои владения, делила земли на участки, определяла, какие подати и оброки должны были жители платить ей. Умная княгиня, как видно, ясно понимала, сколько зла было от того, что князь и дружина брали дани, сколько вздумается, а народ не знал вперед, сколько он обязан уплатить. Самым же важным делом Ольги было то, что она первая из княжеской семьи приняла христианство.

Со времен Аскольда и Дира, как говорит предание, христианство стало понемногу распространяться среди полян. Руссы давно уже сносились с греками, часто ездили в Царьград для торговли и там могли познакомиться с христианскою верою. Великолепие греческих храмов и торжественность богослужения возбуждали у них удивление. При Игоре и в Киеве была уже христианская церковь Св. Ильи; было несколько христиан и в дружине, стало быть, с той поры русские могли и у себя дома узнать, в чем состоит христианская вера. Нетрудно было Ольге при ее уме понять, насколько эта вера выше языческой.

В 957 г. Ольга отправилась в Константинополь; она хотела принять крещение от самого патриарха. Когда русская княгиня прибыла в Царьград, здесь пришлось ей в гавани довольно долго ждать доступа к императорскому дворцу. При дворе долго обдумывали, как бы устроить ей торжественный прием так, чтобы и достоинства императора не унизить, и высокую гостью не обидеть: придворным церемониям византийцы придавали слишком большое значение. Наконец после разных проволочек и выполнения всяких придворных обычаев и обрядов она была допущена во дворец и удостоилась видеть императора и императрицу.

Император сидел на великолепном золотом троне в одежде, сияющей драгоценными камнями, около него стояли знатнейшие вельможи в пышных нарядах. Затем длинным рядом богатых покоев повели Ольгу к императрице. В огромной палате, которая роскошно была отделана мрамором, блистала позолотой и драгоценными материями, находилось возвышение, покрытое пурпуровой тканью. На нем стоял золотой трон, на котором сидела императрица; подле нее также на золотом троне сидела ее невестка. Около них стояли царедворцы и придворные женщины в известном порядке, смотря по знатности. Один из сановников от имени императрицы приветствовал русскую княгиню, после чего она и сопровождавшие ее русские боярыни были отведены в особый покой для отдыха.

Затем последовал торжественный обед. Когда ввели русских в палату, где был приготовлен стол, все сделали очень низкий поклон императору и императрице. Ольга же только слегка наклонила голову. Императрица и ее невестка сидели за особым столом на возвышении, русской княгине пришлось сидеть с придворными женщинами. Во время обеда певчие пели хвалебные песни в честь императорского дома, играла музыка, а придворные плясуны тешили всех своей ловкой, искусной пляской. После обеда императорское семейство с Ольгою перешло в другой покой, где приготовлены были разные сласти на блюдах, украшенных драгоценными камнями. Русской княгине и окружавшим ее русским боярыням были поднесены в подарок по несколько десятков червонцев. Тогда было в обычае обмениваться подарками. Ольга привезла императорской семье много драгоценных мехов.

Константинопольский патриарх, по словам нашего летописца, сам совершал обряд святого крещения, а император Константин Багрянородный был крестным отцом Ольги. Нарекли ее при крещении Еленою в честь матери Константина Великого.

Немало, конечно, дивились русские богатствам и великолепию императорского дворца и роскошной столицы. Какая разница между тем, к чему привыкли они у себя в Киеве, и тем, что они увидели здесь! Там – жалкие деревянные лачуги, плетенные из ветвей изгороди, бревенчатые городские стены; здесь – громадные роскошные дворцы, великолепные храмы с позолоченными сияющими главами, крепкие и красивые городские стены с бойницами и сторожевыми башнями.

По возвращении в Киев сильно хотела Ольга обратить и Святослава в христианскую веру.

– Вот я познала истинного Бога и радуюсь, – говорила она сыну, – крестись, познаешь и ты Бога, будет радость и в твоей душе.

– Как я приму один иную веру? – возражал Святослав. – Дружина станет смеяться надо мною!..

– Если ты крестишься, – настаивала Ольга, – все за тобою последуют.

Но Святослав оставался непреклонен. Не лежала душа воителя-князя к христианству с его кротостью и милосердием.

Предания о Святославе

С малых лет сроднился Святослав с боевой жизнью. Удачные набеги да битвы кровавые – вот что больше всего тешило его, в них только была и жизнь ему... Походы совершал он необычайно быстро, ходил как барс, по словам летописца, никакого обоза, никаких шатров не возил с собою; спал как простой воин на земле, постелив только конскую попону да подложив под голову седло. Котлов тоже не брал он, да и кушаний никаких не готовилось для него: сам пек он себе на углях, что доводилось – конину, говядину, а не то и зверину.

Каков был князь, такова была и дружина его.

Не любил он хитрости, не нападал на неприятеля неожиданно. «Иду на вас!» – посылал он сказать врагам, готовясь напасть на них, и давал им возможность приготовиться к боевой встрече. Закаленная в боях дружина, сильное испытанное войско да своя молодая сила и отвага давали Святославу веру в успех.

Задумал он совершить большой поход на хазар. По степям, по рекам, через лесные дебри добрался он до Оки; там жило суровое племя вятичей.

– Кому дань платите? – спросил он.

– Даем дань хазарам, – отвечали вятичи.

Князь заставил их платить себе и продолжал поход.

Спустился он с войском своим по Оке в Волгу и поплыл вниз по течению ее. Плохо пришлось болгарам, жившим по Волге: Святослав разорил и предал грабежу и города, и села их. Большое хазарское войско с самим каганом вышло навстречу русским. Хазары были совершенно разбиты. Разорил Святослав землю их, взял славный город их на Дону – Белую Вежу – и победил ясов и косогов, воинственных жителей Прикавказья. Молва о победах удалого князя, о неукротимой отваге его и страшной его дружине надолго нагнала страху на жителей закаспийских областей.

Не успел Святослав отдохнуть в Киеве от походов на восток, как явилось к нему посольство от греческого императора Никифора-Фоки – просить у него помощи против дунайских болгар: 30 пудов золота обещали ему за помощь.

Как было не принять ему предложение: война да еще такая плата, не считая добычи. С войском тысяч в шестьдесят в 968 г. русские ладьи явились на Дунае. Напрасно болгарское ополчение пыталось помешать русским высадиться на берег. Болгары были разбиты. Множество городов их было взято и разграблено, в том числе и Малая Преслава, или Переяславец, и сильно укрепленный Доростол. Святославу сильно понравилось в Болгарии: земля богатая, всего вдоволь, положение выгодное, с Византией и другими богатыми соседними странами большая торговля. Не хотел он уходить отсюда; а Русь оставалась без князя.

В Киеве же находилась Ольга, совсем уже престарелая, с малолетними внуками; недалеко от русской столицы расстилалась степь, а по ней рыскали орды кочевников-печенегов; они только и выжидали удобного случая напасть врасплох и пограбить. Нахлынули орды их на Русь. Заперлась Ольга с внуками в городе.

Толпы печенегов расположились станом вокруг Киева: ни в город нельзя было никому пройти, ни из города. Плохо пришлось киевлянам: мало у них уже оставалось съестных припасов, помощи ждать им было неоткуда – приходилось сдаваться. На противоположном берегу Днепра собрался небольшой отряд ратных людей под начальством воеводы Претича. Мог бы он попытаться помочь киевлянам и спасти Ольгу с внуками от плена, да, на беду, он вовсе и не знал, что киевлянам приходится так плохо; он думал, что они еще смогут продержаться до прихода Святослава. Стали киевляне думать, как бы известить Претича о том, что им приходится сдаваться, если никто не поможет им. Нашелся между ними, как говорит предание, отважный юноша, который взялся уведомить воеводу о положении киевлян. Незаметно для врагов

вышел он из города с уздечкой в руке, прошел между печенегами, спрашивая всех встречных, не видали ли его лошади (он говорил по-печенежски, и печенеги приняли его за одного из своих). Добравшись до берега Днепра, юноша сбросил с себя одежду, кинулся в реку и быстро поплыл. . . . Тут только спохватились печенеги: засвистели стрелы, но он был уже далеко – попасть в него было трудно. Русские с той стороны Днепра завидели пловца и поспешили навстречу ему в лодке.

– Если не подступите завтра к городу, – сказал он, – то киевляне хотят сдаться печенегам.

– Подступим завтра же, постараемся спасти княгиню и княжичей, – сказал Претич дружине, – перевезем их на эту сторону. Если не сделаем этого, то погубит нас всех Святослав.

Все согласились. На другой день на рассвете раздались на Днепре громкие звуки труб, показались лодки с вооруженными людьми. Киевляне громким, радостным криком приветствовали их со стен. Смелая попытка Претича удалась: печенеги испугались – им представилось, что сам

Святослав с войском идет на выручку Киева. Они поспешно отошли от города. Того только и нужно было Претичу.

Ольга с внуками успела сесть в лодку и переехать на другой берег. Печенежский князь вступил с русскими в переговоры.

– Кто это пришел? – спросил он у Претича.

– Люди с той стороны, – отвечал тот.

– А ты не князь ли? – спросил печенег.

– Я княжий муж, – сказал Претич, – и пришел с передовым отрядом, а за мною идет князь с большим войском.

Хитрость удалась. Печенежский князь вовсе не расположен был встречаться с самим Святославом и предложил заключить мир. Претич, конечно, согласился. Оба подали друг другу руки и обменялись подарками: печенежский князь подарил русскому воеводе коня, саблю и стрелы, а Претич дал ему броню, щит и меч.

Киевляне, говорит предание, послали сказать Святославу: «Ты, князь, чужой земли ищешь и блюдешь ее, а от своей отрекся: нас вместе с твоею матерью и детьми чуть не взяли печенеги. Если ты не защитишь, то они возьмут нас. Неужели тебе не жаль ни твоей отчины, ни старухи-матери, ни детей твоих?»

Святослав поспешил с дружиной в Киев, собрал сильное войско и прогнал печенегов далеко в степь. Недолго пожил он с семьей, не сиделось ему дома.

– Нелюбомне в Киеве, – говорил он матери и боярам, – хочу жить в Переяславце-на-Дунае. Там середина земли моей; туда сходится все благое с разных сторон: из Греции – золото, ткани, вина и разные плоды; из земли чехов и венгров – серебро и кони; из Руси – меха, мед, воск и рыба.

Ольга уговаривала его несколько повременить.

– Я уже больна, не уходи, – просила она, – похорони меня сперва, а там иди куда хочешь.

Три дня спустя Ольга скончалась. Она заповедала, чтобы по ней не справляли языческой тризны: у нее был священник, он и похоронил ее по христианскому православному обряду.

Между тем в Греции дела изменились. Император Никифор Фока был убит, и убийца его, Иоанн Цимисхий, завладел тронem. Новый император был человек очень деятельный, предприимчивый, знал хорошо и военное дело. Понимал он, что Византии грозит постоянная опасность, если в Болгарии утвердится воинственный Святослав. Болгары тоже не хотели господства русского князя. Ему пришлось бороться с ними. Большое болгарское войско вышло навстречу русскому.

Началась у Переяславца жестокая сеча. Несколько раз возобновлялся ожесточенный бой, наконец к вечеру Святослав одолел и взял в плен двух сыновей болгарского царя. Потом прошел он с огнем и мечом всю Болгарию и страшно отомстил болгарам за враждебную встречу!

Иоанн Цимисхий отправил к нему посольство с богатыми дарами. Послы от имени императора объявили князю, чтобы он, получив награду, обещанную прежним императором, удалился из Болгарии. Не понравилось это Святославу: он считал уже этот край своим.

– Выкупите у меня все взятые мною города, – отвечал он послам, – выкупите ваших пленников, заплатите золотом за Болгарию, и я оставлю ее, а если не хотите, то нет вам мира!

Началась война с греками. По словам нашего летописца, Святославу пришлось встретиться с огромным греческим войском. Смутились сначала руссы – их было гораздо меньше, чем врагов, но бесстрашный князь воодушевил своих сподвижников. «Некуда нам уж деться, – сказал он им. – Волею или неволею надо сразиться. Не посраим Русской земли, ляжем костями; мертвым нет срама!.. Если в бегство обратимся, то и срам нам будет, и беды не избежим. Станем твердо. Я пойду впереди. Если сложу голову, то думайте о себе сами».

Воин-печенег

«Где твоя голова ляжет, там и мы свои сложим!» – отвечали воины.

Завязался жестокий бой, и Святослав одолел. Так говорит наш летописец. Но с каждой битвой все меньше и меньше становилось русских воинов, а ждать помощи им было неоткуда: до Русской земли далеко было, а греки были у себя дома! Император поднял громадные силы, снарядил корабли, заготовил множество запасов и с наступлением весны двинулся на Святослава. Тяжелое время настало для русского войска. В Дунай вошли греческие корабли с ужас-

ными огнеметательными снарядами. Огромное и хорошо устроенное греческое войско явилось в Болгарии. Болгаре тоже восстали против Святослава. Напали греки неожиданно на Переяславец и завладели им. Стоявший там русский отряд сразился с греками сначала перед городом, потом должен был защищаться в городе. Когда греки вытеснили русских отсюда, они заперлись в царском дворце, который был расположен на отдельном возвышении и окружен особою стеною. Не могли греки никак взять этого дворца; стали они со всех сторон бросать в него огонь. Здание запылало. Пришлось русским выйти, и окружили их со всех сторон враги... Отчаянно рубились руссы, но почти все погибли здесь, только нескольким воинам удалось спастись и уйти к Святославу, который с главным своим войском стоял в Доростоле. Первая битва под стенами этой крепости была очень упорна; руссы, сомкнув свои щиты, стояли несокрушимой стеной перед городом.

Дружинники были хорошо вооружены: крепкие шлемы, кольчуги, щиты защищали их от ударов; тяжелыми мечами, секирами и острыми копьями поражали они неприятелей. Простые воины были вооружены похуже: не у всех были шлемы и кольчуги; стоили они в то время очень дорого, и только князья да дружинники могли иметь хорошее вооружение. Лучшее оружие приобреталось из Византии.

Бой под Доростолом был отчаянный. Руссы дрались с неукротимой отвагою и с ярким криком поражали врагов. День уже склонялся к вечеру, а победа все еще колебалась. Греков было гораздо больше, чем русских; вооружены были они лучше, а главное, русские сражались пешие, у греков же была конница. Иоанн Цимисхий пустил ее в дело. Она ринулась на руссов, уже сильно утомленных боем. Не выдержали они этого стремительного натиска, отступили и заключились в городских стенах. Император приказал устроить укрепленный лагерь на возвышении, близ города. Греки окопались и поставили свои шатры. Греческие корабли стояли на Дунае, и русским нельзя было отступить; они старались только как-нибудь укрыть у берега свои лодки, чтобы греки не истребили их своим «губительным огнем»: руссы живо еще помнили рассказы отцов о том, как этот огонь уничтожил суда Игоря.

Русские оборонялись с необычайным мужеством и стойкостью. Они не укрывались постоянно за городскими стенами, но очень часто выходили из города и сражались с греками в открытом поле. Русская кольчужная рать обыкновенно выступала из города и, закрывшись своими длинными щитами, стеною шла на неприятеля. Ничто не могло устоять против могучего напора этого железного строя, но Цимисхий недаром слыл искусным вождем: он и его полководцы умели внезапными нападениями с боков и с тыла, стремительными налетами отрядов конницы расстраивать сомкнутый строй русских воинов и принуждали их отступать. Руссы не обращались в бегство, но, закинув за спину свои огромные щиты, медленно шли к городу. Ночью иной раз выходили в поле, подбирали тела убитых товарищей и сжигали их на кострах; при этом закалывали в жертву своим богам многих пленников, убивали, по своему обычаю, и женщин (вероятно, жен более знатных покойников). Кроме того, приносили в жертву младенцев и петухов, которых погружали в Дунай. Погребальные обряды они сопровождали дикими воплями и плачем в честь покойников. Есть известие, что греки в числе убитых русских находили женщин, они в мужской одежде шли за своими мужьями в сражения.

Греки установили метательные машины, кидали тяжелые камни в город и убивали многих осажденных. Русские в свою очередь делали по ночам вылазки, старались уничтожить эти машины и добыть в окрестных селах съестные припасы: в них уже чувствовался недостаток. Иной раз вылазки эти были удачные и производили в греческом стане большой переполох.

Два месяца с лишком длилась осада Доростола. Многих храбрых дружинников не стало; погибли в бою и лучшие русские воеводы. Приуныли храбрые воины Святослава. Созвал он на совет своих воевод и старших дружинников и спросил, как быть, что делать. Кто советовал в глухую ночь, в удобную пору, спастись бегством, кто думал, что лучше заключить мир с императором. Но не по душе Святославу были такие советы: жизнь, спасенная бегством или

купленная ценою унижительного мира, не привлекала его. Его мнение было – или победить, или погибнуть славною смертью в бою.

Опять начались отчаянные схватки. В одной из них греческий витязь, одаренный необыкновенною силою, заметил в толпе русских воинов Святослава, ринулся к нему, мечом своим проложил себе путь к русскому князю и нанес ему страшный удар в плечо. Святослав упал – так силен был удар. Но щит и крепкая кольчуга спасли его. Греческий витязь погиб под ударами русских. Смерть этого богатыря поразила греческих воинов страхом. Руссы стали теснить их. Плохо приходилось грекам. Император увидел опасность, велел ударить в бубны и трубить в трубы, а сам с копьём в руках во главе своего отряда «бессмертных» (так назывался отряд лучших воинов в греческом войске) понесся на русских. Бой загорелся с прежним ожесточением. Греческая рать, воодушевленная своим вождем, сильно напирала на руссов. На беду для них, вдруг поднялась сильная буря, ветер дул им прямо в лицо, облака пыли неслись им в глаза. Между тем один отряд греков зашел в тыл русскому войску и грозил отрезать его от города – пришлось поспешно отступить. Сам Святослав, израненный, истекающий кровью, едва спасся от плена...

Дольше сопротивляться нельзя было. В Доростоле настал голод. Приходилось мириться. Цимисхию тоже было нелегко продолжать войну: греки были изнурены продолжительными битвами и сильно желали мира. Русский князь обязался выдать всех пленных греков, сдать Доростол и уйти из Болгарии; обязывался он и вперед не начинать войны с греками и даже мешать нападению других племен на Грецию. По обычаю, руссы должны были клясться Перуном и Волосом, что они будут точно соблюдать договор. Святослав пожелал повидаться с императором. По словам одного греческого писателя (Льва Диякона), свиделись они на берегу Дуная. Цимисхий, верхом на богато убранном коне, в раззолоченных доспехах, окруженный блестящей свитой, подъехал к берегу Дуная, а Святослав подплыл на простой ладье, сам управляя веслом наравне с другими гребцами.

С любопытством смотрели греки на страшного для них Святослава. От них узнаем мы о наружности его. Это был человек среднего роста, коренастый, широкоплечий. Голова у него была бритая, с темени свешивался пук волос (означавший благородство), в одном ухе висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубином посередине. Лицо его было мрачно. Сурово глядели его голубые глаза из-под густых бровей, нос был несколько плоский, борода бритая, усы длинные. Одежда его поразила греков своей простотой – белая рубаха его отличалась от одежды других его товарищей только большей чистотой. Свидание его с императором продолжалось недолго.

Пока Святослав боролся с греками в Болгарии, орды диких печенегов опустошали его области и чуть не овладели Киевом. Святослав с остатком своего войска и дружиною зимовал у Днепровского устья. С наступлением весны поплыли они вверх по Днепру. У порогов подстерегали русских печенеги; говорят, греки известили их, что в отряде Святослава мало воинов и справиться с ним будет нетрудно. В самом опасном месте, где надо было обходить пороги по берегу, русский отряд был окружен со всех сторон печенегами. Завязалась схватка, и Святослав погиб в бою со всеми дружинниками: только несколькими воинам удалось уйти в Киев (972).

Предание говорит, что печенежский вождь Куря велел из черепа Святослава сделать себе чашу и на пирах пил пиво из нее.

Быт русских в девятом–десятом столетиях

Из преданий видно, что первые князья, кроме Ольги, мало думали о своей земле. Собирали они дань с подвластных им славян, брали у них людей в свое войско, делились данью с храброю дружиною своей и больше всего думали об удалых походах и богатой добыче. Не всегда даже князья могли, как следует, защищать подвластные им племена от врагов. Но все-таки совершилось великое дело: восточные славяне соединились под одной властью, составили один народ. Явилась сила, которая мало-помалу должна была сплотить разрозненные племена и роды в одно целое. Силою этою был князь с дружиною своей. Он стоит выше родовых споров; ему нечего мирволить одним, обижать других; он становится князем всей земли, и для него подвластные роды и племена равны. Не слушаться его опасно: у него под рукою надежная сила – его верная дружина, с нею он заставит себе повиноваться – словом, в князе у восточных славян явилась сильная правящая власть, которой раньше не было и без которой не может быть и государства.

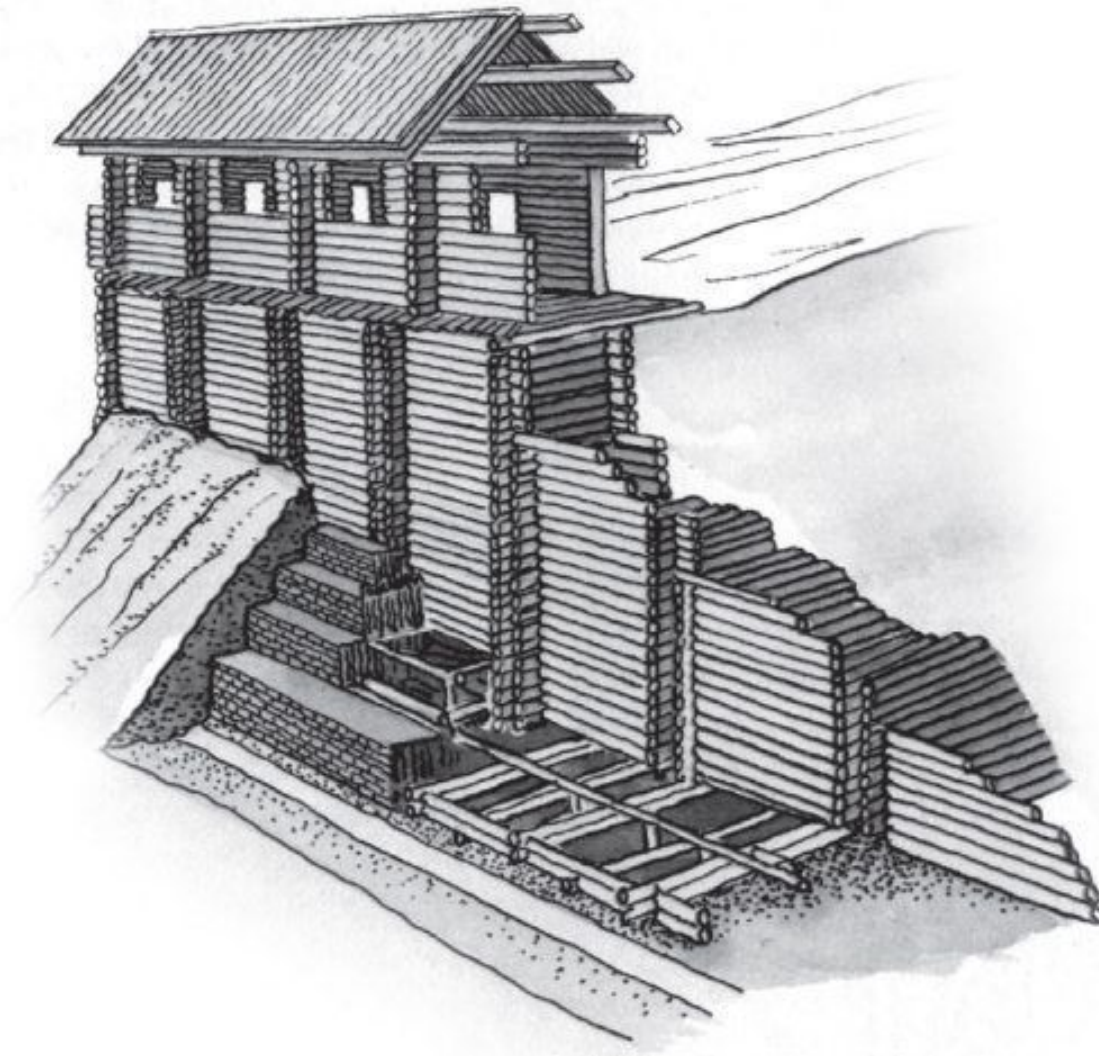
Первые князья, как это видно из преданий, не привязаны еще к той или другой части населения, к тому или другому месту: Олег перенес столицу в Киев; Святослав подумывал водвориться еще южнее, в Переяславце-на-Дунае. Связаны первые князья неразрывными узами лишь с дружиною – в ней вся сила их, без нее ни лихого похода нельзя предпринять, ни оборониться от нападений хищников, нельзя даже и дани собрать с некоторых данников своих и сдержать в своей воле покоренные, но непокорные племена – словом, князь без дружины шагу ступить не может, без нее он – что голова без тела, да и она без князя – что тело без головы. С дружиною князь совещается, с нею делит боевые труды и добычу, старшим дружинникам (боярам) дает в управление города и области. Предприимчив князь да удачлив – нет недостатка и в лихих удалцах, готовых служить в его дружине, идут в нее из народа сильные да удалые люди. Задумал князь большой поход, который сулит богатую добычу, но мало ему дружины – стоит только клич кликнуть, из населения найдется всегда множество охотников до боевой потехи, до богатой добычи, до пиров веселых – и вот у князя собирается, кроме постоянной дружины, и временное войско. Вот почему Олег, Игорь и Святослав могли предпринимать большие походы на богатый юг. Но мало-помалу начинают князья сознавать, что и у себя дома дела довольно: то в одном месте поднимается мятеж от беспорядочного сбора дани, сравнивают алчного сборщика с хищным волком; то в другом месте население сетует и корит своего князя за то, что он чужие земли воюет, а своей не блюдет. Приходится князьям подумать о порядке в стране, о том «наряде», для которого, по преданию, и призваны были они; необходимо заняться устройством земли, охраною ее от врагов-хищников. Своя же личная выгода побуждает князей оборонять своих подданных от разорения. И вот князья мало-помалу из непоседливых воителей, ублажающих свою дружину славой и добычей, должны обратиться в устроителей земли своей, в охранителей ее. Для обороны страны и для управления ею строятся новые города, куда князья сажают наместниками своих бояр с отрядами дружины.

Хотя при первых князьях сословия не обозначались еще резко, но все-таки видно, что князья, мужи, бояре и дружинники, занимают первое место, затем идут свободные люди, низший разряд которых составляли смерды. Наконец были еще рабы, пленные, захваченные на войне. Почти непрерывная борьба с хищными кочевниками доставляла рабов, вероятно, очень много, так что русские торговали ими.

Около городов собирается все больше и больше населения, усиливаются разные промыслы и торговля. В городе живет князь или княжий боярин с дружиною. Война дает дружинникам богатую добычу, князья делятся с ними и данью. Есть чем платить, тут был бы только товар пригодный, а покупатель найдется. Нужны дружинникам и жилища хорошие, и одежда красивая, и обувь, и оружие: немало работы разным пригородным ремесленникам: плотникам,

скорнякам, кузнецам, оружейникам и др. Находятся и люди, которые тем промышляют, что в одном месте купят какие-нибудь вещи, а в другом продадут их с выгодой для себя, с большим барышом. Где явятся такие купцы, или гости, как их называли в старину, там усиливается сбыт изделий, разные промыслы и ремесла идут лучше.

Крепостная стена русского города X в. Реконструкция

Князь и дружинники в старину, между прочим, и сами часто торговали. С наступлением зимы они выходили за сбором дани (на полюдье), весной возвращались в Киев и привозили с собою множество мехов, воску и меду; избыток всего этого отправляли в Византию, туда же посылали они на продажу и рабов. На севере, где было вдоволь лесу и между жителями было много плотников, за зиму заготавливалось множество лодок. С наступлением весны их сплавляли по Днепру к Киеву. Здесь их отделявали, снастили, грузили товарами и отправляли в Византию. Новгород и Киев, расположенные на водном пути с севера в Византию, все больше и больше богатели благодаря торговле. Из Греции привозили тонкие ткани (паволоки), вина, различные южные плоды, золото. Ездили русские купцы и на Восток для торговли в землю хазар, обыкновенно тоже водным путем: по Черному морю плыли в Азовское море, затем в устье Дона, поднимались вверх по этой реке до хазарской крепости Саркела (Белой Вежи), перетаскивали отсюда свои ладьи волоком до Волги и спускались по течению ее в Итиль, сто-

лицу хазар. Главным товаром, который сбывался здесь, были дорогие меха. С Востока же к русским шли драгоценные камни, золотые и серебряные изделия; цепочки, ожерелья, кольца, серебряные украшения для одежды, для конской сбруи, разные материи и пр. С Востока же, из Греции, попадали к русским золотые и серебряные монеты. Они очень ценились и наравне с другими украшениями переходили из рода в род, закапывались с покойниками, по старому обычаю, в могилы.

Предки наши, верившие, что и за пределами гроба продолжается жизнь, погребая покойника, словно снаряжали живого человека в путь: клали в могилу все вещи, которые особенно любил умерший, некоторые драгоценности его, ставили ему даже питье и яства в сосудах. Вот почему в древних могилах иногда много драгоценностей. В землю же наши предки скрывали обыкновенно свои сокровища – другого лучшего способа хранить их они не знали. Отлучаясь на торг или на войну, зажиточный человек тем временем зарывал тайком где-нибудь недалеко от жилья свои деньги и другие драгоценности, клал на это место камень, или сажал дерево, или как-нибудь иначе по разным приметам запоминал место, чтобы, вернувшись, найти свое достояние. Нередко случалось, что обладатель клада умирал или погибал на чужбине, не сказав о нем, и тогда целые века земля хранила скрытые драгоценности, и они попадали в руки ученых-исследователей или каких-нибудь счастливых, случайно открывших их. По древним торговым путям много находили на Руси таких кладов. Иные из них весили по несколько пудов, заключая в себе тысячи монет; особенно много найдено арабских денег IX–X вв. по восточному торговому пути. Это доказывает, что уже при начале государственной жизни и даже раньше у предков наших шла деятельная торговля с Востоком. По южному торговому пути, то есть по Днепру, найдено немало византийских, римских и других денег, начиная от первых веков христианства и до X в. Все это свидетельствует о древних торговых сношениях с Византией.

Кроме того, вели торговлю и с соседними народами, с болгарами, жившими по Волге и Каме, и финскими племенами. Торговля на севере с полудикими народами шла больше меновая. Вот что говорят о подобной торговле болгар с всеью (одним из финских племен). Приезжают болгарские купцы в определенное место, оставляют там свои товары, а сами удаляются. Туземцы приходят, раскладывают свои вещи рядом с болгарскими. Болгары через некоторое время возвращаются и, если находят, что мена для них выгодна, берут с собою туземные товары, а свои оставляют. Если же им кажется, что финны мало предлагают в обмен, то удаляются опять, не тронув товаров. Это значило, что желают прибавки. Финны надбавляли своего товара и таким образом удовлетворяли болгар. Такую торговлю арабы называли «немою». Вероятно, русские таким же способом, как болгары, производили обмен с полудикими финскими племенами, жившими на далеком севере.

Разные промыслы и занятия вели к тому, что люди стали больше различаться, чем прежде, и по занятиям, и по состоянию. Те занятия, где нужно было больше силы, ловкости и смелости, давали и больше значения людям. Война и охота были главным делом дружинников. Когда князя затевали большой поход, то одной дружины было мало, и они набирали воев. В войско шли из народа крепкие и смелые люди, «мужи», как их называли в старину, а те, что были слабее и мало годились для войны, «мужики» (уменьшительное имя от «муж»), те оставались дома и занимались мирными промыслами: земледелием, пчеловодством, скотоводством и разными ремеслами.

Война и торговля обогащали некоторых. Богатые люди, дружинники и купцы стали больше отличаться от бедных, чем прежде. Жилье начали себе строить, конечно, лучше, просторнее и удобнее, одежду делать богаче, носить дорогие украшения, пищу употреблять более изысканную. Торговля доставляла русским разные плоды, тонкие ткани, серебряные и золотые украшения, разные драгоценности. Все это шло на потребу более богатых людей. Особенно женщины любили рядиться; в большом ходу были серьги, браслеты, ожерелья (особенно

любили женщины носить зеленые бусы на шее). При раскопках древних могил много найдено этих вещей.

Принятие христианства и распространение его на Руси

Владимир–язычник

При жизни своей Святослав разделил Русскую землю на три части, или уделы, и раздал их своим сыновьям. Ярополк, как старший, получил Киевскую область и звание великого князя; Олег – землю Древлянскую, а Владимир – Новгородскую. Недолго братья ладили между собою. Случилось раз, что Олег Древлянский на охоте убил Люта, сына престарелого Свенельда, главного советника Ярополка. Озлобленный отец стал подбивать своего князя к войне: «Пойди на брата твоего Олега и отними у него волость».

Тот послушался, начал войну с братом и победил его. Олег во время битвы погиб: он упал в ров с моста, на котором теснились его бегущие воины. Тело его потом едва могли найти под грудой мертвых. Горько плакал Ярополк: он вовсе не хотел смерти своего брата. Узнал о печальном событии младший из братьев – Владимир, князь новгородский, и поспешил с дядею Добрынею, руководителем своим, к варягам, чтобы набрать там войско и отомстить старшему брату за смерть Олега, как требовал обычай. Ярополк присоединил Новгород к своим владениям; но Владимир скоро вернулся из-за моря с хорошою ратью, занял снова свой удел, завоевал Полоцк, умертвил князя полоцкого Рогвольда и двух сыновей его, женился на дочери его Рогнеде, невесте Ярополка, против ее воли; затем двинулся на Киев. У Ярополка войска было немного, но он сначала оборонялся, а потом, по совету своего вероломного боярина, сдался на милость брата. По приказу Владимира два варяжских воина поразили мечами Ярополка в то время, когда тот шел к нему мириться.

Снова соединилась вся Русская земля в руках одного князя. Немало пришлось Владимиру вести войн с соседями: воевал он с поляками и отнял у них несколько городов (часть нынешней Галиции), два раза ходил на вятичей, которые пробовали освободиться от дани, и усмирил их; овладел землею хищного племени ятвягов, западных соседей Русской земли, живших по верховьям Немана; ходил и на волжских болгар и победил их.

Удачны были походы эти, и всякий раз Владимир возвращался в Киев с большой добычей. Было чем поделиться с удалой дружиной! Начинались тут пиры и веселья: раздавались веселые песни, гудела музыка: крепкие меды туманили головы удалых дружинников; турий рог наполнялся вином заморским и обходил ряды пирующих. Обильны были пиры Владимира и яствами и питьями. Случилось раз, говорит летописец, захмелевшие дружинники стали корить князя: «Горе головам нашим! – дают нам есть ложками деревянными, а не серебряными».

Услышал это князь и велел исковать им серебряные ложки. «Серебром и золотом не найду я храброй дружины, – сказал он, – ас удалою дружиной найду серебро и золото».

Понимал Владимир, что без храброй и сильной дружины и власти бы у него было немного: у соседей добычи ему не промыслить бы, да и с народа своего не собрать бы дани. Понимал все это князь и высоко ценил дружину, жил с нею душа в душу.

Ласковый к дружине, склонный к веселым пирам и разгулу, Владимир был сначала плохим семьянином: он был многоженец. Тогда было в обычае держать по нескольку жен; у Владимира же их было несколько сот. Вот что говорит предание об одной из жен его, Рогнеде. Жила она с маленьким сыном Изяславом близ Киева, в своем тереме. Давно уже Владимир не видался с нею, и она горевала, что он позабыл ее для других. Раз, возвращаясь с охоты, он случайно заехал к ней. Задумала она из ревности убить его. Когда он уснул, она взяла нож и хотела уже поразить его; но он внезапно проснулся и успел схватить ее за руку.

– Полюбила я тебя, – сказала Рогнеда, – хоть ты убил и отца моего, и мать, и братьев; но теперь ты охладел и ко мне, и к младенцу моему.

Владимир решился сам казнить Рогнеду за преступный замысел. Он велел ей одеться в княжеское платье, как была она одета в день свадьбы, сесть на богато убранном ложе и ждать его. Вошел он с мечом, но вдруг явился маленький Изяслав и сказал: «Отец, ты не один здесь!» (Так сделать научила его мать.) Владимир не решился при сыне убить мать; он велел позвать своих бояр, рассказал им все как было и просил у них совета. Бояре посоветовали ему пощадить мать ради сына; Владимир послушался их и даже дал Изяславу с матерью Полоцкую область во владение.

Владимир был сначала очень ревностным язычником: с первых лет своего княжения стал он ставить в Киеве на видных местах, на холмах, кумиров, или идолов (т. е. изображение языческих божеств). Идол главного бога Перуна был сделан из дерева, голова серебряная, а усы золотые. Поставили также кумиры Дажьбога, Стрибога и других. Перед этими идолами совершались языческие обряды, жертвоприношения; приносили иногда в жертву даже людей.

Князь Владимир I Святославич

Вот какой случай рассказывает наш летописец. После удачного похода на ятвягов старцы и бояре сказали:

– Бросим жеребей на юношей и девиц; на кого падет он, того и принесем в жертву богам.

Жребий пал на сына одного варяга, христианина, жившего в Киеве. Посланы были люди взять обреченного на жертву отрока. Отец его стал противиться.

– Ваши боги – дерево, – говорил он, – сегодня стоят, а завтра сгниют; они не едят, не пьют; они сделаны руками людей. Есть единый истинный Бог, которого почитают греки, который сотворил землю и звезды, луну и солнце; Он сотворил и человека. Ваши же боги что сотворили? Они сами деланные! Не дам сына своего бесам!

Народ рассвирепел, толпами, с оружием в руках, ринулся на двор варяга, разметал забор. Несчастный отец стоял на крыльце своего дома и заслонял сына.

– Отдай сына твоего в жертву богам! – кричал ему народ.

– Если они боги, то пусть пошлют одного из среды своей, пусть он возьмет у меня сына моего, а вы зачем требуете?

Язычники в ярости с дикими криками бросились на жилище несчастного варяга, подрубали сени, на которых стоял отец с сыном, и оба они погибли.

Это были первые и последние мученики-христиане в Киеве (Федор и Иоанн).

Сказание об испытании вер

Видеть такие случаи и слышать такие речи приходилось Владимиру, вероятно, не раз. В Киеве жило много христиан, было немало их и в дружине. Владимир при его уме легко мог задуматься о том, где же истина, – в том ли язычестве, которому он сначала ревностно служил, или в христианстве.

Нетрудно было умному князю почувствовать высоту христианского учения сравнительно с грубым язычеством, – и стал он колебаться в своей вере. Об этом, конечно, проводали и в соседних странах. В Киеве, как в торговом городе, сходились купцы со всех сторон; они разносили молву по своим землям обо всем, что видели и слышали. Стали пытаться соседние народы обратить Владимира в свою веру: каждому из них хотелось сделать такого сильного князя своим единоверцем. Вот как передает наш летописец сказание об этом. В 986 г. пришли из земли болгар магометане к Владимиру и сказали ему:

– Ты – князь мудрый, а истинной веры не знаешь. Прими нашу веру и поклонись Магомету.

– Какая же ваша вера? – спросил Владимир.

– Веруем мы в единого Бога, – отвечали болгары, – а Магомет заповедует нам свинины не есть, вина не пить.

Затем рассказали о рае, где люди, исполнявшие закон Магометов, будут вечно наслаждаться. Рассказ о будущей жизни пришелся Владимиру по душе, но запрет есть свинину и особенно пить вино совсем не понравился.

– Руси веселье есть питье, не можем без него быть! – сказал он.

Затем явились к Владимиру немцы, послы от папы (римского патриарха). Владимир выслушал их и отпустил ни с чем.

– Отцы наши не принимали вашего закона, – сухо сказал он им.

Приходили и евреи из земли Хазарской.

– Слышали мы, – сказали они, – что были у тебя послы от магометан и христиан и проповедовали каждый свою веру. Христиане верят в того, кого мы распяли; мы же верим в единого Бога – Бога Авраама, Исаака и Иакова.

– В чем состоит закон ваш? – спросил Владимир.

– Свинины не есть и субботу чтить, – сказали евреи.

– Где же ваша земля? – спросил князь.

– В Иерусалиме, – отвечали они.

– Там ли? – переспросил Владимир.

– Бог разгневался на отцов наших, зазнались евреи, и рассеял нас за грехи наши по разным странам, а землю нашу отдал во власть христиан.

– Как же вы других учите, – сказал Владимир, – когда сами отвергнуты Богом и расточены по разным странам за грехи ваши? Если бы Бог любил вас и веру вашу, то не рассеял бы вас по чужим землям. Хотите ли, чтобы и с нами было то же?

Прислали к Владимиру и греки человека красноречивого и ученого (философа). Стал он говорить Владимиру о заблуждениях магометан, об ошибках западных христиан, подчиненных папе. Владимир с любопытством слушал красноречивого грека.

– Приходили ко мне евреи, – сказал он, – и говорили, что в того, кого они распяли, немцы и греки веруют, как в Бога. Правда ли это?

– Если хочешь послушать, – сказал философ, – я расскажу тебе все сначала, ради чего сошел Бог с неба на землю.

– Рад послушать, – сказал Владимир.

И начал греческий проповедник рассказывать о том, как Бог сотворил весь мир и первых людей, как блаженствовали они в раю, как нарушили заповеди и лишились рая, как люди потом погрязли в грехах и наказаны были Всемирным потопом. Рассказывал дальше проповедник об истории евреев, пребывании их в Египте, о том, как Моисей вывел их оттуда, как стали управлять евреями цари, как народ стал забывать заповеди Божий, как Бог посылал пророков, чтобы образумить заблуждающихся и предсказать рождение Спасителя.

Внимательно слушал Владимир чудный рассказ проповедника.

– Сбылось ли то, что предсказали пророки, или теперь сбудется? – спросил он.

И рассказал проповедник о рождении Христа, об учении Его, чудесах, страдании, смерти, воскресении и вознесении на небо; объяснил, ради чего пострадал Христос, какую жизнь заповедал христианам.

– Настанет день, – сказал проповедник в заключение, – когда Бог, сойдя с неба, будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его: праведным даст царство небесное, красоту неизреченную, радость без конца и жизнь вечную; грешникам – мучения бесконечные. Такие же мучения будут и тем, кто не верует в Бога нашего Иисуса Христа. В огне будут мучиться те, кто не крестится.

При этом проповедник показал Владимиру картину Страшного суда Господня, указал праведников на правой стороне, которые с радостью шли в рай, и грешников на левой стороне, идущих в муку. И рассказ проповедника, и картины сильно подействовали на князя. Вдохнул он и сказал:

– Добро этим, что на правой стороне, и горе тем, что на левой!

– Если хочешь стоять с праведниками на правой стороне, – сказал проповедник, – то крестись.

– Подожду еще немного, – сказал Владимир после раздумий.

Хотелось ему разузнать хорошенько о всех верах. Щедро одарив красноречивого проповедника, князь с великим почетом отпустил его от себя.

Созвал после этого Владимир бояр своих и городских старцев и сказал им:

– Приходили ко мне болгары, предлагали принять их веру; потом были немцы, и те хвалили свой закон; после них пришли евреи. Наконец, приходил ко мне посол от греков. Он порицает все законы, а свой хвалит. Много говорил он о начале мира. Чудны эти рассказы; всякому любо слушать их. Сказывал, что и другой свет есть; кто вступит в греческую веру, тот, говорит, если и умрет, то снова воскреснет и не умрет уже вовеки, а кто другую веру примет – гореть тому на том свете в вечном огне. Что вы мне посоветуете? Что скажете?

– Сам знаешь, князь, – сказали бояре и старцы, – всякий свое хвалит, а не хулит. У тебя есть мужи; пошли их разведать, как служат Богу разные народы.

Совет этот понравился Владимиру; выбрал он десять лучших и смысленных мужей и послал их к болгарам, немцам, грекам разведать, как у них совершается церковная служба.

Послы эти побывали у болгар и у немцев; не понравилось им богослужение этих народов. Наконец прибыли послы в Царьград. Узнал царь, с какою целью явились они, принял их с большой честью и послал сказать патриарху, чтобы он совершил богослужение как можно торжественнее для русских, «да видят славу Бога нашего».

Повели княжеских послов в церковь. Храм сиял огнями. Блистали на иконах золотые ризы и драгоценные камни. Шла торжественная архиерейская служба. Раздавалось прекрасное пение певчих. Благовониями курились кадильницы. Русские послы были поставлены на удобном месте, так что могли видеть всю службу. Ничего подобного они никогда не видывали!.. Они были поражены великолепием и торжественностью службы. На прощание их богато одарили и с большой честью проводили.

Когда вернулись они в Киев, созвал Владимир снова бояр своих и старцев и сказал:

– Вот пришли посланные нами мужи: послушаем, что скажут они.

– Ходили мы, – рассказывали послы, – к болгарам, смотрели, как они молятся в своих храмах (в мечетях): стоят они без пояса; поклонившись, сядут и глядят и туда и сюда, словно бешеные. Нет красоты в служенье их; нехорош их закон. Ходили мы и к немцам, были у них в храмах, – красоты никакой не нашли. Когда же пришли мы к грекам и когда ввели нас во храм, где служат Богу своему, мы не знали, на небе ли мы были или на земле. Нет на земле такого вида и такой красоты, и рассказать о ней мы не умеем: знаем только то, что там Бог пребывает с людьми и служба их лучше всех стран. Мы не можем забыть той красоты: всякий человек, вкусивши сладкого, не захочет после вкушать горького, так и мы не хотим здесь быть.

– Если бы худ был закон греческий, – сказали Владимиру бояре, созванные на совет, – то не приняла бы его бабка твоя Ольга, мудрейшая из всех людей.

– Где же мы примем крещение? – спросил Владимир.

– Где тебе угодно, – отвечали бояре.

Крещение Владимира, киевлян и новгородцев

Не хотелось русскому князю просить у греков крещения, как милости, да, кроме того, у него были, видно, какие-нибудь счеты с греками. Он выступил с войском на Корсунь, богатый греческий город на Таврическом полуострове. Корсунцы затворились в городе и крепко отбивались. Владимир послал сказать им, что, если они не сдадутся, он будет хоть три года стоять под городом. Угроза эта не помогла. Князь приказал у стен города сделать земляную насыпь: с высоты удобнее было поражать стрелами и камнями осажденных. Но они прорыли под стеною подземный ход и ночью тайком унесли к себе в город землю, что насыпали русские за день. Долго бы пришлось Владимиру простоять под Корсунем, да нашелся в городе доброхот русским. Он пустил в их стан стрелу, на которой было написано князю: «За тобою, с восточной стороны находятся колодцы; от них вода идет по трубе в городу, перекопай ее и перейми воду». Владимир, узнав об этом, сказал:

– Если это сбудется и Корсунь сдастся, я крещусь.

Он велел в указанном месте перекопать водопровод; корсунцы остались без воды, и жажда заставила их сдаться. Владимир вошел с дружиною в город и послал сказать греческим императорам:

– Взял я славный ваш город; я слышал, что у вас есть сестра-девица. Если не отдадите ее за меня, то и с вашей столицей будет то же, что с Корсунем.

Опечалились императоры и послали сказать, что нет обычая у христиан выдавать родственниц своих за язычников.

– Если крестишься, – прибавили они, – то и сестру нашу получишь, а также и царство небесное, и с нами будешь единоверник.

Владимир отвечал на это царским посланцам:

– Скажите царям, что я хочу креститься; я уже прежде испытал ваш закон: любя мне ваша вера.

Затем он послал сказать императорам:

– Пусть те священники, которые придут с вашею сестрою, крестят меня.

Немалого труда стоило царям уговорить сестру свою Анну выйти за русского князя.

– Иду точно в полон, – говорила она, – лучше бы здесь мне умереть.

Братья убедили ее тем, что она будет содействовать обращению всей Русской земли к истинному Богу, а Греческую землю избавит от лютой рати.

– Видишь, – прибавили они, – сколько зла наделала Русь грекам? И теперь, если не пойдешь, будет то же.

Анна с большою печалью простилась с роднею своею, села на корабль с несколькими священниками и отплыла в Корсунь. Здесь она была торжественно встречена. В это время, говорит предание, у Владимира разболелись глаза; он не мог ничего видеть и сильно тужил. Царевна сказала ему:

– Если хочешь исцелиться от болезни, то крестись поскорее.

Епископ Корсунский с теми священниками, что прибыли с царвеною, крестил Владимира, и когда возложил на него руки, он вдруг прозрел. Удивился князь такому чуду и воскликнул: «Теперь только я узнал истинного Бога!»

Многие из дружины его, видя это, крестились. Затем совершенно было бракосочетание.

Владимир отдал Корсунь грекам «в вено за жену свою», как говорит летописец. Затем он взял отсюда священников, мощи двух святых (Климента и Фива), церковные сосуды, иконы, кресты и вернулся в Киев. Здесь прежде всего крестил он своих сыновей и близких людей; затем велел уничтожить кумиры: некоторые изрубить, другие сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и стащить с горы в реку. В то время, когда волокли кумира, несколько

человек били его прутьями для большего поругания язычества. Многие язычники горько плакали, видя это. Идол был брошен в Днепр; до самых порогов шли по берегу по приказанию Владимира люди и смотрели, чтобы кумир не пристал где-нибудь. В то время как он, колыхаясь, плыл по течению, некоторые язычники бежали по берегу и кричали: «Выдыбай, Перуне!» (т. е. выплывай).

Многие киевляне сами с радостью крестились; были и такие, что колебались и выжидали; довольно было и ревностных язычников, которые крепко держались за старую веру. Видя это, Владимир послал по всему городу оповестить, чтобы на другой день все некрещенные шли к реке.

– Кто не придет к реке, – возвещали вестники, – богатый или бедный, работник или нищий, тот будет считаться противником князю.

Призыв этот заставил решиться и тех, кто еще раздумывал и колебался, побудил и многих закоренелых язычников страха ради исполнить приказание князя. Некоторые, по словам летописца, утешали себя мыслью, что, не будь крещение делом благим, не приняли бы его князь и бояре.

На другой день пришел Владимир с митрополитом, с корсунскими священниками на Днепр. Множество народа сошлось сюда. Все вошли в воду. Одни стояли в воде по шею, другие по грудь, малые дети стояли у берега, взрослые держали на руках младенцев. На берегу было немало крещеных раньше. Священники читали молитвы. Рад был Владимир, что познал истинного Бога и сам, и народ его. Поднял взоры он к небу и молился:

– Боже, сотворивший небо и землю! Призри на новыя люди сия, и подаждь им, Господи, увести Тебя, истинного Бога, яко же уведеша страны христианския; утверди и веру в них праву и несовратну.

Так рассказывает наш летописец о крещении киевлян. Свершилось это великое событие в 988 г.

Тотчас после крещения Владимир велит строить церкви на тех местах, где прежде находились кумиры. На холме, где стоял идол Перуна, воздвигли церковь во имя Св. Василия (Владимир во святом крещении назван был Василием).

Есть известие, что первый митрополит Михаил, прибывший вместе с Владимиром из Корсуни, ходил с епископами, присланными из Царьграда, и с Добрынею, дядею Владимира, на север от Киева и повсюду на пути крестил народ. Язычество держалось на севере крепче, чем на юге, и немало понадобилось труда, чтобы обратить суровых язычников в христианство.

Всполошились новгородцы, когда проведали, что Добрыня идет крестить их, – собрали вече, поклялись не пускать его в город и не давать кумиров на поругание. Когда же он пришел, новгородцы разобрали наскоро мост, ведущий через Волхов в самый город, и взялись за оружие. Попробовал Добрыня уговаривать их, – они и слушать ничего не хотели, вывели пороки (камнеметательные машины) против дружины его. Епископ со священниками остановились на Торговой стороне. Ходили они по рынкам и улицам, учили людей сколько могли, в два дня успели окрестить несколько сот человек. На другой же стороне один из старшин новгородских, Угоняй, ездил на коне среди народа и кричал:

– Лучше умереть нам, чем дать богов наших на поругание!

Разъяренный народ кинулся на дом Добрыни, разорил, разграбил его имение, убил жену и некоторых родичей. Тогда Путята, воевода Владимира, с небольшим отрядом надежных воинов ночью тайком переправился через Волхов, немного выше города, напал на двор Угоняя, схватил его и еще нескольких главных коноводов и отправил их к Добрыне за реку. Узнал об этом народ; сбежалось несколько тысяч людей. Окружили они маленький отряд Путяты, и началась злая сеча; но на рассвете подоспел на помощь ему Добрыня с людьми своими и велел для острастки мятежникам зажечь некоторые дома на берегу. Новгородцы испугались и запросили пощады... Добрыня приказал уничтожить идолы: деревянные сжечь, а каменные

разбивать и бросать в реку. Многие язычники с воплями и слезами умоляли не трогать их богов; но Добрыня с насмешкой сказал им:

– Нечего вам жалеть о тех, которые сами не могут оборонить себя! Какой пользы вы можете ждать от них?

Он приказал всем креститься: многих удалось уговорить, и они шли по своей воле; но были и такие, которых воины тащили силою. О новгородцах сложилась поговорка, что их «Путята крестил мечом, а Добрыня огнем».

Есть известие, что сам великий князь ходил в 992 г. с епископами на юго-запад, распространял христианскую веру в земле Червенской, крестил людей, построил здесь город и назвал его по своему имени Владимиром. Если в Новгороде, в большом городе, где уже немало жило христиан, крепко держалось язычество, то в других, более глухих местах оно было еще упорнее. Много времени протекло прежде, чем Христова вера озарила всю Русь. Да и большею частью те, кто принял новую веру, сначала не понимали ее как следует. Проповедников, которые могли объяснять Св. Писание, было очень мало. Корсунские священники, прибывшие в Киев с великим князем, были греки, – им пришлось еще учиться славянскому языку. Если и были на Руси священнослужители из дунайских болгар, то, конечно, не в большом числе. Понял Владимир, что без своих духовных лиц, способных говорить доступным для народа языком, не обойтись, и приказал брать детей у лучших людей и отдавать их в книжное учение. Матери плакали о них, говорил летописец, как о мертвых, потому что еще не утвердились верою. Детей раздавали учиться по церквам священникам и церковным причетникам.

Сначала все необходимые для церкви книги шли к нам из Болгарии.

Первоучители славян – святые Кирилл и Мефодий

За сто с лишком лет до крещения Руси, почти в одно время с основанием Русского государства, совершилось великое дело в истории церкви – впервые раздалось в храмах слово Божие на славянском языке.

В городе Солуни, в Македонии, населенной по большей части славянами, жил знатный сановник-грек по имени Лев. Из семерых сыновей его двоим, Мефодию и Константину (в монашестве Кирилл), на долю выпало совершить великий подвиг на пользу славян. Младший из братьев, Константин, уже с детства поражал всех блестящими способностями и страстью к учению. Он получил хорошее домашнее воспитание, а затем в Византии закончил свое образование под руководством лучших учителей. Тут страсть в наукам развилась в нем с полной силой, и он усвоил всю доступную ему книжную мудрость... Слава, почести, богатства – всякие мирские блага ждали даровитого юношу, но он не поддался никаким искушениям – всем соблазнам мира предпочел скромное звание священника и должность библиотекаря при церкви Св. Софии, где мог продолжать свои любимые занятия – изучать священные книги, вникать в дух их. Его глубокие знания и способности доставили ему высокое ученое звание философа.

Старший брат его, Мефодий, пошел сначала другой дорогой – поступил в военную службу и несколько лет был правителем области, населенной славянами; но мирская жизнь не удовлетворила его, и он постригся в монахи в обители на горе Олимп. Братьям не пришлось, однако, успокоиться, одному – в мирных книжных занятиях, а другому – в тихой монашеской келье. Константину не раз приходилось принимать участие в спорах по вопросам веры, защищать ее силою своего ума и знаний; затем он должен был с братом по желанию царя отправиться в землю хазар, проповедовать Христову веру и отстаивать ее против евреев и сарацин. По возвращении оттуда Мефодий крестил болгарского князя Бориса и болгар.

Кирилл и Мефодий. Икона. XVIII–XIX вв.

Вероятно, еще раньше этого задумали братья перевести для македонских славян священные и богослужебные книги на их язык, с которым могли вполне освоиться еще с детства, в родном своем городе.

Для этого Константин составил славянскую азбуку – взял все 24 греческие буквы, а так как в славянском языке звуков больше, чем в греческом, то прибавил недостающие буквы из армянского, еврейского и других азбук; некоторые же сам придумал. Всех букв в первой славянской азбуке набралось 38. Важнее изобретения азбуки был перевод главнейших священных и богослужебных книг: переводить с такого богатого словами и оборотами языка, как греческий, на язык совсем необразованных македонских славян было делом весьма трудным. При-

ходило придумывать подходящие обороты, создавать новые слова, чтобы передать новые для славян понятия... Все это требовало не только основательного знания языка, но и большого таланта.

Труд перевода не был еще кончен, когда по просьбе моравского князя Ростислава Константин и Мефодий должны были отправиться в Моравию. Там и в соседней Паннонии уже раньше начали распространять христианское учение латинские проповедники из Южной Германии, но дело шло очень туго, так как богослужение совершалось на латинском языке, вовсе непонятном народу. Западное духовенство, подчиненное римскому папе, держалось странного предрассудка: будто совершать богослужение можно только на еврейском языке, греческом и латинском, потому что надпись на Кресте Господнем была на этих трех языках; восточное же духовенство допускало слово Божие на всех языках. Вот почему моравский князь, заботясь об истинном просвещении своего народа Христовым учением, и обратился к византийскому императору Михаилу с просьбой прислать в Моравию сведущих людей, которые учили бы народ вере на понятном языке.

Император поручил это важное дело Константину и Мефодию. Они прибыли в Моравию и ревностно принялись за труд: строили церкви, начали совершать богослужение на славянском языке, заводил и учил ища. Христианство не по виду только, а по духу стало быстро распространяться среди народа. Сильную вражду возбудило это в латинском духовенстве: клеветы, доносы, жалобы – все пошло в ход, лишь бы погубить дело славянских апостолов. Они принуждены были даже ехать в Рим – оправдываться перед самим папою. Папа внимательно исследовал дело, вполне оправдал их и благословил их труды. Константин, изнуренный работой и борьбой, не поехал уже в Моравию, постригся в монахи под именем Кирилла; он скоро скончался (14 февраля 868 г.) и погребен был в Риме.

Все думы, все заботы св. Кирилла пред смертью были о его великом деле.

– Мы, брат, – говорил он Мефодию, – тянули с тобой одну борозду, и вот я падаю, кончаю дни мои. Ты слишком любишь наш родной Олимп (монастырь), но ради него, смотри, не покидай нашего служения – им ты скорей можешь спастись.

Папа возвел Мефодия в сан епископа Моравии; но там в эту пору начались тяжелые смуты и убоицы. Князь Ростислав был изгнан своим племянником Святополком.

Кириллический алфавит. XI в.

Латинское духовенство напрягло все силы против Мефодия; но несмотря на все – на клеветы, обиды и гонения, – он продолжал свое святое дело, просвещал Христовой верой славян на понятном им языке и книжным учением.

Около 871 г. он крестил Боривоя, князя Чехии, утвердил и здесь славянское богослужение.

Скончался св. Мефодий 6 апреля 885 г.

По смерти его латинскому духовенству удалось-таки вытеснить славянское богослужение из Чехии и Моравии. Ученики святых Кирилла и Мефодия были изгнаны отсюда, бежали в Болгарию и тут продолжали святой подвиг первоучителей славян – переводили с греческого языка церковные и поучительные книги, творения «отцов церкви»... Книжное богатство все росло и росло и как великое наследие досталось нашим предкам.

Церковнославянская письменность особенно процветала в Болгарии при царе Симеоне, в начале X в.: было переведено множество книг, не только необходимых для богослужения, но и сочинений разных церковных писателей и проповедников.

Сначала готовые церковные книги шли к нам из Болгарии, а потом, когда и между русскими появились грамотные люди, книги стали переписываться и у нас, а затем и переводиться. Таким образом, с христианством вместе явилась на Руси и грамотность.

Владимир–христианин

Владимир, по словам летописца, совсем переменился после крещения. Из князя жестокосердного и разгульного он стал кротким, человеколюбивым и умеренным: он не хотел даже казнить смертью разбойников; сами епископы стали убеждать его строже карать преступников.

Владимир высказывал большую охоту строить церкви и украшать их; пожелал он построить во имя Богоматери храм в Киеве, подобный Корсунскому. Семь лет трудились греческие мастера над постройкой церкви; соорудили ее на том месте, где пролита была кровь христиан-варягов. Владимир отдал в эту церковь все, что привез из Корсуна: иконы, сосуды, кресты и определил на содержание ее десятую часть доходов от всего имения и городов своих, потому и называли ее Десятинной церковью.

Склонность к войне у него после принятия христианства видимо ослабела: больших походов на соседей он уже не предпринимал; только с печенегами приходилось вести непрерывную борьбу. Владимир еще в начале своего княжения построил много городов по рекам Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне для обороны своей земли со стороны степей. Но все-таки орды печенегов, кочевавших в привольных южных степях, то и дело врываются в Русскую землю и беспощадно опустошали ее.

Вот что говорит предание об одной войне с печенегами. Русские встретились с ними на реке Трубеже. Наши стояли по одну сторону реки, печенеги – по другую; ни те ни другие не решались перейти реку. Тогда подъехал к берегу печенежский князь и предложил Владимиру кончить дело единоборством.

– Выставим – ты своего воина, а я своего, пусть сразятся, – сказал он. – Если твой одолеет моего, то мы не будем воевать три года; если же мой победит, то мы будем три года опустошать твою землю.

Послал Владимир бирючей (вестников) по войску клич кликать: «Нет ли охотника на поединок с печенегом?» Никто не отозвался. Закручинился князь...

Но вот приходит к нему один старый воин и говорит:

– Князь, вышел я на войну с четырьмя сыновьями, а есть у меня меньшей сын дома. С самого детства никто не мог его одолеть. Раз я забрал его – а мял он в ту пору воловью кожу, – осерчал он на меня и в досаде разорвал кожу руками.

Обрадовался князь, услышав о таком силаче, послал за ним и рассказал ему, в чем дело.

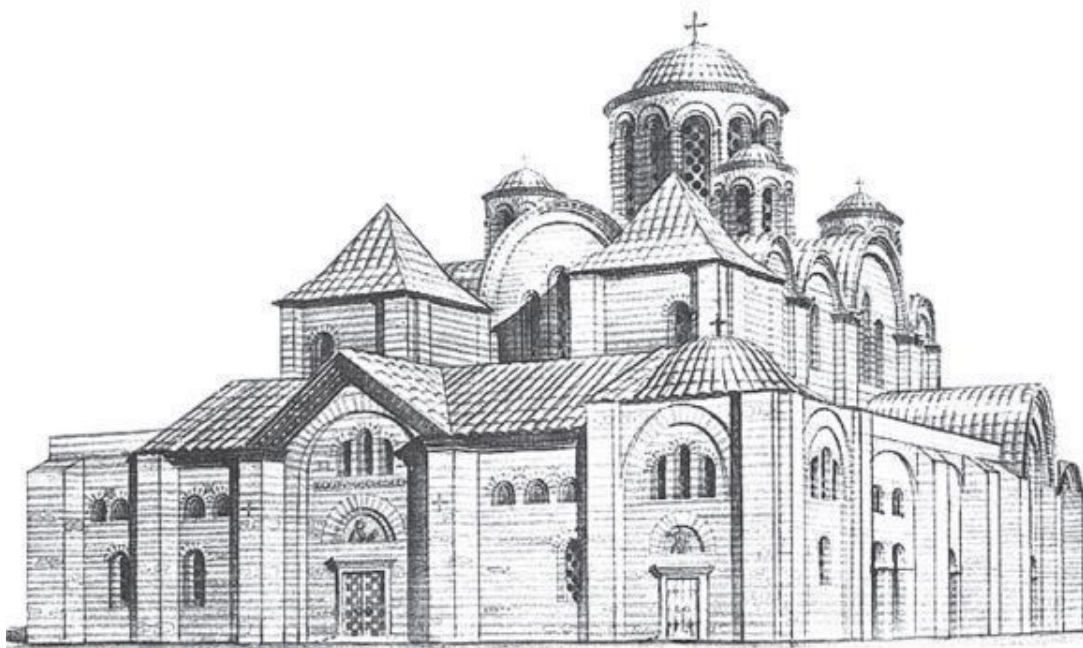
– Не знаю, – сказал тот, – смогу ли... Пусть сперва испытают мою силу. Нет ли большого и сильного быка?

Привели огромного быка. Разъярили раскаленным железом, и расвирепевшее животное помчалось в бешенстве мимо силача; тот изловчился, ухватил быка за бок и вырвал у него куски мяса с кожей, сколько захватила рука.

– Ты можешь бороться с печенегом, – сказал Владимир.

На другой день произошло единоборство. Выступили оба борца друг против друга. Печенежский богатырь был громадного роста и страшен на вид. Вышел и русский боец. Печенег-великан, завидев его, стал смеяться над его небольшим ростом. Размерили место между обоими войсками.

Началась борьба. Крепко обхватили бойцы друг друга; русский силач задавил печенега руками и ударил его мертвого оземь. Радостный крик вырвался у русских, а печенеги бежали. Русские гнались за ними, рубили их и далеко загнали их в степи. Рад был Владимир победе и тут же на месте борьбы, по преданию, заложил город и назвал его Переяславль. (Назван так город, объясняет летописец, потому, что русский боец переял славу у печенежского витязя.)

Десятинная церковь – один из главных христианских храмов Киева

Три года спустя печенеги снова напали на Русскую землю. Владимир не успел собрать много ратной силы, вышел с небольшим отрядом. Враги одолели, князь едва спасся от плена. Через два года после этого степные хищники сделали новый набег. Эти беспрестанные нападения заставили Владимира подумать об укреплении границ со стороны степей, с юга и востока. Он велел строить новые города по южным окраинам Русской земли.

Много пришлось потрудиться княжеской дружине, отражая врагов. Любил Владимир своих дружинников, всегда советовался с ними о военных делах и о мирных.

Был он щедр: ничего не жалел для них, тешил их часто веселыми пирами; не забывал при этом и меньшую братию. Слова Евангелия: «Блажен милостивый, яко тии помиловании будут» и «Продайте имения ваши и дадите нищим» – глубоко запали ему в сердце. Приказывал он всякому нищему, всякому убогому приходить на княжий двор и брать все нужное из княжеских запасов: питье, пищу; раздавались и куны (деньги). Мало того. «Немошные и больные не могут дойти до двора моего», – сказал он и велел возить по городу на телегах хлеб, мясо, рыбу, разные овощи, бочки с медом и квасом. Княжьи люди останавливались у дворов и спрашивали: «Где здесь больные и нищие, что ходить не могут?» – и щедро оделяли их всем нужным. Кроме больших праздников, каждую неделю по воскресным дням устраивались в княжеской гриднице пиры: бояре, все дружинники, старшие и младшие, и лучшие люди из горожан собирались сюда и пировали при князе и без него.

Усобицы по смерти Владимира

Владимир умер в 1015 г. Святополк, сын Ярополка, усыновленный Владимиром, узнав о его смерти, поспешил в Киев с дружиной из своего удела, Турова, и как старший в роде сел на великокняжеский престол. Но этого было ему мало, хотел он забрать всю Русскую землю в свои руки и замыслил страшное дело: истребить всех сыновей Владимира святого и завладеть их уделами.

Борис с киевскою ратью в это время возвращался с похода на печенегов. Его дружинники советовали ему овладеть Киевом и сделаться великим князем, но благочестивый князь и думать боялся поднять руку на старшего брата и даже распустил свою рать и остался с небольшою дружиной. Убийцы, подсланные Святополком, ночью подкрались к шатру Бориса, на реке Альте, и в то время, когда он молился, поразили его и несколько отроков (младших дружинников). У Смоленска убийцы настигли Глеба, погиб и он мученическою смертью. Борис и Глеб, любимые сыновья Владимира, отличались необычайной кротостью, добротой и христианским благочестием. Церковь наша признала их святыми. (Память их читится 2 мая.)

Был убит затем и Святослав Древлянский. Святополк, чтобы расположить к себе киевлян, стал очень щедро раздавать многим из них подарки: кому дарил корзна (плащи), кому куны (деньги), и роздал их многое множество.

Ярослав Новгородский еще ничего не знал ни о смерти отца, ни о том, что творится в Киеве. Незадолго пред тем собрал он в Новгороде много варяжских наемных воинов. Они бесчинствовали в городе, творили разные насилия народу и так озлобили новгородцев, что те восстали и избili их. Ярослав жестоко отомстил мятежникам – зазвал к себе под видом совещания знатнейших людей новгородских и велел их умертвить. После той кровавой расправы вдруг ночью получает он страшную весть из Киева от своей сестры:

– Отец умер, Святополк в Киеве. Он убил Бориса, послал убийц на Глеба, – берегись и ты.

Ужаснулся Ярослав: беда велика, а помощи ждать неоткуда! Созвал он на другой день вече и сказал новгородцам:

– Отец мой умер; Святополк утвердился в Киеве и губит братьев.

Новгородцы порешили помочь своему князю, несмотря на зло, какое он причинил им. И деньги, и войско готовы были дать ему, лишь бы не подчиняться киевскому князю, не платить ему тяжелой дани и не принимать к себе его посадника. Подобно отцу, воспользовался Ярослав в борьбе с братом услугами норманнских, или варяжских, воинов. Бродячие дружины варягов, привыкших с юных лет к военному делу, охотно нанимались на службу: война была для них промыслом. Испытанные бойцы, закаленные в битвах, хорошо вооруженные, они ценились высоко и получали хорошую плату.

Собрал Ярослав варяжскую дружину числом около тысячи человек да прочего войска около сорока тысяч и пошел на Святополка; тот призвал на помощь печенегов. Сошлись обе рати на Днепре, у Любеча; одна стала по эту сторону реки, другая – по ту. Ни те ни другие долго не решались переправиться и начать битву. Первые напали новгородцы. Один из воевод Святополка побудил их к этому – он разъезжал на коне по берегу взад и вперед и подзадоривал их.

– Чего вы, плотники, – кричал он, – пришли сюда с хромым князем вашим? (Ярослав был хром.) Вот погодите, мы вас заставим рубить себе хоромы!

Обозлились новгородцы.

– Завтра же переправимся и ударим на них, – решили они.

Святополк всю ночь беспечно пировал с дружиной. До рассвета тайком переехали новгородцы через Днепр, высадились на берег, а лодки оттолкнули, чтобы и не думать о бегстве...

Святополк и его войско бились храбро; но печенеги, стоявшие за озером, не успели вовремя ему помочь: новгородская рать оттеснила войско его на озеро. Тогда начались уже морозы, и озеро покрылось льдом; но он был еще тонок, не выдержал толпы людей, подломился – и множество воинов Святополка утонуло. Он бежал в Польшу, а Ярослав занял Киев.

Но Святополку помог его тесть, польский король, и Ярославу пришлось опять уйти в Новгород. Когда поляки ушли из Киевской области, Ярослав снова напал на своего противника. Упорная битва завязалась на берегах реки Альты, где был убит Борис. С восхода солнца до вечера шла злая сеча. Три раза загоралась рукопашная схватка, кровь лилась ручьями по земле. К вечеру Ярослав одолел.

Святополк бежал. Он, по словам летописца, впал в тяжкую болезнь и так ослабел, что не мог даже сидеть – несли его на носилках; укоры совести и страх обуревали его...

– Бежим, бежим, – беспрестанно вскрикивал он, – гонятся за нами!

Скоро Святополк умер в тяжких мучениях. Летописец сравнивает этого князя-братоубийцу с Каином, называет «Окаянным».

Пришлось Ярославу вести борьбу и с племянником своим Брячиславом Изяславичем, князем полоцким, который напал на Новгород, и с братом Мстиславом, который княжил в Тмутаракани (у Азовского моря).

Мстислав страха не знал и обладал богатырской силой. Вот что рассказывает летописец о нем. Пошел он раз на кософов, кавказское воинственное племя. Князь косожский Редедя – навстречу. Когда сошлись обе рати, Редедя сказал Мстиславу:

– Чем губить нам свои дружины, лучше покончим дело единоборством. Одолеешь ты – возьмешь мое имение, жену, детей моих и землю, а одолею я – возьму я у тебя все твое.

Б. А. Чориков. «Бегство Святополка». XIX в.

Редедя был богатырь громадного роста и необычайной силы и надеялся на себя. Мстислав принял вызов; решено было бороться без оружия.

Крепко схватились лихие борцы. Долго длилась борьба, оба были почти равной силы. Наконец Мстислав стал изнемогать и начал молиться:

– Пречистая Богородица, помоги мне! Если одолею, построю церковь во имя Твое.

Напряг он все свои силы, сломил Редедю и ударил его оземь; затем вынул нож и зарезал его.

С этим-то князем-богатырем пришлось бороться Ярославу: Мстислав не довольствовался одною Тмутараканскою областью, требовал от брата еще земель. Дошло дело до войны. Мстислав одолел, и Ярослав уступил ему все земли к востоку от Днепра.

В 1036 г. Мстислав умер; тогда вся Русская земля соединилась в руках Ярослава.

Княжение Ярослава

Хотя Ярослав не охотник был до войны, но без нее дело не обошлось, – печенеги продолжали свои опустошительные набеги. Ярославу удалось наконец нанести им сильное поражение под самым Киевом. Ходил он и на север – на чудь, и на запад – на ятвягов, и на литву, – вернул от Польши червенские города (Галицию), захваченные раньше королем Болеславом.

При Ярославе в последний раз предпринимали русские поход на Византию. Со времени крещения сношения с греками были дружелюбны, но в 1043 г. в Константинополе случилась ссора из-за чего-то между греческими и русскими купцами. Дело кончилось тем, что один из знатных русских гостей (купцов) был убит. Отсюда возникло недовольство между обоими правительствами и привело к войне. Огромную русскую рать и наемных варягов повел на Византию старший сын Ярослава, Владимир; но поход кончился неудачно: русские ладьи были истреблены частью греческим огнем, частью бурей.

Чтобы укрепить сильные границы своего государства, Ярослав построил несколько новых городов: на севере, в земле финского племени, неподалеку от озера Чудского, основан был город Юрьев (христианское имя Ярослава было Юрий); на Волге – Ярославль; по южной границе, на реке Роси, было тоже построено несколько городов. Киев обведен хорошою каменною стеною. Главные городские ворота названы были Золотыми.

Ярослав очень любил строить; он украсил Киев новыми церквами. Особенным величием поражал современников Софийский собор. Заложен был он в память победы, одержанной над печенегами, на месте самой битвы. Здание сооружалось греческими мастерами. Князь не жалел издержки: храм был украшен роскошной мозаикой (мусией, как говорили в старину), стены были расписаны живописью; иконы византийского письма блистали в богатых серебряных и золотых ризах.

Стенная живопись (фрески), над которою трудились греческие живописцы, уцелевшая местами и до сих пор, представляет много любопытного. Тут находим изображения охоты, всадников, стрелков, князя в торжественной одежде, оруженосцев, даже музыкантов, плясунов и скоморохов.

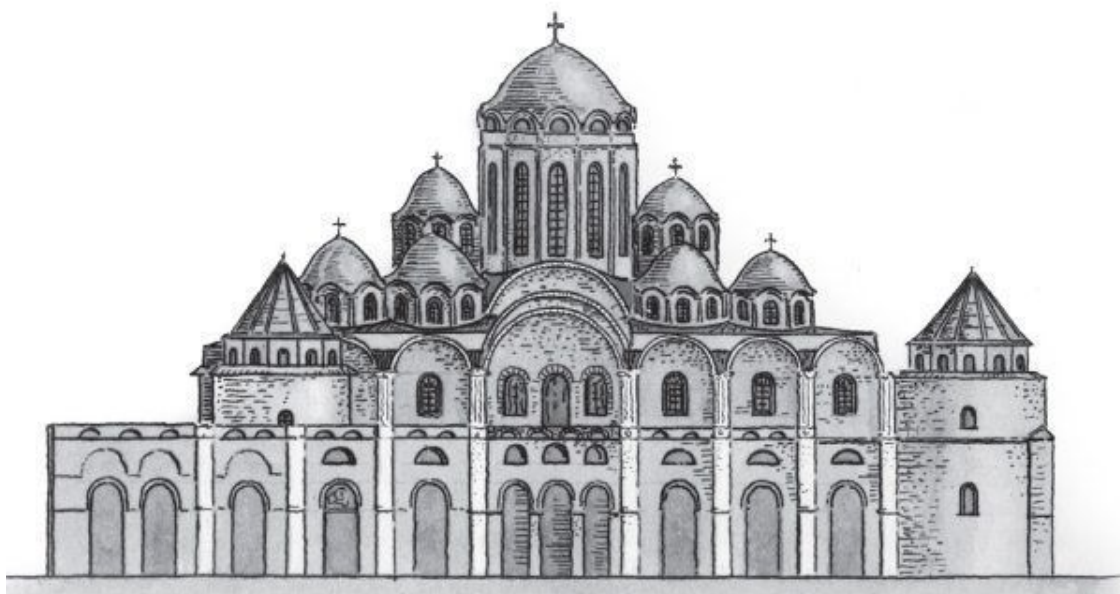
Небольшие искусники были тогда греческие живописцы, но рисунки их любопытны для нас особенно тем, что представляют картины из русской жизни и дают понятие об одежде и некоторых обычаях XI в.

Ярослав построил также монастырь Св. Георгия в честь своего ангела, монастырь Св. Ирины, возобновил Десятинную церковь, построенную при Владимире святом. Главные храмы Киева строились большей частью в подражание царьградским и носили их имена (Св. Софии, Св. Ирины). Много церквей сооружалось так же, как и в Царь-граде, в честь Богородицы. По примеру Киева возникали и в других главных русских городах соборные храмы, или софийские, или богородичные (Рождественские и Успенские). В Новгороде сын Ярослава Владимир заложил новый Софийский собор в 1045 г.

С постройкой храмов появляется на Руси не только зодчество, но и живопись.

Мало-помалу русские должны были перенимать эти искусства у приезжих греческих мастеров, которых призывал князь, не жалея издержек на украшение храмов и благолепие церковной службы. Из Греции были вызваны в Киев и певчие, у которых русские переняли церковные напевы и научились согласному пению.

По примеру византийских императоров Ярослав, а раньше и Владимир святой давали известную часть из княжеских доходов на содержание храмов и их причта, наделяли их землями и разными угодьями. Кроме того, епископы занимались судопроизводством (по церковным и семейным делам), и судебные пошлины шли в пользу их церкви.

Софийский собор. Реконструкция вида здания в XII в.

Много строилось новых церквей – много нужно было и грамотных людей для церковного притча; нужны были и книги богослужebные. Ярослав ревностно заботился о просвещении: в Новгороде по его приказу было устроено училище на 300 мальчиков, сыновей священников и старост. Он любил церковное дело, духовенство, монахов, а священные книги читал не только днем, но и ночью и много собрал их; поручал иногда переводить их прямо с греческого языка или переписывать болгарские переводы.

Под его покровительством начали распространяться на Руси монастыри. Среди иноков были грамотные люди, которые принялись за переписку книг и помогали распространению христианского просвещения на Руси.

Летописец высоко ценит заслуги Ярослава и говорит:

– Как один вспашет землю, другой посеет, а третьи жнут и едят хлеб, – так Владимир вспахал и умягчил землю, т. е. просветил ее крещением, Ярослав насадил книжными словами сердца верных людей, а мы пожинаем, принимая книжное учение.

Русская Правда

Вместе с христианством из Византии перенесены были в Русскую землю все церковные порядки и законы. Свод церковных законов, «Номоканон», перешел к нам, вероятно, в болгарском переводе, под названием «Кормчая книга».

Задумал Ярослав установить и в мирских делах лучший порядок суда и расправы. По его приказу, по словам летописи, были записаны судебные обычаи и явился первый сборник законов – Русская Правда.

В первобытные времена люди руководствуются во всех своих действиях только природными побуждениями, чувствами. Убьет кто-нибудь человека – близкие родичи убитого, естественно из чувства мести, стараются убить убийцу. Побьют кого – побитый чувствует злобу и желает выместить свою обиду на обидчике. Украдут ли у кого вещь какую-нибудь, потерпевший от кражи, понятно, будет стараться отыскать вора, отобрать у него свою вещь и вдобавок причинить как можно больше зла ему, чтобы отвадить его от воровства. Так и в других случаях в первобытное время люди творили суд и расправу, следуя только природному чувству. С течением времени все это входило в привычку. Видели люди, как творили отцы их и деды в разных случаях, и сами поступают точно так же, руководясь уже не только своим чувством и соображением, но и примером предков. Таким образом известные действия при суде и расправе входят в привычку целого племени, становятся «обычаем».

В течение веков родовые старшины свято хранят старые обычаи, и многие поколения довольствуются ими. Но со временем судебных обычаев накапливается слишком много, а если племя сталкивается с другими народами, то от них заходят и новые обычаи, иной раз непохожие на прежние, происходит путаница; тогда является надобность привести их в порядок, записать точно и ясно, чтобы можно было судьям руководиться ими. Записанные обычаи, которые делаются обязательными правилами для всех и поддерживаются правительством, становятся законами.

Русская Правда представляет у нас первое собрание обычаев. Здесь говорится о мести за убийство, о наказании за побои и оскорбления, за кражу. 1. За смерть мужа мстит брат, или сын, или отец, или двоюродные братья, или племянники. Если не будет мстителя, убийца должен уплатить 40 гривен. 2. За удар палкою, жердью, мечом виновный платит 12 гривен; за отсечение руки 40 гривен; за вырывание уса или бороды 12 гривен; за обнажение меча 1 гривну. 3. За увод челядника и коня 3 гривны и проч.

За убийство дружинника или тиуна (слуга князя) положена пеня, вира двойная, то есть 80 гривен. Вира шла князю. Если же виновный не мог уплатить, то он лишался всего имущества и дом его предавался разграблению. Если преступник скрывался, то виру платила вервь (округ), где было совершено убийство.

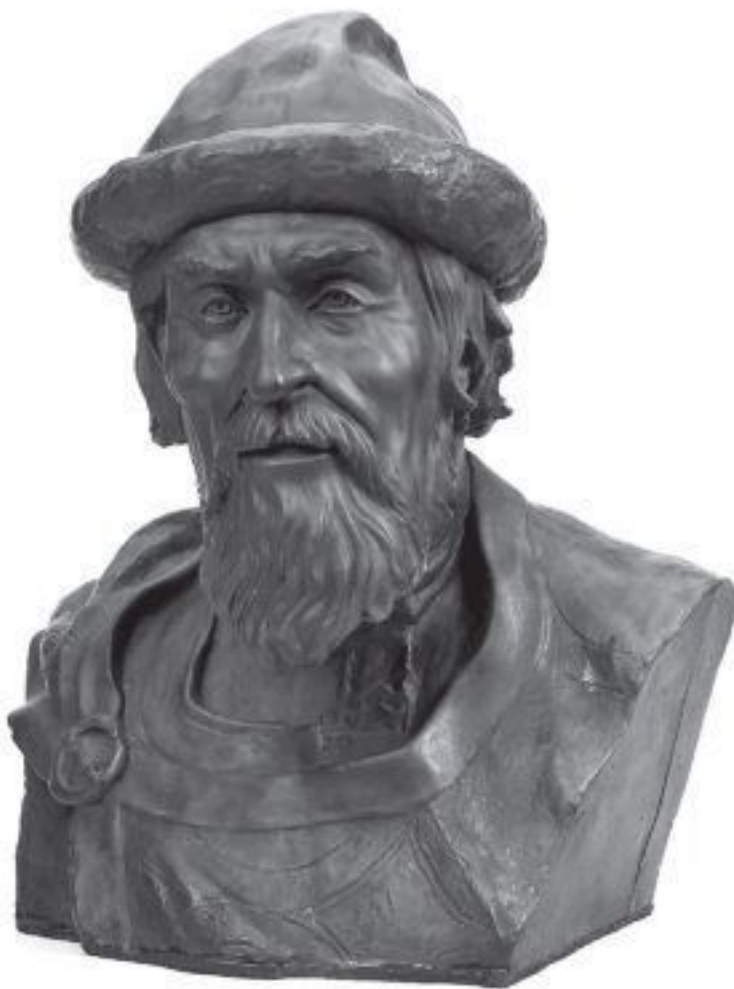
Воровство считалось также тяжким преступлением. Хозяин имел право даже убить «как пса» пойманного вора в том случае, если он сопротивлялся и не позволял себя связать. Итак, мы видим, что родичам убитого предоставлялось самим отыскивать убийцу и чинить над ним суд и расправу, а хозяин мог распорядиться, как хотел, с вором.

Понятно, что при таком самоуправстве творилось немало неправды и насилий, но следует помнить, что это было с лишком за восемь столетий до нашего времени, когда государственная жизнь только еще начиналась. Незадолго до Ярослава русские жили родами, которые вели между собою борьбу. Случится обида или убийство, у кого было искать управы? Родичи убитого считали своим священным долгом отомстить убийце; позор ожидал того, кто не выполнял этой обязанности. Привыкли предки наши из поколения в поколение так поступать, и родовая месть вошла в обычай, а обычай этот попал и в Русскую Правду.

Сверх наказаний за преступления в Русской Правде находим постановления о наследстве. Все сыновья по закону получали поровну; сестра при братьях не получала ничего, но они обязаны были выдать ее замуж; жена умершего, если оставалась жить с детьми, имела право на часть наследства. Так поступали, если не было завешания, но умирающий мог иначе распределить свое достояние между наследниками.

Любопытно постановление о холопах (челядинцах, рабах). Не только пленные обращались в рабов или «обельных» (полных) холопов, но становились ими также и свободные люди; если женились на рабынях, не заключив предварительно условия с их господином, – также если поступали в слуги или тиуны к другому лицу без всякого договора; обращались в холопов и несостоятельные должники. Господин имел полную власть не только продать своего раба, но даже и убить его.

Суд творил сам князь, а там, где князя не было, – наместник. Местом разбирательства был княжий двор. Обиженный должен был представить свидетелей (видоков и послухов); но можно было обойтись и без них, если были ясные доказательства обиды, например знаки побоев, увечья.

Ярослав Мудрый

Исследовать и разбирать преступления в XI в. предки наши не умели: если трудно было решить, виноват или нет обвиняемый, он же сам не сознавался, а дело было важное, тогда прибегали, как и раньше, в языческие времена, к «испытанию водой и железом»: верили, что

сам Бог покажет, прав или виновен подсудимый. Заставляли его опускать руку в кипяток или подержать несколько времени раскаленное железо в руке. Если оказывались после этого на руке сильные ожоги и язвы, то обвиняемого считали виновным. К сожалению, до нас не дошло подробных известий, как совершалось испытание водой и железом у наших предков: вероятно, подобным же образом, как у родственных племен. В Чехии, например, подсудимый должен был, пока произносил слова присяги, продержать два пальца на раскаленном железе или простоять на нем. У сербов обвиненный должен был опускать руку в раскаленный котел или брать из огня раскаленное железо.

Прибегали к подобным испытаниям, конечно, только в тех случаях, когда уверенность в преступности подсудимого была очень уж сильна, но он не сознавался, а ясных улик не было. Притом, конечно, немногие из подсудимых отваживались на испытание, если сознавали за собой вину, и потому надо думать, что дикий обычай «испытания водой и железом» применялся очень редко.

Когда происходила тяжба между двумя сторонами и никак не могли рассудить тяжущихся, то предоставлялось им судиться судом Божиим – «полем», то есть выйти на поединок. Кто побеждал, тот и считался правым.

В девятом столетии и у других западных народов судопроизводство было не лучше; только в Италии и Византии, где образованность стояла выше, оно велось правильнее.

Издание Русской Правды было великим делом. Настоящее правосудие только тогда и может быть, когда есть твердые и определенные законы, которые высшая власть берет под свою охрану. Современники Ярослава понимали, какую услугу народу он оказал своим законодательством, и называли его Правосудом и Мудрым!

А. Д. Кившенко. «Чтение народу Русской Правды». 1888 г.

Сношения с иноземцами

С принятием христианства сношения русских с греками, а затем с другими европейскими народами усилились. Из Византии шли в Русскую землю церковные обычаи, разные искусства, образование; отсюда же потом стали проникать к нам и новые порядки государственные. Когда грубый, первобытный народ входит в сношения с народами образованными, прежде всего заимствует то, что больше бросается в глаза, – внешнюю обстановку. Строились у русских, как сказано уже, великолепные храмы наподобие византийских, украшались иконами, живописью, золотом и серебром. Князь стал жить роскошнее, чем прежде: жилище его стало отличаться большим великолепием, чем раньше; одежду князя в торжественных случаях стали носить богатую, златотканую, подобно византийским царям, на голову надевали золотые венцы или короны.

Русские в это время вошли в постоянные сношения не только с Византией, но и с Западной Европой. Ярослав даже породнился с несколькими иноземными государями: одну дочь свою выдал он за принца норвежского, другую – за французского короля (Генриха I), третью – за венгерского короля; сыновей своих тоже женил на иностранных принцессах.

Киев благодаря постройке новых храмов, городских стен и каменных домов изменился к лучшему. Иноземцы, видевшие его в это время, очень хвалят не только красоту местоположения, но и самый город. Видно, в те годы русская столица не уступала уже западноевропейским городам, да и русский народ по нравам и понятиям не стоял тогда ниже своих западных соседей.

В Киев съезжалось много торговцев со всех сторон: тут встречались венгры, немцы, скандинавы, восточные купцы; немало было и евреев. Целые части города заселялись иноземными купцами. На Днепре у Киева стояло множество купеческих судов. В городе было восемь рынков, и торговля шла бойко. Хотя еще держалась меновая торговля и русские менялись на меха куны, лисьи, беличьи (слово «куны» означало «деньги»), но были уже и металлические деньги.

В это время часто упоминаются гривны. Так назывались сначала ожерелья, а потом они стали употребляться как деньги. Серебряная гривна весила около фунта. При Ярославе и даже при Владимире явились на Руси свои серебряные и золотые монеты. Греческих мастеров в Киеве было довольно – они могли чеканить монету для русских по образцу греческой. При раскопке древних могил найдены серебряные и золотые монеты с именами Ярослава и Владимира.

Золотые и серебряные монеты Владимира и Ярослава

Время удельных смут и усобиц

Усобицы при сыновьях Ярослава

Перед смертью Ярослав призвал своих сыновей и, по словам летописи, сказал им:

– Отхожу я уже из этого света, дети мои! Да будет между вами любовь: вы – родные братья, дети одного отца и одной матери. Если будете жить в любви и согласии между собою, то Бог будет с вами и покорит вам врагов ваших; если же будете жить в ненависти и распрях, то и сами погибнете, и погубите землю отцов ваших и дедов, которую приобрели они с большим трудом. Живите мирно, слушайте брат брата. Назначаю Киев старшему сыну моему и брату вашему Изяславу. Слушайте его, как слушали меня; пусть он будет вам вместо отца. Святославу даю Чернигов, Всеволоду – Переяславль, Игорю – Владимир (Волынский), Вячеславу – Смоленск.

Разделив таким образом землю Русскую между своими сыновьями, Ярослав заповедал им не трогать чужих областей и затем сказал Изяславу:

– Если кто захочет обидеть брата своего, то ты помогай правому.

Умер Ярослав в 1054 г. 76 лет от роду. Тело его положили в мраморную гробницу в Софийском соборе.

Ярослав следовал примеру отца и деда и поделил Русскую землю на уделы, да, без сомнения, он и не мог бы иначе поступить. Раздела земли требовал обычай: по понятиям того времени, вся земля была достоянием целого княжеского рода, и каждый родич должен был владеть какой-нибудь областью.

Понятия о государстве и необходимости для него одной сильной власти тогда еще не было. Вот почему удельный порядок долго держался на Руси. Много бед и горя принес он русскому народу!

Лет десять сыновья Ярослава княжили мирно в своих уделах, не ссорились между собою; с общего согласия они дополняли Русскую Правду и отменили кровавую родовую месть; взамен ее установили платить виру, то есть пеню.

В 1061 г. нападают на русские области половцы, сменившие печенегов в степях на южных и восточных окраинах Русской земли. Это были такие же хищники, как и печенеги: грабеж и убийство служили для них, по словам летописца, воинской потехой, шатры – жилищем, а лошадиное молоко, сырое мясо, кровь животных, а иногда и падаль – пищу. Половцы с того времени, как стали кочевать в степях у реки Дона, не давали покою русским: весною или ранним летом, когда был для лошадей подножный корм, эти хищники на своих степных конях ордами врываются в русские пределы, беспощадно опустошали землю и целыми тысячами угоняли к себе в рабство захваченных пленных...

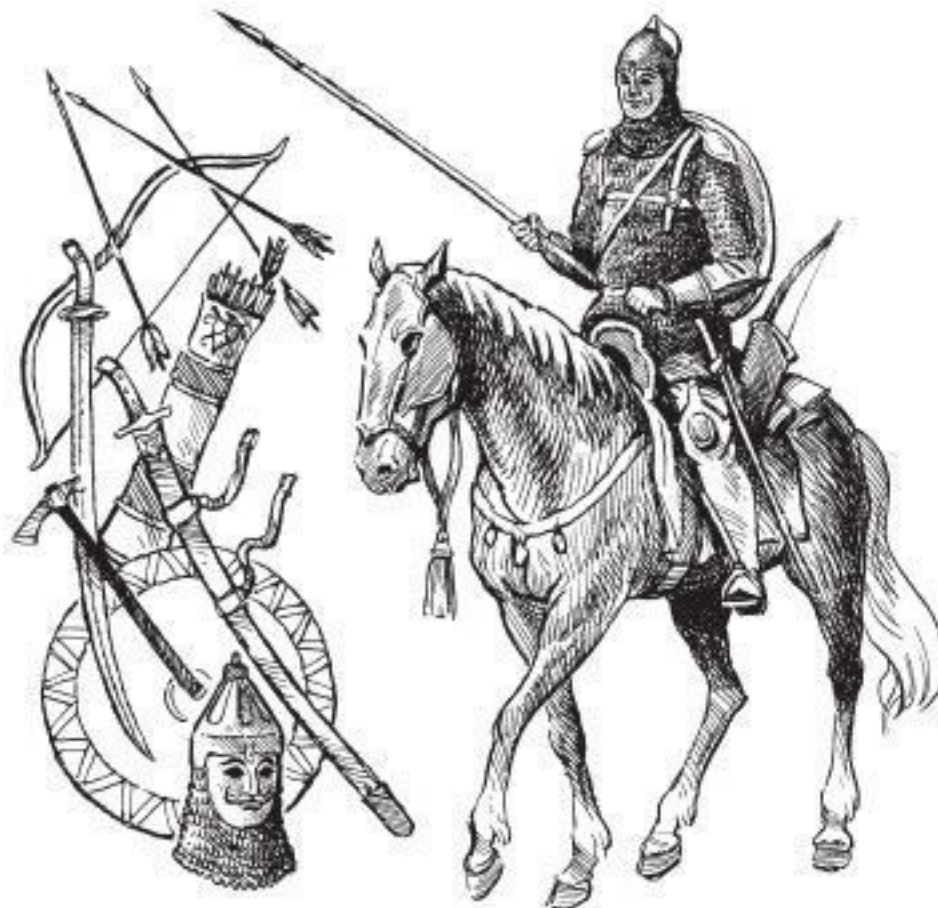
Через три года после первого набега половцев начинаются усобицы и между русскими князьями.

Ярослав наделил своих сыновей областями, но ничего не дал внуку своему Ростиславу Владимировичу. Недовольный этим князь с отрядом удалцов, набранных в Новгороде, напал внезапно на Тмутараканскую область (у Азовского моря) и выгнал отсюда своего двоюродного брата. Через два года Ростислава не стало. Тогда начинаются усобицы на севере. Всеслав, князь Полоцкий, хотел увеличить свой удел, напал на Новгород, захватил в плен многих жителей, ограбил Софийский собор. Изяслав с братьями пошел против Всеслава, разбил его и зазвал к себе в шатер будто для переговоров. Он поверил клятве

Ярославичей, что ему ничего худого не сделают, явился к великому князю, а тот велел своим воинам схватить его. Обманутого Всеслава вместе с двумя его сыновьями отвезли в Киев и посадили в темницу.

Из вероломства этого ничего путного не вышло – мир не водворился на Руси. И году не прошло, как снова нахлынули половцы. Вышли Ярославичи против них с небольшими силами, но так были разбиты, что пришлось спасаться бегством. Хищные степняки рассеялись по южным русским областям, разоряли их и творили всякие насилия... Собрались киевляне на вече и потребовали у Изяслава, чтобы он вел их биться с половцами. Князь колебался и не знал, что делать. Тогда народ в Киеве восстал, выпустил из темницы Всеслава, провозгласил его своим князем, разграбил княжий двор, расхитил множество золота, серебра, кунных и беличьих мехов. Изяслав бежал в Польшу. С помощью поляков он снова водворился в Киеве, но ненадолго. Братья его, Святослав и Всеволод, выгнали его из Киева, – великим князем сделался Святослав.

Напрасно искал Изяслав помощи у иноземных государей: у императора германского (Генриха IV), у папы. Император прислал послов к Святославу, чтобы убедить его вернуть брату захваченный киевский престол. Великий князь принял послов радушно, показывал им свои богатства и щедро одарил: уехали они от него очень довольные, но того, за чем приезжали, не добились.

Вооружение половца

Не помогли и увещания духовенства – Святослав не мирился со старшим братом и продолжал княжить в Киеве. Только после смерти его (1076) Изяслав, примирившись с Всеволодом, вернулся в Киев, но и тогда усобица не стихла: пришлось им обоим вместе вести упорную борьбу с племянником Олегом Святославичем. Это был князь очень воинственный; он хотел во что бы то ни стало завладеть Черниговской областью, где княжил раньше его отец и которую занял по смерти Святослава Всеволод. Олег призывал на помощь половцев, а те рады были

случаю пограбить и сильно опустошили Черниговскую область. Изяслав и Всеволод выступили против них. Произошла кровопролитная битва близ Чернигова (при селе Нежати́на Нива). Олег был разбит и едва успел спастись с небольшою дружиною в Тмутаракань, но в бою пал и сам великий князь Изяслав (1078).

Тогда занял Киевскую область брат его – Всеволод Ярославич. Это был князь набожный, добродушный и большой книголюб. Трудно было ему в то тревожное время: племянники его добивались областей, то и дело спорили между собой, приходилось их мирить, разбирать да унимать, а тут еще кочевники (торки и половцы) постоянно беспокоили с юга Русскую землю. Не справился бы со всеми делами своими Всеволод, да был и у него хороший помощник – сын Владимир. Это был князь очень деятельный; много ему пришлось потрудиться при отце: то он умирал непокорных князей, то поражал хищных половцев.

Под старость немощный Всеволод слишком уж стал доверяться своим наместникам и тиунам (должностные люди при князе). Много зла творили они: стали на суде мирволить богатым, брать взятки и творить всякие насилия бедным. Киевляне все это сносили – надеялись, что после смерти престарелого князя станет княжить в Киеве всеми любимый сын его Владимир Мономах, названный так потому, что его мать была дочь византийского императора Константина Мономаха.

Усобицы при внуках Ярослава

Умер Всеволод в 1093 г. Киевляне хотели, чтобы княжил у них Владимир, но он рассудил, что несправедливо будет ему занять Киев помимо Святополка Изяславича, старшего двоюродного брата: заботился Владимир больше всего о том, чтобы мир был на Руси, и послал звать Святополка на великое княжение, а сам вернулся в Чернигов.

Владимир, как видно, хотел соблюдать порядок старшинства. Русская земля, по понятиям того времени, принадлежала всему княжескому роду. Делилась она на уделы по числу членов княжеского рода. Старший брат, великий князь, занимал главный город – Киев с его областью, а младшие братья размещались в других уделах по старшинству. Когда умирал великий князь, то не сын, а старший за ним брат занимал Киев и становился великим князем; оставленный же им удел переходил в руки следующего за ним по старшинству брата и т. д. По смерти великого князя должно было совершаться перемещение всех удельных князей. При этом надо заметить, что сыновья тех князей, которые умирали, не достигнув великокняжеского престола, навсегда лишались права на него и даже исключались из княжеского рода. Такие князья назывались изгоями. Если и получали они небольшие уделы, то как бы из милости старших князей. Великие князья иной раз сильно хлопотали о том, чтобы своих сыновей пристроить на хорошие уделы, и при дележе земли поступали не всегда справедливо. Распоряжениям же старших князей иногда не повиновались младшие.

Если родные братья Ярославичи ссорились между собою, то еще труднее было ужиться в мире двоюродным и троюродным братьям. Могли ли удельные князья чтить великого князя «как отца», когда князь этот, хотя и старший в роде, мог быть и несправедлив, и менее других князей опытен, и менее способен? Кроме того, при общем передвижении не все князья охотно оставляли прежние свои области; в иных городах и народ не хотел тех князей, каким приходилось по очереди занимать эти города, восставал против них и призывал других. Понятно, сколько смуты и неурядицы поднималось на Руси в удельное время: споры, раздоры, усобицы шли без конца... Пользуясь этим, чуть не каждый год вторгались в Русскую землю орды половцев и других врагов, которым иной раз сами же русские князья показывали путь в свою землю. Тяжело жилось в это время русскому народу!

Только что Святополк занял великокняжеский стол, как началась война с половцами. Не послушался он опытных своих воевод и Владимира, которые советовали ему снарядить побольше войска, выступил в поход с незначительными силами и был разбит. Русским пришлось спасаться бегством. Рассеялись шайки хищников по Русской земле, и начался грабеж...

Запустели города и села. Целыми толпами угоняли половцы пленных к себе в степи. Шли несчастные в плен, по словам летописца, скорбные, дрожащие от холода, голодные, томимые жаждою, исхудалые, нагие и босые; ноги их были истерзаны тернием. Со слезами они рассказывали друг другу, откуда кто из них, из какого города, из какой деревни...

Попытался опять Святополк сразиться с хищниками, но снова был разбит и принужден был заключить в 1094 г. мир с ними, даже женился на дочери Тугорхана, одного из сильнейших половецких ханов, думая хоть этим оградить свою землю от бесконечных хищнических вторжений и грабежей. Напрасная надежда! Несчастливая война с половцами была только началом бедствий и горя, обрушившихся на Русскую землю в злополучное княжение Святополка II.

Поднялись усобицы. Причиной их были старые счеты за Чернигов, а потом споры за Волынь. Олег Святославич, княживший в Тмутаракани, после смерти Всеволода задумал во что бы ни стало добиться Чернигова, отцовской области. В 1094 г. он внезапно явился с большими ордами половцев под Чернигов. Здесь был в это время Владимир Мономах. Сил у него после злосчастной борьбы с половцами было мало, не мог он встретить врага в открытом поле и заперся в городе. Восемь дней Владимир отбивался. Но когда Олег дал волю половцам беспо-

щадно разорять и грабить села и деревни, расхищать и жечь монастыри, Владимир сдал Чернигов, а сам ушел в отцовский удел – Переяславль: тяжело ему было видеть разорение Русской земли и не хотел он ценою ее бедствий покупать свои выгоды... Вошел Олег в отцовский город, но грабежи половцев продолжались. Князь не только не запрещал им, но, по словам летописи, даже сам побуждал их грабить. Да и как было ему иначе отблагодарить своих хищных пособников?!

«Это уже третий раз, – скорбно замечает летописец, – он наводил нечестивых на Русскую землю!»

Ему волею или неволей приходилось дружить с половцами – в них только он и находил себе опору. Но зато трудно ему было ужиться с другими князьями: когда они стали звать его на половцев, то он, конечно, уклонился... В 1096 г. Святополк и Владимир послали сказать ему:

– Приезжай в Киев, урядимся о Русской земле пред епископами, игуменами, пред мужами отцов наших и пред горожанами, как бы оборонить Русскую землю от поганых.

На это приглашение Олег гордо ответил:

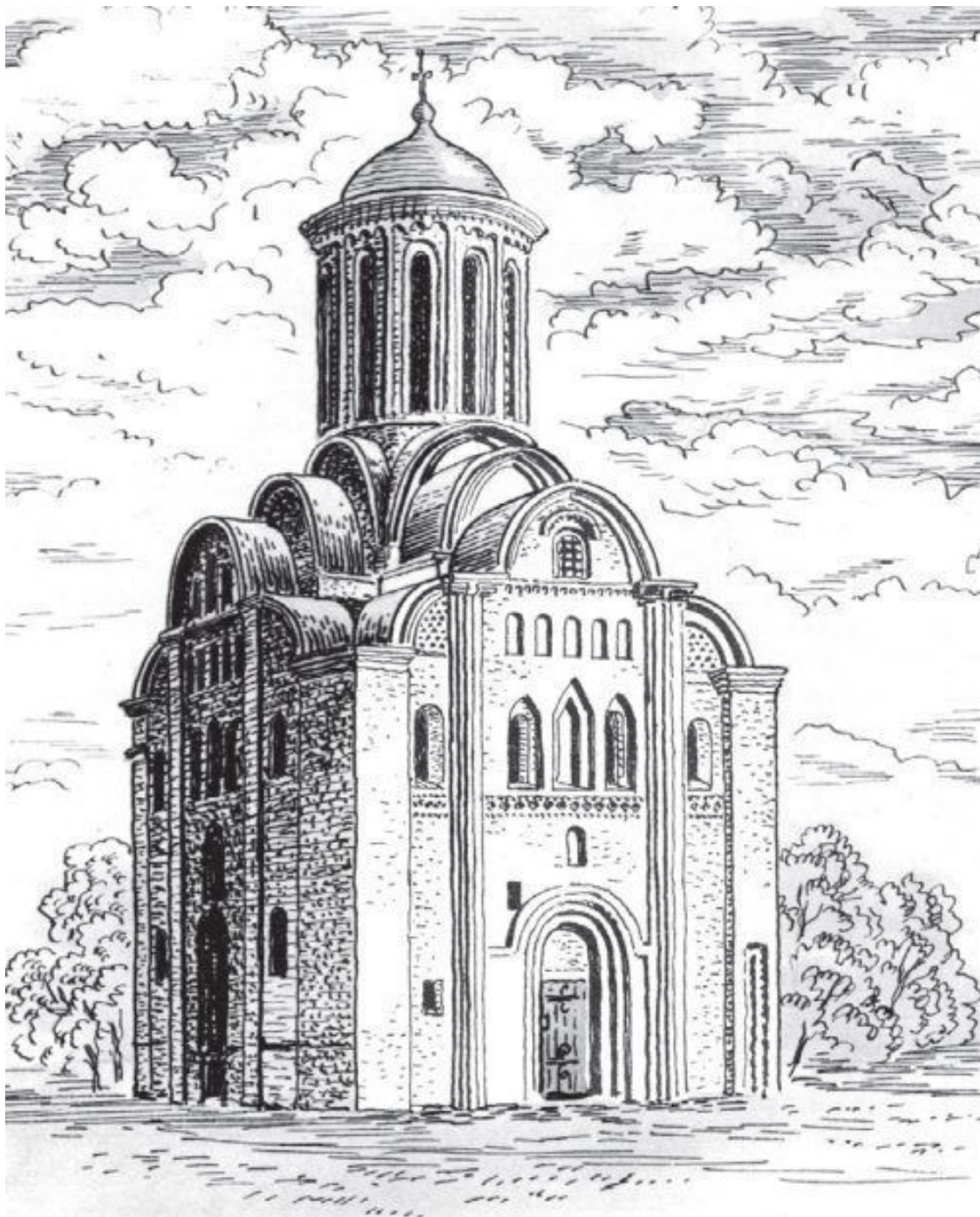
– Не подобает меня судить ни епископу, ни игуменам, ни смердам!

Тогда князья велели сказать ему:

– Вот ты ни на поганых не идешь, ни к нам на совет; стало быть, ты мыслишь против нас и хочешь поганым помогать. Пусть же Бог нас рассудит!

Святополк и Владимир пошли на Олега. Он бежал из Чернигова, заперся в Стародубе и более месяца отбивался здесь; а в это время орды половцев снова нахлынули на Русскую землю и стали грабить ее. Наконец Олег запросил мира у князей; они согласились. Но не о мире думал Олег: кинулся он на север в отцовские Муромо-Рязанские земли, напал здесь на сына Мономахова Изяслава, который завладел было Муромским уделом. В битве под стенами Мурома пал Изяслав Владимирович.

Церковь Параскевы Пятницы в Чернигове. Реконструкция

Неугомонный Олег не довольствовался отцовскими землями, а занял Ростов и Суздаль, наследственные волости Мономаха, посадил там своих наместников и стал собирать дань. Тогда старший сын Мономаха Мстислав, крестник Олега, княживший в Новгороде, пришел в Суздальскую область, прогнал Олеговых сборщиков дани и наместников, затем предложил крестному отцу мир.

– Я моложе тебя, – говорил он, – договаривайся с моим отцом, а я во всем тебя послушаю.

Неизтакихбыл Олег, чтобы уступить в чем-либо... Он высказал готовность помириться, но затем быстро двинулся на Мстислава, когда тот распустил дружину свою по деревням. Недаром современники называли его Гореславичем – много горя наделал он Русской земле! Мсти-

слав, однако, успел собраться с силами, встретил Олега на берегах речки Колокши, впадающей в Клязьму, и разбил его. Преследуя дядю своего и крестного отца, Мстислав послал сказать ему:

– Не бегай никуда, но пошли к братьям своим с мольбой не лишать тебя Русской земли, а я буду просить за тебя у отца моего!

На этот раз Олег последовал совету. Как ни горевал Владимир по своему убитому сыну, но все же для блага Русской земли готов был помириться с Олегом.

В 1097 г. князья по мысли Владимира съехались в Любече, чтобы уладить спорные дела.

– Зачем губим мы землю Русскую, ссорясь между собою? – говорили некоторые из князей. – А половцы разоряют нашу землю и радуются, что у нас усобицы. Станем отныне жить согласно, станем общими силами блюсти Русскую землю. Пусть каждый из нас владеет отцовской волостью (отчизною).

Владимир уступил Черниговскую область сыновьям Святослава (Олегу, Давиду и Ярославу). Давиду Игоревичу достался Владимир-Волынский, а Володарю и Васильку Ростиславичам, князьям-изгоям (внукам Владимира Ярославича) – города Перемышль и Тербовль. Так порешили князья и целовали крест.

– Если кто из князей, – клялись они, – восстанет на другого, то против него будем все мы и честной крест.

Благое было намерение у князей, собравшихся на съезд, но мало вышло пользы от этого. Не успели еще они разъехаться по своим областям, как клятва их жить мирно между собою была нарушена. Совершилось злодейство, неслыханное до тех пор на Руси!..

Ослепление Василька

Давид Игоревич, который и раньше злобил на Василька за то, что тому досталась лучшая часть Волынской области, стал наговаривать Святополку на Василька, будто он с Владимиром тайно согласился захватить волости Киевскую, Волынскую и поделить их между собою.

– Если не схватим Василька, – говорил Давид великому князю, – то не княжить ни тебе в Киеве, ни мне во Владимире.

Подозрительный Святополк поверил Давиду. В это время Василько возвращался из Любеча и остановился на ночлег с людьми своими неподалеку от Киева. На другой день утром прислал Святополк звать его к себе на именины. Василько отговаривался тем, что ему необходимо спешить домой.

Святополк посылает снова сказать ему:

– Если не хочешь оставаться здесь до моих именин, то хоть зайди ко мне повидаться, побеседуем с тобою и Давидом.

Предостерегал Василька один из отроков его, чтоб он не доверялся великому князю, но Василько не обратил на это внимания – ведь так еще недавно все князья клялись жить между собою мирно – и поехал в Киев с несколькими дружинниками. На княжьем дворе вышел навстречу ему Святополк, ввел его в комнату; пришел сюда и Давид. Стал снова великий князь уговаривать гостя остаться на именины, но тот решительно отказался, говоря, что уже отправил своих людей вперед.

– Хоть позавтракай у меня, брат, – просил великий князь.

На это Василько согласился.

– Посидите здесь, – сказал Святополк ему и Давиду, – а я пойду распоряжусь!

Начал Василько разговаривать с Давидом, но тот был в таком смущении, что ни говорить, ни слушать не мог; немного спустя и он вышел из комнаты. Тогда пришли воины, заковали Василька в двойные оковы и стали стеречь его. Утром на другой день великий князь созвал бояр и киевлян и передал им слова Давида, будто Василько с Владимиром условились напасть на него, великого князя, и погубить его и города захватить. Бояре и киевляне уклончиво ответили:

– Тебе, князь, следует беречь себя: пусть Василько примет казнь, если Давид сказал правду; если же неправду, то его Бог накажет, пусть он отвечает пред Богом.

Святополк колебался и не знал, как поступить.

– Если отпустишь, – твердил Давид ему, – то ни тебе не княжить, ни мне.

Малодушный Святополк уступил Давиду и позволил ему делать, что он хочет. В ту же ночь привезли Василька скованного на телеге в Белгород, в 10 верстах от Киева, ввели его в избу. Сидя тут, он увидел торчина, который точил нож. Догадался Василько, что грозит ему большая беда, и стал с плачем и стоном призывать Бога... Вошли конюхи Святополка и Давида, разостлали на полу ковер, схватили Василька и хотели его повалить на ковер; но князь был силен, упорно боролся, и они не могли справиться с ним. Тогда пришли им на помощь другие слуги, повалили князя, связали его, сняли с полатей доску, положили ему на грудь и сели на концы доски, но все-таки не могли его сдержать. Взяли другую доску, и еще двое человек сели на нее; так сдавили несчастного, что в груди его затрещали кости. Тогда торчин, пастух Святополков, подошел с ножом и хотел ударить в глаз, но не попал и порезал Васильку лицо; затем ударил ножом в глаз и выхватил его, потом другой... Василько лежал, как мертвый. Его положили на повозку и повезли во Владимир. В городке Воздвижение сняли с него окровавленную рубашку и дали вымыть попадье. Она вымыла, надела на него и стала плакать по нем, как по мертвом.

Он очнулся, услышав плач, и спросил: «Где я?»

– В городе Вздвиженье, – отвечали ему.

Попросил он воды испить, пришел в себя, ощупал свою рубаху и сказал:

– Зачем это вы надели на меня другую? Пусть я умер бы в той окровавленной сорочке и предстал в ней пред Богом.

На шестой день приехали во Владимир. Прибыл сюда и Давид; приставил он тридцать человек стеречь Василька – радовался, словно зверя затравил.

В ужас пришли все русские князья, когда узнали о злодействе. Владимир заплакал...

– Не бывало еще такого зла в Русской земле ни при отцах наших, ни при дедах! – воскликнул он.

Возмущены были и Святославичи (Давид и Олег) этим зверством и вероломством. Все эти князья послали к Святополку потребовать ответа...

– Чего ради ты совершил это зло Русской земле? – спрашивал они у него. – Зачем ты бросил среди нас нож (то есть завел новую распрю)? Зачем ослепил своего брата? Если на нем была какая вина, то почему ты не обличил его перед нами? Объясни теперь нам, какая его вина!

Святополк отвечал:

– Давид сказал мне, что Василько хочет и меня погубить, и землями моими завладеть, что он и Владимир порешили овладеть Киевскою областью и Волынскою. А свою жизнь я волен защищать, и не я ослепил Василька, а Давид; он и увел его к себе.

На это сказали Святополку послы:

– Не ссылайся на Давида, что он ослепил; не в Давидовом городе Василько взят и ослеплен, но в твоём.

Князья хотели немедленно переправиться через Днепр и напасть на Святополка, а он собирался уже бежать из Киева, но киевляне не допустили этого. Они послали к Владимиру мачеху его, вдову Всеволода, жившую в Киеве, и митрополита Николая.

– Умоляем, князь, тебя и братьев твоих, – сказали они, – не губите Русской земли. Когда начнется война между вами, порадуются поганые враги наши (половцы и другие) и захватят землю Русскую, которую приобрели с великим трудом отцы наши и деды, а вы хотите погубить ее!

Когда эти слова услышал Владимир, то прослезился и сказал:

– Поистине отцы наши и деды берегли землю Русскую, а мы хотим погубить ее!

Послушал Владимир митрополита и княгиню, которую чтит как мать.

Начались переговоры. Порешили, что идти на Давида Игоревича, захватить его в плен или выгнать из его области должен сам Святополк. Он клялся, целовал крест, что исполнит это. Проведал Давид о беде, какая грозит ему, не знал, как ему быть, попробовал даже помириться с Васильком и послал к нему просить, чтобы он не допустил новой усобицы, причем складывал всю вину на Святополка. Василько выслушал предложение и сказал посланцу:

– Слышал я, что Давид намерен отдать меня в руки ляхам; видно, он еще не насытился моею кровью. Я мстил ляхам за отечество и сделал им много зла. Не боюсь я смерти. Открою тебе всю мою душу. Бог наказал меня за мою гордость. Надеялся я на помощь торков, берендеев и половцев и думал в гордости своей: теперь скажу брату Володарю и Давиду – дайте мне только свою младшую дружину, а сами пейте и веселитесь. Зимой выступлю в поход, летом завоюю Польшу. Земля у нас скудна жителями: пойду на дунайских болгаров и пленниками заселю пустыни. А там буду проситься у Святополка и Владимира на общих врагов земли Русской, на половцев: добуду славы или сложу голову за родную землю. В душе моей не было иной мысли. Клянусь Богом, не хотел сделать я ни малейшего зла ни Святополку, ни Давиду, ни другим братьям.

Новые усьобицы

Давид, несмотря на грозившую ему опасность, все еще думал овладеть уделом Василька и начал усьобицу с его братом Володарем. Но оказалось, что у князя этого мужества и ратной силы больше, чем ожидал Давид, и он побоялся даже сразиться в поле с ним, а заперся в городе Бужске. Осадил его тут Володарь и послал ему сказать:

– Совершил ты зло и не каешься в этом. Вспомни, сколько беды ты сотворил.

Давид стал оправдываться.

– Разве я это сделал, – отвечал он, – в моем ли городе я совершил это? Я боялся сам, чтобы меня не взяли и не сделали со мною того же. Неволья заставила меня действовать сообща с великим князем.

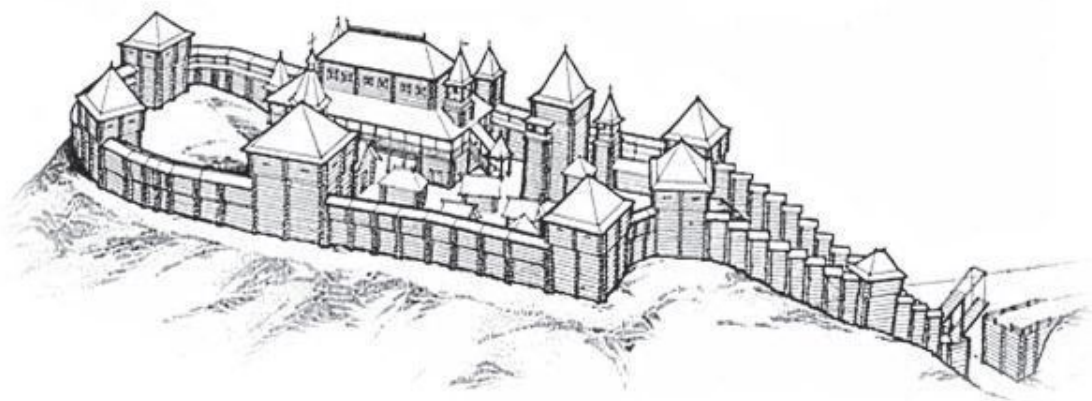
– Бог ведает, кто виноват, – отвечал Володарь, – а теперь отпусти брата моего, и я помирюсь с тобою.

Давид отпустил Василька. Но только что наступила весна, Володарь и Василько напали на Давида; задумали они жестоко отомстить ему: сожгли дотла город его Всеволожь, бесчеловечно умертвили жителей. Осадили Владимир, где заперся Давид, и потребовали, чтобы горожане выдали главных его советников, которые содействовали злодеянию. Собрались жители города на вече и потребовали от князя, чтобы он выдал виновных.

– Выдай этих людей, – говорили они, – за тебя биться можем, но за них не хотим. Если не выдашь их, то мы отворим городские ворота, а ты сам промышляй о себе как хочешь!

Давид принужден был выдать требуемых лиц. Их повесили, а затем расстреляли стрелами.

После этого Ростиславичи (Володарь и Василько) удалились. Но Давид не избежал беды. Великий князь шел на него и овладел его областью. Давиду пришлось бежать в Польшу.

Реконструкция застройки древнерусских крепостей

Святополк скоро опозорил себя новым вероломством. Вступая в Волынскую область, он торжественно клялся Ростиславичам, что их владений не тронет, а смирит только их общего врага – Давида. Но, победив его, вздумал захватить Перемышль и Теревовль, несмотря на клятву. Ростиславичи выступили против него, чтобы отстоять свои области. Когда сошлись оба войска, слепой Василько взял крест, поднял его и громко закричал Святополку:

– Вот крест, на котором ты клялся! Отнял ты у меня зрение, а теперь хочешь и жизнь от меня отнять. Пусть этот крест рассудит нас!

Началась битва. С той и с другой стороны бились отчаянно, множество людей пало. Володарь и Василько одержали победу, остановились на границе своих владений и дальше не пошли.

– Довлеет (довольно) нам стать на меже своей, – сказали они.

Святополк послал звать на помощь венгров. Между тем явился снова Давид, помирился с Ростиславичами, а сам отправился в землю половцев, чтобы с их помощью вернуть свое владение. Венгры потерпели поражение. Междоусобия продолжались. Вероломство, жестокость, малодушие и властолюбие Святополка и Давида возмущали Владимира Мономаха и других лучших князей. Решили они снова съехаться на съезд, чтобы сообща прекратить возмутительные распри...

Собрались они в августе 1100 г. в городе Витичеве. Святополк, Мономах и Святославичи заключили между собою союз и звали на съезд Давида. Он не посмел послушаться и приехал.

– Чего от меня хотите? Я здесь. Кто недоволен мной? – спросил он.

– Ты сам раньше говорил, – отвечал ему Владимир, – хочу, братья, прийти к вам и пожаловаться на свои обиды. Вот теперь сидишь ты с нами на одном ковре. Чего же ты не жалуешься? На кого из нас есть у тебя жалоба?

Давид молчал. Князья встали и сели на коней. Отъехали в сторону, каждый советовался с дружиной своей. Давид сидел один. Наконец они согласились между собою и послали своих мужей объявить ему свое решение. Посланные торжественно заявили:

– Вот что говорят тебе твои братья: не хотим тебе дать Владимирской области за то; что ты между нас бросил нож; другого зла мы тебе не причиним. Даем тебе города Бужск и Острог, Святополк дает тебе Дубно и Черторижск. Сверх того Мономах дает тебе 200 гривен, Олег и Давид Святославичи дают столько же.

Послали князья своих послов и к Володарю Ростиславичу сказать ему:

– Возьми к себе брата своего Василька, и будет вам одна область Перемышль, или пусти его к нам – мы будем содержать его, а пленных, захваченных вами, отпустите.

Но Ростиславичи и не думали повиноваться этому несправедливому решению; Василько остался княжить в своем Тербовле.

Борьба с половцами

Распадение на уделы ослабило Русскую землю. Власть князей не имела уже той силы, как при Ярославе. Народ, видя постоянные ссоры князей, не чтит их как следует; особенно недружелюбно смотрел он на более беспокойных князей, виновников частых смут. Новгородцы даже не хотели пустить к себе на княжение Святополкова сына. Радовались бедам Русской земли только враги ее – половцы.

Весною, как только показывалась трава в степях, русские уж и ждали со страхом хищных гостей. Невыносимо тяжело становилось жить населению близ степи. Оборонять бесконечно длинную, вовсе не защищенную природой границу да еще при малочисленном и разбросанном населении русским было невозможно. Оставалось одно – идти самим в степи, попытаться разгромить орды хищников, чтобы хотя на время обезопасить свою землю от губительных налетов этой степной саранчи. Князья от обороны начали переходить и к наступательной войне.

На другой год после Витичевского съезда Владимир задумал побудить Святополка к войне с половцами общими силами, а тот обратился за советом к своей дружине.

– Не годится идти в поход весною, – сказала ему дружи на, – только лошадей и поселян от полевых работ отнимать!

Съехались Владимир и Святополк близ Киева, у Долобского озера, на левом берегу Днепра (1103), и сели в одном шатре, Святополк со своею дружиною, а Владимир со своею, и долго молчали. Владимир наконец сказал Святополку:

– Брат, ты старший, говори, как бы нам промыслить о Русской земле.

– Лучше ты начни говорить, – возразил Святополк.

– Что же мне говорить? – сказал Владимир. – Против меня будут и твоя дружина, и моя – скажут, что хочу погубить поселян, оторвать их от работы. Дивлюсь я только тому, что и поселян жалеете, и лошадей их, а того и не подумаете, что весною станет крестьянин пахать с лошадыю – придет половчин, застрелит мужика, а лошадь его и жену и детей возьмет себе и гумно сожжет.

Все дружинники согласились с Владимиром, и Святополк заявил:

– Готов и я идти с тобою против половцев.

– Великое добро, брат, сделаешь ты Русской земле! – сказал Владимир.

Они послали звать в поход и других князей. Многие пришли с пехотою и конницею. Пешие плыли в лодках по Днепру; конница шла по берегу. Русские после жестокого, кровавого боя разбили половцев, 20 ханов перебили, взяли много скота, овец, лошадей, верблюдов, кибитки со всякой рухлядью и множество рабов.

Еще значительнее была война с половцами в 1111 г. Владимир Мономах снова уговорил всех князей общими силами ударить на половцев, которые не давали покоя русским. Был Великий пост. Народ молился в церквах, а воины собирались в поход. Выступили 26 февраля. На берегах реки Ворсклы все торжественно целовали крест, готовясь умереть. Наконец подошли к Дону. Здесь все воины надели на себя брони (оружие обычно возили в повозках) и двинулись к югу.

Половецкие каменные изваяния

Со времен Святослава русские не заходили еще так далеко в степи, как на этот раз. Перед ратниками Владимира шли по его приказанию священники и одушевляли воинов церковным пением. 24 марта русские разбили половцев и праздновали вместе с победою день Благовещения. Через два дня после этого половцы окружили русских со всех сторон на берегах реки Сала. Битва была отчаянная и кровопролитная. Владимир своим примером воодушевлял воинов. Искусным и быстрым движением своих полков он сломил неприятелей. Слава о нем разнеслась по всей Руси и по другим странам.

Долго после этого поражения половцы не тревожили Русской земли.

Владимир Мономах

Через два года после этого похода (1113) умер Святополк. Собрались киевляне на вече, порешили выбрать своим князем Владимира Мономаха и послали звать его. Владимир медлил – быть может, и на этот раз не хотел он нарушать старшинства и сесть на великокняжеский стол помимо Святославичей, старших двоюродных братьев своих. В Киеве начались беспорядки: разграбили двор Путяты, любимца покойного князя, стали грабить жидов, озлобивших народ своим лихоимством. Послали снова киевляне просить Владимира:

– Иди, князь, в Киев, а не то разграбят и княгиню Святополкову, и бояр, и монастыри.

Владимир наконец прибыл в Киев. Народ встретил своего любимца с восторгом. Мятеж утих. Святославичи не посмели противиться общему желанию; Владимира давно уже знала и любила вся Русская земля – трудно было оспаривать у него великокняжеский стол.

Владимир был человек необыкновенно деятельный. Беспреданно он ходил в походы, во все вникал, входил сам во все дела – и княжеские, и церковные, и домашние, любил читать книги и беседовать с духовными лицами. Был он притом и смелым охотником: нередко с несколькими удалцами-дружинниками на лихих конях он рыскал по степям, лавливал сам по нескольку диких степных коней в день; заходил и в дремучие леса; не раз случалось ему перевестись с хищным зверем.

Охоты в те времена были совсем не то, что теперь. Тогда приходилось близко подпускать к себе зверя: дикого кабана, зубра, медведя стрелою не убить – надо было действовать больше копьём да рогатиною. В те времена любили тешиться и птичьими – соколиными или ястребиными – охотами.

Великий князь Владимир Всеволодович Мономах

Вступил Владимир на великокняжеский стол уже шестидесяти лет, но был еще бодр и духом и телом. Половцы не смели при нем тревожить Русскую землю. Княжеские усобицы притихли. Правдивый и набожный, добродушный и вместе с тем воинственный, он высоко стоял в глазах всех своих современников, привыкших видеть всюду вероломство, насилие и злобу. Удельные князья уважали Владимира и вместе с тем боялись его – был он милостив, но бывал и строг. Когда какой-нибудь князь начинал смуту, он старался всячески уговорить его, умиротворить, уладить дело мирным путем. Если же беспокойный князь упорствовал, то Владимир строго наказывал его, даже отнимал у него удел. Княжение Владимира Мономаха было самой счастливою порою в удельное время. Казалось, исполнилось заветное желание Ярослава Мудрого, чтобы великий князь заменял для младших удельных князей любящего и вместе с тем строгого отца. Был Владимир правосуден – не давал слабых в обиду сильным, сам на своем княжеском дворе творил суд.

Русскую Правду он дополнил – постановил, чтобы заимодавцы не брали больших резов, то есть лихвы (процентов), с должников.

Любил и чтил он духовенство; глубоко проникнут был Евангельским учением.

Лучше всего мысли и чувства Владимира видны из того поучения, которое написал он своим детям.

«Дети мои или кто иной, прочитав эту грамотку, не посмейтесь, но примите ее в сердце свое. Прежде всего, ради Бога и души своей страх Божий имейте в сердце своем и милостыню давайте нескучную. Это – начало всякому добру.

Тремя добрыми делами можно от греха избавиться и царствия Божия не лишиться: покаянием, слезами и милостынею. Не тяжкая эта заповедь, дети мои. Бога ради, не ленитесь; молю вас, не забывайте этих дел. Ни одиночество (отшельничество), ни монашество, ни голод (пост), чему подвергают себя некоторые благочестивые люди, не так важны, как эти три дела... Послушайте меня, дети мои. Если не все наставление мое примете, то примите хоть половину. Пусть Бог смягчит ваше сердце: проливайте слезы о грехах ваших, говоря: «Как разбойника и мытаря помиловал Ты, Господи, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви это делайте, и спать ложася. Когда на коне едете, говорите мысленно: «Господи, помилуй». Эта молитва всех лучше.

Всего же более убогих не забывайте, но по мере сил кормите их. Сироту и вдову сами на суде по правде судите; не дайте их сильным в обиду. Ни первого, ни виноватого не убивайте и не позволяйте убивать, хотя бы и заслуживал смерти; не губите никакой христианской души.

Когда речь ведете о чем, не клянитесь Богом, не креститесь; нет в этом никакой нужды. Если же придется вам крест целовать (давать клятву), то подумайте сначала хорошенько, можете ли сдержать клятву; а поклявшись, держитесь клятвы, чтобы, нарушив ее, не погубить своей души.

Епископов, попов и игуменов почитайте, принимайте от них благословение. Любите их и по мере сил заботьтесь о них, чтобы они молились за вас.

Более же всего не имейте гордости ни в сердце вашем, ни в уме: мы все смертны – сегодня живы, а завтра в гробу. Все, что дал нам Бог, не наше, а поручено нам на короткое время. В землю сокровищ не зарывайте: то великий грех. Старика почитайте как отца, молодых как братьев.

В дому своем не ленитесь, но за всем присматривайте сами; не полагайтесь на тиуну вашего и отрока, чтобы приходящие к вам не посмеялись над домом вашим и над обедом. На войне не ленитесь, не надейтесь на воевод ваших, не предавайтесь ни питью, ни еде, ни спанью. Сами стражу расставляйте. Устроив все, ложитесь спать около воинов, а вставайте рано. Оружия с себя не снимайте, не разглядев, есть ли опасность или нет: от беспечности человек может внезапно погибнуть.

Когда проезжаете по своим землям, не давайте слугам бесчинствовать и причинять вред ни своим, ни чужим, ни в селах, ни на нивах, чтобы не проклинали вас.

Куда приедете, где остановитесь, напоите, накормите бедного. Более всего чтите гостя, откуда ни пришел бы он, простой ли человек, или знатный, или посол. Если не можете почтить подарком, то угостите кушаньем и питьем. Гости этим мимоходом по всем странам разнесут молву о человеке, как о добром или как о злом.

Больного посетите; покойников провожайте и не минуйте никого без привета, скажите всякому доброе слово. Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой.

Что знаете полезного, не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь. Мой отец, дома сидя, знал пять языков. За это большая честь от других земель. Лениость всему худому мать: что знаешь, то забудешь; чего не знаешь, тому не выучишься. Творите добро, не ленитесь ни на что хорошее.

Прежде всего идите в церковь. Пусть не застанет вас солнце на постели. Так делал мой отец блаженный и все лучшие люди. Сотворив утреннюю молитву и воздав Богу хвалу, следует с дружиною думать о делах или творить суд людям, или ехать на охоту (если нет никаких важных дел), а потом лечь спать. В полдень самим Богом присуждено спать и человеку, и зверю, и птице.

А вот поведаю вам, дети мои, о своих трудах и ловах. (Здесь Владимир подробно перечисляет свои походы.) Всех моих походов было, говорится далее, 83 больших, а прочих меньших и не вспомню. Девятнадцать раз заключал я мир с половцами при отце и после смерти его. Более ста вождей их выпустил из оков (из плена). Избито их в разное время около двухсот. А вот как трудился я на охотах и ловах: коней диких по 10, по 20 вязал я своими руками; два тура (дикие быки) метали меня на рогах с конем вместе; олень меня бодал; два лося – один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь оторвал у меня меч с боку; медведь у колена прокусил подседельный войлок; лютый зверь вскочил ко мне на колени и повалил коня со мною, а Бог сохранил меня целым и невредимым; с коня много раз я падал, голову разбивал два раза и руки, и ноги вредил себе в юности моей, жизни своей не жалел, головы своей не щадил. Что можно было делать и отроку моему, то сам я делал – на войне и на ловах, ночью и днем, в летний зной и в зимнюю стужу. Не давал я себе покою, не полагался ни на посадников, ни на биричей – сам все делал, что надо; сам смотрел за порядком в доме, охотничье дело сам правил, о конюшнях, о соколах и ястребах сам заботился. Простого человека, убогой вдовицы не давал в обиду сильным; за церковным порядком и службой сам присматривал.

Золотой амулет-змеевик Владимира Мономаха

Не осудите меня, дети мои, или иной, кто прочтет эти слова. Не себя я хвалю, а хвалю Бога и прославляю милость Его за то, что Он меня, грешного и худого, сохранял от смерти столько лет и сотворил меня неленивым и способным на все человеческие дела.

Прочитав эту грамотку, постарайтесь творить всякие добрые дела. Смерти, дети мои, не бойтесь ни от войны, ни от зверя, но творите свое дело, как даст вам Бог. Не будет вам, как и мне, вреда ни от войны, ни от зверя, ни от воды, ни от коня, если не будет на то воли Божией, а если от Бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут спасти. Божья охрана лучше человеческой...»

* * *

Из поучения этого ясно видно, как глубоко понимал Владимир Мономах учение Христово, как заботился он о правом суде и защите слабых, как высоко понимал обязанности князя.

Насколько Владимир Мономах был проникнут христианским чувством, это хорошо видно также из его письма к двоюродному брату Олегу Святославичу, который, напав на Муром, был, как известно, причиною смерти сына Владимира. Подавляя горькое чувство, Владимир пишет:

«О, многострастный печальный я! Много боролся я с моим сердцем, помышляя, как стать пред страшным Судьей без покаяния и примирения. Сказать: Бога люблю, а брата своего не люблю, будет ложь. «Аще не отпустите прегрешений брату, ни вам отпустит Отец ваш небесный»... Что может быть лучше и прекраснее, как жить дружно; но дьявол не хочет добра роду человеческому и ссорит нас. Написал тебе я это письмо, потому что побудил меня сын мой (Мстислав), крестник твой; прислал он мне грамотку, где говорит: уладимся и примиримся, а брату моему суд Божий пришел (смерть), а мы не будем местниками (мстителями), но возло-

жим это на Бога... Дни станут перед Богом, а мы Русской земли не погубим. И я, видя смирение сына моего, умилился душою, устрасился Бога и сказал: сын мой в юности своей и неопытности так смиряется и все на Бога возлагает, а я – человек (зрелых лет) грешен больше других. И послушал я сына и написал тебе грамотку. Примешь ли ее с добром или с поруганием... Что мы, грешные люди! Ныне живы, а завтра мертвы; сегодня в славе и почете, а завтра в гробу, и другие разделят собранное нами имение. Вспомни, брат, о наших отцах. Что они взяли с собою? Только то, что сотворено их душами». Далее Владимир укоряет Олега, что он даже и утешительной грамотки не прислал по смерти сына, и просит послать к нему сноху... «Я не желаю зла братии, но желаю добра ей и Русской земле! – пишет Владимир в заключение. – Если кто из вас хочет добра и мира христианам, – не узреть ему от Бога мира для души своей в будущей жизни!»

Вспомним, как хлопотал он о прекращении усобиц, о примирении враждующих, – вспомним, что по его мысли собирались княжеские съезды (Любецкий, Витичевский и Долобский); что он постоянно настаивал на общем союзе князей против половцев, – и мы поймем, почему так высоко ставили современники этого великого человека.

Он, по словам летописца, не величался, по заповеди Божией творил добро врагам своим, был очень милостив к нищим и убогим, не щадил имения своего – все раздавал нуждающимся. Понятно, отчего его так любил и простой народ, и духовенство; да и дружина не могла не любить его – вождя, не знавшего страха в бою, отважного охотника, князя милостивого и щедрого, хотя и не дававшего своим приближенным большой воли, не позволявшего им обижать народ. Благочестием он отличался таким, что, стоя в церкви и слушая церковное пение, не мог удержаться от слез. Только к половцам, заклятым врагам Русской земли, он был суров, а иногда и беспощаден. (В одном случае он даже позволил своим боярам убить двух половецких посланцев.) Умер Мономах на 74-м году от роду (1125).

Тело его было привезено в Киев. Сыновья и бояре понесли его к Св. Софии; тут его и погребли рядом с отцом его. Народ плакал по нем, говорит летописец, как дети плачут по отце или матери.

Потрудился он для Русской земли. «Слава о его доблести сияла как солнце и прошла по всем странам». По метким словам летописца, он был «братолюбец и нищелюбец и добрый страдалец за землю Русскую». При жизни его было воздвигнуто немало новых красивых церквей. Они украшались иконами греческого письма. Книжное искусство тоже все больше и больше распространялось. Киев в начале XII в. украсился богатыми постройками. Еще при Святополке Изяславиче был сооружен в Киеве Михайловский Златоверхий монастырь; стены его до сих пор сохранились. Близ Киева построен Выдубицкий монастырь на том месте, где был загородный двор Всеволода. Незадолго до смерти Владимир соорудил прекрасную церковь на реке Альте.

Владимир Мономах был в близких сношениях со многими европейскими государями. С некоторыми из них и породнился. Сам он был, как сказано, сын греческой царевны. Первой супругой его была Гида, дочь английского короля Гарольда. Старший сын Владимира – Мстислав был женат на Христине, дочери шведского короля. Одна дочь Владимира была замужем за угорским (венгерским) королем, другая за греческим царевичем.

Цари московские впоследствии великою честью для себя считали называться потомками Владимира Мономаха. В Оружейной палате хранятся так называемая Мономахова золотая шапка и еще некоторые принадлежности торжественного царского убора (скипетр, держава и бармы). По преданию, они были присланы греческим императором в дар Владимиру Мономаху. Впоследствии московские цари в день венчания на царство возлагали на себя эту шапку и бармы.

Усобицы при сыновьях и внуках Владимира Мономаха

Недолго продержались на Руси мир и тишина по смерти Владимира. Старший сын его Мстислав княжил всего семь лет. Он походил и умом и нравом на своего отца. Жестоко наказал он половцев, которые обрадовались смерти Мономаха и напали на Русскую землю. В руках держал Мстислав и удельных князей. Большею частью это были или братья его, или племянники: Владимир Мономах сумел мало-помалу забрать в свои руки чуть не всю Русскую землю и раздать ее в уделы, своим сыновьям и внукам, а Мстислав овладел Полоцким княжеством и отдал его своему сыну Изяславу. Таким образом, в руки детей и внуков Мономаха попали почти все уделы (Киевский, Новгородский, Смоленский, Суздальский, Переяславский, Волынский и Полоцкий). Только два удела не принадлежали роду Мономаха – это Черниговский и Червенский (нынешняя Галиция).

Умер Мстислав (1132), и при его брате Ярополке настают неурядицы и усобицы в потомстве Мономаха.

Усобицы начались за Переяславль (южный). Утвердился здесь Всеволод Мстиславич, но Юрий Суздальский, не желавший уступить племяннику, выгнал его и сам занял Переяславль. Затем начались ссоры племянников с дядями... Пользуясь этими раздорами Мономаховичей, Всеволод Ольгович Черниговский по смерти Ярополка (1139) сел на престоле киевском. Но как ни ловок был Всеволод, ему нелегко было держаться в Киеве: не хотел он ссориться с Мономаховичами и в то же время желал наделить волостями своих сородичей. Не раз при нем выражалась народом особенная любовь к детям и внукам Мономаха. В Киеве не любили Всеволода и по смерти его (1146) только тогда целовали крест брату его Игорю, когда тот поклялся, что он освободит Киев от ненавистных тиунов Всеволодовых и будет сам творить суд.

Но все-таки киевляне, несмотря на клятву, скоро призвали к себе Изяслава Мстиславича: «Ты наш князь; ступай скорее: Ольговичей не хотим!»

Тот недолго думая явился, разбил Игоря и взял его в плен, а сам сел в Киеве. Мало думал Изяслав о чьих-либо правах.

«Не место идет к голове, а голова к месту», – говаривал он.

Киевляне, впрочем, сами его желали.

– Ты нам князь, – сказали они ему, – не хотим переходить к Ольговичам по наследству!

Но дядя Изяслава, Юрий Владимирович Суздальский, считал себя более племянника в праве владеть Киевом, и между ними разгорается долгая и упорная борьба. Два раза Юрий изгонял отсюда Изяслава, и если он продержался около четырех лет (1150–1154), то благодаря только тому, что призвал в Киев другого дядю своего – слабого Вячеслава и правил под его именем до самой смерти. Много горестных дней пережила Русская земля за это время. Больше всего бед и вреда причинили ей Ольговичи, не раз приводившие половцев себе на помощь. Народ питал к этому княжескому роду сильную вражду, которая, случалось, переходила в дикую ярость.

Так, в 1147 г. Изяслав, узнав о враждебных замыслах черниговских князей, послал в Киев сказать об этом брату Владимиру, митрополиту и киевлянам. Когда народ собрался от мала до велика на вече, посол Изяслава сказал:

– Князь ваш вам кланяется и говорит: я вам прежде объявлял, что задумал с братом Ростиславом и Давидовичами идти на дядю Юрия, звал и вас в поход; но тогда вы сказали, что не можете на Владимирове племя, на Юрия, рук поднять, а на Ольговичей одних пошли бы и с детьми; так теперь вам объявляю: Давидовичи и Всеволодович Святослав, которому я много добра сделал, целовали тайком от меня крест Святославу Ольговичу, послали и к Юрию, а меня хотели или схватить, или убить за Игоря; но Бог меня заступил и крест честной... Так теперь, братья, что обещал и, то и делайте, – ступайте ко мне к Чернигову на Ольговичей, собирайтесь

все от мала до велика: у кого есть конь, тот на коне, у кого нет, тот в ладье. Ведь они не меня одного хотели убить, но и вас всех искоренить.

Киевляне на это отвечали:

– Рады, что Бог сохранил тебя нам от большой беды; идем за тобой и с детьми.

Тут кто-то в толпе заговорил:

– За князем-то своим мы пойдем с радостью, но прежде надо вот о чем подумать, чтобы не случилось того, что при Изяславе Ярославиче; злые люди выпустили тогда из заключения Всеслава и поставили князем себе, и много зла было нашему городу; а теперь Игорь, враг нашего князя и наш, не в заточении, а в Федоровском монастыре. Убьем его и пойдем в Чернигов за своим князем...

Слова эти разожгли народную ярость. Толпа кинулась к монастырю. Напрасно князь Владимир в ужасе старался остановить толпу. В ответ ему кричали:

– Мы знаем, что добром не кончить с этим племенем ни вам, ни нам!

Тщетно и митрополит и тысяцкие думали удержать народ от дикого преступления. Толпа ворвалась в монастырскую церковь, где Игорь стоял у обедни, и потащила его с криками: «Бейте! Бейте!»

– Ох, брат, куда это меня ведут? – спросил несчастный, увидав князя Владимира.

Тот соскочил с коня, покрыл Игоря своим корзном (плащом), заслонял его собою от ударов и умолял киевлян:

– Братья мои! Не делайте этого зла, не убивайте Игоря!

Все усилия спасти несчастного остались тщетными: он погиб мученической смертью, как жертва народной ненависти к Ольговичам и любви к Мономаховичам...

Когда до Изяслава дошла весть о гибели Игоря, он заплакал и сказал дружине:

– Если бы я знал, что это может случиться, то отослал бы его подальше и сберег бы его. Теперь мне не уйти от людских речей: станут говорить, что я велел убить его; но Бог свидетель, что я не приказывал и никого не научал.

Дружина ответила князю:

– Нечего тебе заботиться о людских речах; Бог знает, да и все люди знают, что не ты его убил, а братья его: крест к тебе целовали они, а потом нарушили клятву, хотели убить тебя...

Борьба Юрия Владимировича Долгорукого с племянником Изяславом Мстиславичем отличалась большим упорством. Приводим некоторые любопытные подробности, рассказанные в летописи.

Изяслав при помощи венгров в 1151 г. во второй раз вытеснил Юрия Долгорукого из Киева, призвал другого своего дядю, добродушного и слабого Вячеслава, признал его великим князем киевским, а Вячеслав усыновил его, Изяслава. Таким образом титул достался первому как старшему из оставшихся в живых сыновей Владимира Мономаха, а действительная власть – ловкому и деятельному Изяславу. Но Юрий Долгорукий не хотел признать этой сделки, соединился с черниговскими князьями, призвал на помощь половцев, двинулся на Киев и стал на левой стороне Днепра. Изяслав старался помешать переправе неприятеля. Схватки начались на реке. Изяслав, по словам летописи, «дивно исхитрил свои лодки»: видны были только весла, а гребцы были скрыты под дощатой плоской кровлей, на которой стояли стрелки в бронях и поражали врагов стрелами. Лодки были так приспособлены, что могли ходить взад и вперед, не поворачиваясь; на носу и на корме каждой из них были кормчие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.